

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

С.В. Лукошкина

**ИММУНИТЕТЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2011

УДК 343.1(47)
ББК 67.410.2я7
Л 84

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права*

Научный редактор   засл. юрист Российской Федерации,
                                  д-р юрид. наук, проф. **И.В. Смолькова**

Рецензенты   засл. юрист Российской Федерации,
                                  д-р юрид. наук, проф. **А.П. Гуськова**
                                  д-р юрид. наук, проф. **Л.Г. Татьяна**

Лукошкина С.В.

Л 84   Иммунитеты в российском уголовном судопроизводстве /
                  С.В. Лукошкина. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. – 213 с.

ISBN 978-5-7253-2369-6

Исследуются правовой институт процессуального иммунитета действующий в современном российском уголовном судопроизводстве, история его возникновения и развития, теоретические воззрения на его социальное и правовое содержание, а также правоприменительная практика.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических факультетов, научных сотрудников, а также для практических работников правоохранительных органов и суда.

ББК 67.410.2я7

ISBN 978-5-7253-2369-6

© Лукошкина С.В., 2011
© Издательство БГУЭП, 2011

«...история свободы –
история процессуальных гарантий»,

так сказано в знаменитом американском
трактате о свободе «*One Mans freedom*».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская Федерация, взяв курс на реформирование экономической, политической, социальной и правовой систем общества, уделяет значительное внимание закреплению на конституционном уровне основополагающих принципов, лежащих в основе механизма реализации защиты прав и свобод граждан. Одним из звеньев такого механизма является институт иммунитетов, который после семидесятилетнего перерыва получил правовое закрепление в Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, принятом в 2001 г.

Законодательное закрепление и совершенствование института иммунитетов является важным шагом на пути укрепления демократических и нравственных начал уголовного судопроизводства, а также особым средством обеспечения процессуальных прав и гарантий законности и обоснованности вовлечения участников уголовного процесса в сферу судопроизводства и применения к ним соответствующих правоограничений.

В современный период развития государства определённые категории должностных и иных лиц обладают специальным статусом и им предоставлены повышенные правовые гарантии (в первую очередь – неприкосновенность личности), призванные оградить их от неправомерного вмешательства в профессиональную деятельность, оказания давления, в том числе и путём привлечения к уголовной ответственности.

В силу ряда публично-правовых интересов действие уголовно-процессуального закона может базироваться не только на принципе равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), но и на изъятиях из этого принципа, поскольку должностное положение некоторых категорий лиц может обуславливать в уголовном судопроизводстве наличие иммунитета, то есть особых условий порядка возбуждения уголовного дела, привлечения к уголовной ответственности и производства по делу, включающего необходимость получения особого разрешения на проведение в отношении этих лиц всех или некоторых процессуальных действий. Наличие иммунитета не означает

приобретения такими лицами личных выгод, он составляет определённую гарантию эффективности выполнения ими важнейших государственных и общественных функций. Своим непосредственным юридическим основанием процессуальный иммунитет имеет не принцип равенства всех граждан перед законом и судом, а другие правовые принципы – разделение властей, независимость судей и др.

Для науки уголовно-процессуального права большое значение имеет изучение правового статуса лиц, обладающих особыми должностными полномочиями и занимающих в государстве и обществе особое положение. Речь идёт о Президенте Российской Федерации, экс-Президенте Российской Федерации, парламентариях, судьях, Председателе Счётной палаты Российской Федерации, его заместителе и аудиторах, то есть об особых категориях субъектов, деятельность которых охраняется специальными нормами уголовно-процессуального законодательства. Особую актуальность исследованию придаёт то, что некоторые институты возникли сравнительно недавно, в частности, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Председатель Следственного комитета, руководитель следственного органа.

В соответствии с положениями главы 52 УПК РФ иммунитет предоставлен лицам, перечень которых содержится в ч. 1 ст. 447 УПК РФ. Этот перечень носит закрытый характер, следовательно, не подлежит расширительному толкованию и включает в себя: членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы; депутатов, членов выборного органа и выборных должностных лиц органов местного самоуправления; судей всех уровней, а также присяжных и арбитражных заседателей в период осуществления ими правосудия; Председателя Счётной палаты РФ, его заместителя и аудиторов; Уполномоченного по правам человека в РФ; Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий; кандидата в Президенты РФ; прокурора; Председателя следственного комитета РФ; руководителя следственного органа; следователя; адвоката; члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса; зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы, зарегист-

рированного кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ.

Правовые нормы, сосредоточенные в этой главе, обладают принципиальной новизной, поскольку впервые закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве и включают в себя особый порядок возбуждения уголовных дел, а так же особенности применения мер уголовно-процессуального принуждения в отношении вышеназванных субъектов.

Вместе с тем содержание раздела XVII УПК РФ («Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц») вызывает споры в уголовно-процессуальной теории, а на практике применения порождает ряд проблем. Одна из них заключается в том, что включённые в данный раздел правила не во всём согласуются с законодательными актами об иммунитетах и привилегиях должностных лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ, которые были изданы ранее, но являются действующими и в настоящее время.

В связи с этим приобретает большое значение выработка научных рекомендаций по применению уголовно-процессуального законодательства в отношении определённых категорий лиц, направленных на усиление гарантий их государственной, общественной и профессиональной деятельности.

Необходимость анализа уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в отношении отдельных категорий лиц, наряду с указанными выше обстоятельствами, диктует выработку новых подходов к понятию, содержанию и значению процессуального иммунитета, что свидетельствует об актуальности темы исследования и, соответственно, обусловило её выбор.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ВИДЫ ИММУНИТЕТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

1. 1. Соотношение понятий «льгота», «привилегия», «иммунитет»

Особой разновидностью неприкосновенности личности выступает правовая неприкосновенность, которая является, в свою очередь, составной частью правового иммунитета. Иммунитет является самостоятельным правовым средством государства, посредством которого оно предоставляет исключительное право лицам, занимающим особое положение в межгосударственных, государственных и общественных отношениях, не подчиняться некоторым общим законам. Вместе с иммунитетами систему исключительных прав в российском обществе составляют правовые льготы и привилегии.

Если обратиться к специальной научной литературе, можно обнаружить тесное переплетение таких понятий, как «льгота», «иммунитет», «привилегия». Так, в соответствии с традициями западноевропейских языков примерно с середины XVIII в. термин «иммунитет» трактуют в двух значениях: в первом – он означает «льгота», «освобождение от повинностей», во втором – «парламентская неприкосновенность», «неприкосновенность личности дипломатического представителя»¹. С. И. Ожегов определял иммунитет как «предоставление кому-нибудь исключительного права не подчиняться некоторым общим законам», привилегию – как «преимущественное право, льготу», льготу – как «облегчение кому-нибудь, предоставляемое как исключение из общих правил»². В «Краткой российской энциклопедии» термин «привилегия» в переводе с латинского означает «отдельный», «особый закон», также определяется как «льгота», «особое преимущество»³.

В настоящее время Р. З. Лившиц справедливо определяет, что «установле-

---

¹ Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Т. 1 / П. Я. Черных. – М.: Русский язык, 1993. – С. 78.

² Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Изд-во «Русский язык», 1984. – С. 586

³ Краткая российская энциклопедия: в 3 т. – Т. 2 / Сост. В. М. Карев. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – С. 1018.

ние льгот - типичный прием правового регулирования, средство правовой дифференциации. С помощью льгот законодатель выделяет положение той или иной группы граждан в определенной области общественных отношений»⁴. Другими словами, с помощью льгот наделяется привилегиями определенная группа граждан.

В отношении института «правовая льгота» существуют различные мнения учёных. Одни считают, что это разновидность специальных прав граждан, которые представляются отдельным группам населения, т.е. как более высокий уровень прав, по сравнению с общим; другие – как поощрение участника общественной жизни в виде освобождения от некоторых обязанностей. Думается, к данной проблеме нельзя подходить однозначно. Надо полагать, что рассматривать правовую льготу можно с двух сторон: в первом случае облегчение правового положения лица может иметь место при увеличении прав, а во втором – при уменьшении обязанностей. Не следует забывать и о социально-материальной ценности данного юридического средства. Речь идет о том, что льгота позволяет субъекту улучшить собственное положение, удовлетворить свои интересы.

Думается, следует согласиться с А. В. Малько, который определяет правовую льготу как «правомерное облегчение положения субъекта, позволяющее ему полнее удовлетворять собственные интересы и выражающееся как в предоставлении дополнительных, особых прав, так и в освобождении от обязанностей»⁵.

Некоторые авторы считают, что правовую льготу не следует отождествлять с таким внешне похожим явлением, как привилегия. Система привилегий, как пишет С. В. Поленина, получила «широкое распространение не только в годы застоя и деформации социализма, но и в еще большей степени в нынешний демократический период. Речь идет о льготах, с помощью которых созда-

---

⁴ Лившиц, Р. З. Опосредование. Правовая система социализма / Р. З. Лившиц. – М.: Просвещение, 1986. – С. 298.

⁵ Малько, А. В. Льготы в праве: понятие и виды / А. В. Малько // Проблемы теории права. – 1997. – № 4. – С. 8-9.

ются условия повышенной комфортности жизни для избранного круга «наиболее ответственных лиц, приближенных к власти». В этом случае льготы не базируются на объективных основаниях и превращаются в обычные привилегии, существование которых противоречит идее формирования правового государства и подрывает как принцип равноправия граждан, так и принцип социальной справедливости, под лозунгом которой они обычно устанавливаются»⁶.

Категорично выступает против привилегий А. В. Малько: «Привилегия – это отрицательное отклонение, облегчение, не установленное в законе, зачастую неправомерное, призванное улучшать положение каких-либо субъектов с одновременным ухудшением положения других. В общественном понимании привилегия ассоциируется с чрезмерным получением блага начальниками (номенклатурой) в обход закона. Привилегии создаются тихо, либо по неписанному решению, либо на основе всевозможных закрытых нормативных актов»⁷.

Встречаются и другие взгляды на такую категорию, как привилегии. «Привилегия – это разновидность льготного способа регулирования общественных отношений, когда преимущество устанавливается, как правило, исключительной нормой и когда законодатель вольно или невольно допускает чрезмерное улучшение положения субъектов» – отмечает, например, М. Н. Козюк⁸.

Интересным представляется высказывание Ф. А. Агаева о том, что «термин «иммунитет» является собирательным понятием, включающим в себя иммунитеты в собственном смысле этого слова и особые права, льготы, преимущества и привилегии, определяемые в международном праве как изъятия из общих правил юрисдикции»⁹. По мнению автора, получается, что не стоит проводить какие-либо разделения между указанными категориями, т. к. все они подпадают под общую характеристику в качестве «изъятий из общих правил».

---

⁶ Поленина, С. В. Закон как средство реализации задач формирования правового государства / С. В. Поленина // Теория права: новые идеи. – Вып. 3. – М., 1993. – С. 16.

⁷ Малько, А. В. Льготы в праве: понятие и виды ... – С. 9.

⁸ Козюк, М. Н. Правовое равенство и привилегии депутатской неприкосновенности / М. Н. Козюк. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Личность и власть», 1995. – С. 116.

⁹ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф. А. Агаев. – М., 1997. – С. 138.

Итак, очевидно, что перечисленные юридические средства не только расширяют и освобождают от обязанностей, но и являются исключением из общих правил, позволяющим улучшать положение субъекта, выступать стимулирующей силой - дополнительной возможностью, преимуществом, что дается сверх общих прав.

Анализируя вышеизложенное, можно выделить такие общие черты у понятий «привилегия», «льгота», «иммунитет», как «особое преимущество», «предоставление кому-нибудь исключительного права», «преимущественное право», «обладание правами политической власти» и др. Тем самым можно было бы назвать «иммунитет», «привилегию» и «льготу» как «отрицательное отклонение» в праве, если бы не величайшая правовая значимость данных категорий. В этой связи нуждаются в более подробном рассмотрении вышеозначенные категории, для того, чтобы создать комплекс представлений о данных средствах и определить пути их эффективного использования на основе правовых и нравственных норм, а также понять соотношение указанных объектов внимания.

Проблема привилегий является одной из самых актуальных в настоящее время, представляя собой объект пристального внимания учёных правоведов, социологов, политологов, этиков, философов, историков, журналистов, политических партий и общественных организации, граждан, вызывая острые оценки и дискуссии. На страницах юридической литературы она часто рассматривается в контексте вопросов справедливости и равенства, законности в государственном управлении, реализации задач становления правового государства и гражданского общества, повышения правовой и политической культуры.

Несмотря на то, что данную категорию пытались неоднократно исследовать в различных её аспектах – философско-политическом¹⁰, экономическом¹¹,

---

¹⁰ См., например: Власть, демократия, привилегии // Материалы «круглого стола». – Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 46-67.

¹¹ См., например: Горланов, Г. В. Экономические привилегии. Источники и формы проявления / Г. В. Горланов. – М.: Экономика, 1990. – С. 58.

правовом¹² – природа привилегий ещё во многом остаётся недостаточно изученной.

Кроме того, нельзя не заметить, что большинство авторов анализировали названный феномен в основном ещё в эпоху перестройки, когда буквально «сквозил» конъюнктурный подход к «нехорошим» тоталитарным и к «хорошим» рыночным типам привилегий.

Детальный анализ привилегий требуется и в связи с тем, что в России сложилась новая ситуация, изменяющая представления людей об элите и её преимуществах. Всё больше заявляет о себе класс собственников, который в доминанте своей сложился вне правовых рамок и всё активнее претендует на то, чтобы узаконить своё нынешнее привилегированное положение. Между тем, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 6 марта 1997 г. правильно сказано, что необходимо «жёстко пресекать любые попытки наиболее сильных представителей частного бизнеса получить для себя исключительные привилегии»¹³.

В чём же заключается юридическая природа «привилегий»? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего остановиться на проблеме соотношения понятий «привилегия» и «льгота» в праве.

Представляется, что привилегии есть специальные (иногда исключительные) льготы для конкретных субъектов и, в первую очередь, для реализации властных полномочий органами и должностными лицами, которыми они наделены для наиболее полного и качественного осуществления своих профессиональных обязанностей.

Льгота же определяется в словарях как «преимущественное право»; «облегчение, предоставляемое кому-нибудь как исключение из общих правил»;

---

¹² Барабашева, Н. С. Право и распределение / Н. С. Барабашева, А. Б. Венгеров. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 182; Дюрягин, И. Я. Гражданин и закон / И. Я. Дюрягин. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 24-25, 45-46; Козюк, М. Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования / М. Н. Козюк. – Волгоград: Изд-во «Право», 1998. – С. 52-67.

¹³ См.: Российская газета. – 1997. – 7 марта. – С. 9.

«как предоставление кому-либо преимуществ, частичное освобождение от выполнения установленных правил, обязанностей»¹⁴.

Исходя из приведённых определений, на мой взгляд, льгота – это правомерное облегчение положения субъекта, позволяющее ему полнее удовлетворить свои интересы и выражающееся как в предоставлении дополнительных особых прав (преимуществ), так и в освобождении от некоторых обязанностей (небезынтересно отметить позицию практических работников, которые придерживаются (70 % мною опрошенных) этой же позиции).

Стоит подчеркнуть, что перечисленные определения льготы раскрывают некоторые общие признаки между рассматриваемыми категориями:

а) они позволяют облегчать положение соответствующих субъектов, расширяют возможности по удовлетворению тех или иных интересов. Безусловно, на это направлены, в частности, как льготы для военнослужащих, так и привилегии для парламентариев (например, право бесплатного проезда по стране в служебных целях, возможность вернуться на своё рабочее место, после отправления выборной должности и пр.);

б) обе названные категории являются правостимулирующими средствами, побуждающими к определённому поведению и несущими положительную правовую поддержку (например, качественные социальные льготы, безусловно, играют стимулирующую роль и создают нормальные условия жизни населения, в тоже время, привилегии выступают необходимым элементом правового стимулирования эффективного управленческого процесса труда);

в) оба названных средства являются своеобразными изъятиями, правомерными исключениями из общих правил для тех или иных лиц (например, льготы для пенсионеров, а также судейский иммунитет позволяют оценивать эти преимущества как особые, исключительные, выделяющиеся из общих юридических канонов);

---

¹⁴ Ожегов, С. И. Словарь русского языка ... – С. 334; Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 733.

г) они выступают в качестве правового метода разделения юридического статуса тех или иных лиц, которые ими наделяются (льготы для ветеранов войны и т. п., а также привилегии дипломатических представителей обуславливают их определённое правовое положение).

Таким образом, привилегии по своим параметрам во многом похожи на льготы и составляют вместе с иммунитетами единую систему юридических преимуществ.

В этой связи, совершенно правильно отмечает И. И. Кравченко: « ... льготы и привилегии – это одна система ... в принципе они друг от друга мало отличаются ... ». Следовательно «не так-то просто, а часто и невозможно провести чёткую грань между льготами и привилегиями»¹⁵. Подобного мнения придерживаются Ф. А. Агаев и В. Н. Галузо: « ... строгого разграничения иммунитетов – льгот и привилегий – изъятий из общего правила в международной договорной практике, а равно и во внутреннем законодательстве не проводится ... данное положение объясняется тем, что каждый процессуальный иммунитет и каждая процессуальная привилегия не существует в «чистом» виде. Каждый из них представляет собой совокупность правил, обладающих признаками как иммунитета, так и привилегии в собственном значении»¹⁶. Действительно, особый порядок возбуждения уголовного дела, например, в отношении судьи Конституционного Суда РФ, естественно, является и льготой, дополнительной гарантией, служащей целям обеспечения эффективного и беспрепятственного выполнения судьёй своих профессиональных обязанностей, и признаком соответствующего иммунитета. Тогда как сами особенности возбуждения уголовных дел в отношении определённой категории лиц, закреплённые в гл. 52 УПК РФ, также представляют собой исключение из общего правила возбуждения уголовных дел на основании ст. 140 УПК РФ – признак привилегии.

---

¹⁵ Кравченко, И. И. Власть, демократия, привилегии ... – С. 49, 63.

¹⁶ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 11.

Соглашаясь в целом с данными тезисами, попытаемся всё же показать некоторые особенности привилегии как специфической разновидности правовых льгот:

1. Если льготы призваны облегчать положение различного рода субъектов, то привилегии в основном сориентированы на политическую элиту, на государственные органы и должностные лица (исключение, пожалуй, составляет привилегия от самообвинения). С точки зрения В. П. Казимирчука, льготы «нужны для того, чтобы поддержать стабильность в обществе, так и для того, чтобы создать легитимность, т. е. доверие общества к той власти, которая защищает этих людей. Что касается привилегий, то они могут распространяться только на тех, кто находится у власти и вершит власть»¹⁷. Думается, нельзя согласиться со столь категоричным заявлением, поскольку привилегии устанавливаются не только в отношении высокопоставленных лиц, а могут принадлежать как исключительные права гражданам, предприятиям, организациям и иным субъектам¹⁸.

2. Полагаю, что по кругу лиц и по сфере деятельности, на которые распространяются эти правовые средства, льготы обладают более широким диапазоном действия, чем привилегии. В этой связи прав И. И. Кравченко в том, что «льготы – это массовые формы привилегий». Привилегии же, в свою очередь, – специфические льготы, исключения из исключений. Их не может быть много, иначе привилегии будут доминировать над основными принципами права – законность, справедливость, равноправие и т. п.

3. Льготы в большинстве своём характеризуют специальный правовой статус субъектов, ибо они устанавливаются главным образом для соответствующих групп и слоёв населения (пенсионеры, студенты и т. п.), а привилегии могут устанавливаться как в специальном (судьи, депутаты, и т. п.), так и в инди-

---

¹⁷ Казимирчук, В. П. Власть, демократия, привилегии ... – С. 55.

¹⁸ См., например: ст. 7 Закона РФ «О государственной тайне» в редакции от 6 октября 1997 г. // Собрание законодательства. – 1997. – № 41. – Ст. 4673; ст. 1 Постановления Правительства РФ «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу отдельным категориям граждан» от 30 декабря 1998 г.; ст. 4. 37 Приказа Министерства финансов РФ «О годовой бухгалтерской отчётности организаций» в редакции от 20 октября 1998 г.

видуальных статусах, так как они в большей мере подтверждают исключительность юридических возможностей особо ответственных и иных лиц.

4. В силу различных социальных ролей, которые выполняют разные субъекты в жизнедеятельности общества, законодатель, с одной стороны, с помощью льгот пытается «выравнить» их фактическое неравенство, с другой – посредством привилегий юридически «выделяет» тех, кому это необходимо для полноценного осуществления специфических обязанностей. Однако, как верно заметил В. М. Межуев, «между льготами и привилегиями то существенное отличие, что первые в какой-то мере смягчают существующее фактическое неравенство, тогда как вторые добавляют к последнему ещё и формальное неравенство, как бы возводят это неравенство в закон»¹⁹. В независимом государстве существует и власть независимая, или верховная. Она образуется в известном порядке и имеет различные права и преимущества, особенно действуя в законодательстве и управлении²⁰. В целях наиболее эффективного и качественного осуществления своих служебных обязанностей, независимого выполнения официальных функций, возмещения властвующим лицам затрат, возникающих у них в процессе управления, и необходимы юридические преимущества, которые можно назвать, как привилегиями, так и иммунитетами. И хотя данные категории в целом олицетворяют неравенство – без них не обойтись. Ведь нельзя же во всех отношениях уравнивать генерала с солдатом, министра с рядовым работником, руководителя государства с каждым гражданином. Что хорошего в том, считает В. М. Межуев, если политики, от которых так много зависит в нашей жизни, будут больше думать не о деле, а о пропитании для себя и своей семьи?²¹ Кроме того, иерархическая структура самих властных отношений заведомо диктует неравенство политико-управленческих ролей. С этим упрямым фактом связаны большие или меньшие размеры привилегий. Не может, скажем, функция президента быть равнозначной, равноценной по объёму и по всем ат-

---

¹⁹ Межуев, В. М. Власть, демократия, привилегии ... – С. 51.

²⁰ Неволин, К. А. Энциклопедия законоведения. – Т. 1 / К. А. Неволин. – СПб.: Равена, 1997. – С. 67-68.

²¹ Межуев, В. М. Указ. статья. – С. 51.

рибутам, с которыми связана реализация данной функции, допустим, функции налогового инспектора. Отсюда бороться с неравенством публично-властных ролей, с неравенством публично-властных функций в системе государственной власти – нелепость, чистая бессмыслица²².

В этой связи нельзя в полной мере согласиться с мнением М. Н. Козюка о том, что «цели применения льгот можно обосновать объективными причинами, а наличие привилегий чаще всего связано с историческими пережитками и своеобразными психологическими факторами (престиж, авторитет и т. п.)»²³. Привилегии для политической элиты, как показано выше, тоже имеют объективные причины, связанные с самой природой властеотношений.

Законодатель, издавна употребляя термины «льгота» и «привилегия», не всегда достаточно чётко проводил и проводит различия между ними. Уже в Законах XII таблиц используются оба этих понятия. Так, в ст. 1 таблицы III сказано, что «пусть будут даны должнику 30 *льготных* дней после признания им долга или после постановления против него судебного решения»; в ст. 1-2 таблицы IX установлено, что «*привилегий*, т. е. отступлений в свою пользу от закона, пусть не испрашивают»²⁴.

Юридическую природу льгот и привилегий, используемых в древнеримском праве, анализировал ещё В. В. Ефимов. Он, в частности, отмечал, что согласно догме римского права, юридические нормы по объёму действия делятся на две большие группы: право общее и исключительное. Право общее содержит нормы права, к которым судья должен обращаться, если нет особых указаний касательно рассматриваемого отношения. В свою очередь в праве общем различали право обыкновенное и особенное. Если первое устанавливает общепринятые положения, то второе допускает отступления от обыкновенного права. Основания отступления от общеобыкновенных норм – общественное благо, интересы специальных классов людей. В результате этого В. В. Ефимов определя-

---

²² Межуев, В. М. Там же. – С. 57.

²³ Козюк, М. Н. Указ. статья. – С. 60.

²⁴ Цит. по: Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. З. М. Черниловского. – М.: Можайск; полиграф. комб., 1998. – С. 47, 54.

ет юридическую льготу как правомочие, предоставляемое особенным правом, привилегии же как исключительное, специальное право, как изъятие из общих законов²⁵.

Практически все страны Европы использовали привилегии как средства, в определённой степени упорядочивающие отношения между феодалами и чиновниками. И везде так или иначе привилегии характеризовали статус субъекта, его служебную роль в иерархии власти. В средневековых городах принимаются специальные акты, в которых данные привилегии предоставляются и подтверждаются королями и императорами. Например, в праве г. Шпейера установлены следующие: «Привилегия, данная Генрихом V» от 14 августа 1111 г., «Фридрих I подтверждает привилегию Генриха V» от 27 мая 1182 г.²⁶

Известный английский юрист Г. Брактон в своём трактате «О законах и обычаях Англии» (середина XIII в.) специально посвятил привилегиям XXIV главу, которую так и назвал «О привилегиях, о том, кто их может даровать и какие из них принадлежат королю»²⁷.

В России, начиная со времён Русской правды, привилегии оформлялись в основном как «пожалованные» государем исключительные права, как проявление его милости и «монаршей воли», как особый дар, «подать» ограниченному кругу субъектов, принадлежащих к «власти предержащей». Привилегии закреплялись либо в соответствующих нормативных актах (так, в Судебнике 1550 г. Иван IV предоставил определённые привилегии «служилому дворянству»²⁸, в Соборном Уложении 1649 г. нашли отражение феодальные привилегии²⁹, Стоглав 1551 г. закрепляет привилегии церквей и монастырей на получение госу-

---

²⁵ Ефимов, В. В. Догма римского права / В. В. Ефимов. – СПб.: тип. В. С. Балашова, 1901. – С. 34-36.

²⁶ См., подробнее: Средневековое городское право XII-XIII веков. Сборник текстов / Под ред. С. М. Стама. – Саратов, 1989. – С. 28-38.

²⁷ Марчанукова, Д. А. Имунитетные права феодалов в Англии в период правления Эдуарда I: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. А. Марчанукова. – Ставрополь, 2001. – С. 8.

²⁸ Российское законодательство X-XX веков в 9-ти томах. – Т. 2 / Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 41-42.

²⁹ Там же. Акты Земских Соборов. – Т. 3. – С. 281.

дарственных дотаций при Василии III и Елене Глинской³⁰ и т. д.), либо в получивших широкое распространение так называемых податных привилегированных грамотах.

В условиях феодального российского общества привилегии имели в основном сословный характер. Само право данного периода далеко не случайно называют правом привилегий. Между тем « ... сословные привилегии, - как верно подчёркивал Б. Н. Чичерин, - разъединяя общественные классы, составляют существенное препятствие развитию политической свободы»³¹.

Подобные привилегии зачастую выступали в качестве необоснованных преимуществ для избранных за счёт одновременного ущемления прав большинства граждан. Всё это в конечном итоге привело к тому, что в обыденном сознании само слово «привилегия» стало ассоциироваться с неравенством и всё больше вызывало к себе негативное отношение со стороны основной части населения. Поэтому далеко не случайно во времена советской власти названный термин практически не использовался законодателем.

Современное российское право содержит понятие «привилегия», хотя последнее время оно довольно редко встречается в текстах законов. Например, данное понятие можно встретить в таких нормативных актах, как: в ст. 30 Федерального закона от 26 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг»³²; в ч. 4 ст. 2 Федерального закона в редакции от 24 июля 1998 г. «О языках народов Российской Федерации»³³; в ст. 7 Закона РФ в редакции от 6 октября 1997 г. «О государственной тайне»³⁴ и др.

За рубежом есть свои особенности понимания и использования льгот как юридических средств. Американский учёный Л. Мейзер отмечает, что льготы (exemption) по сути дела дополняют уже имеющиеся привилегии (privilege), о правомерности которых можно судить с точки зрения целесообразности их

---

³⁰ Там же. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства ... – С. 427.

³¹ Чичерин, Б. Н. Избранные труды / Б. Н. Чичерин. – СПб.: Просвещение, 1998. – С. 343.

³² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

³³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3804.

³⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 41. – Ст. 4673.

предоставления, и рассматривает привилегии как преимущества, закреплённые в законодательстве, а льготы – как установленные сверх этого дополнительного права, содержащиеся в актах судебного правотворчества (прецедентах), некоторых административных документах, договорах. Система льгот постоянно меняется в зависимости от конкретных обстоятельств и условий общественного развития, тогда как система привилегий, напротив, отличается большей стабильностью, так как с её помощью достигается дифференцированный подход законодателя к вопросам антимонопольной, таможенной, национальной, социальной и иной политики. Чёткого разграничения между привилегиями и льготами автор не проводит, отмечая, что понятие «привилегия» более традиционно для американского права, тогда как понятие «льготы» стало применяться значительно позже. Категории «привилегии», «иммунитеты», «преимущества», «льготы» рассматриваются как тождественные³⁵.

В законодательстве стран – представителей англосаксонской системы права (Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.) предпочтение в обозначении каких-либо изъятий, исключений в целом отдаётся понятию «привилегии». Так, Акт о пэрах 1963 г., относящийся к конституционным актам Великобритании, определяет все преимущества, предоставленные пожизненным пэрам, как «приоритеты», «выгоды», «привилегии», «иммунитеты»³⁶. Следует также отметить, что законодатель в государствах, входящих в романо-германскую правовую семью (Франция, Италия, Испания, Португалия, ФРГ, Австрия и др.), чёткой позиции по проблеме соотношения понятий «льготы» и «привилегии» не придерживается³⁷.

Понятия «привилегии» и «иммунитеты» широко используются в области международного права. Основные международные акты и договоры – важнейшими из которых являются Конвенция о привилегиях и иммунитетах ООН 1946

---

³⁵ Miser, L. *Liberalism* / L. Miser. – Boston, 1997. – P. 27.

³⁶ Конституции зарубежных государств / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. – М.: Изд. группа: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – С. 82.

³⁷ Там же. – С. 336, 402, 456, 326, 208, 360.

г.³⁸, Генеральное соглашение о привилегиях и иммунитетах Совета Европы 1949 г.³⁹, Международный пакт «О гражданских и политических правах» 1966 г.⁴⁰, Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера 1975 г.⁴¹ и ряд других - определяют все преимущества, предоставляемые дипломатическим и иным работникам, как привилегии, иммунитеты и льготы. В этих актах подчёркивается, что данные юридические средства предоставляются не для личной выгоды, а для выполнения названными сотрудниками своих функциональных обязанностей.

Подобной позиции придерживается и Европейский Союз, наделённый государствами-членами соответствующими привилегиями и иммунитетами, объём и функциональная специфичность которых определяется, исходя из требований независимости и безопасности, необходимых для обеспечения нормальной работы институтов и для достижения поставленных целей и задач.

Международное же гуманитарное право идёт, наоборот, по пути объединения вышеозначенных категорий в понятия «преимущества» и «изъятия» (например, Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г.⁴²). Следует отметить, что в юридических документах в области международного гуманитарного права, посвящённых вопросам взаимоотношения Российской Федерации с бывшими республиками Советского Союза, ранее составлявшими единое правовое пространство (например, Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г.⁴³), все преимущества и исключения определяет понятие «льготы».

Учитывая всё вышесказанное, полагаю, что в современных условиях важно полностью «реабилитировать» понятие «привилегия», ибо оно отражает из-

---

³⁸ Действующее международное право. В 3-х томах. – Т. 1 / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та межд. права, 1999. – С. 615-620.

³⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1391.

⁴⁰ Права человека / Сборник международных документов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 45-72.

⁴¹ Действующее международное право. – Т. 1 ... – С. 582-615.

⁴² Международные акты о правах человека ... – С. 432-445.

⁴³ Там же. – С. 711-720.

вестную реальность, определённые исключительные преимущества. Но использовать данный термин в российском законодательстве необходимо только в строгом соответствии с его юридическим содержанием. Кроме того, сами привилегии должны предоставляться тем или иным лицам лишь в той мере, в какой они в конечном счёте полезны всему обществу и содействуют осуществлению соответствующих необходимых обязанностей.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что иммунитет является разновидностью привилегий, по крайней мере, с позиции российского законодательства. Проанализировав сущность указанных ранее правовых средств, попытаемся выделить ряд признаков, характерных как для льгот и привилегий, так и для иммунитетов:

- они создают особый юридический режим, позволяют улучшать положение соответствующих субъектов, расширяют возможности по удовлетворению тех или иных интересов;

- эти категории призваны быть правостимулирующими средствами, побуждающими к определённому поведению и обозначающими положительную правовую мотивацию;

- данные средства являются гарантиями нормальной деятельности, способствуют осуществлению определённой категорией лиц тех или иных обязанностей;

- они выступают своеобразными изъятиями, правомерными исключениями из общих правил, установленными в специальных нормах;

- указанные институты представляют собой определённый метод разграничения юридического статуса субъектов, на которые они распространяются.

Льготы, привилегии и иммунитеты для властвующих лиц должны быть социально обоснованы, целесообразно и чётко установлены только на уровне законов. Думается, что власть должна иметь не больше привилегий, чем требуется для её успешного функционирования. А вопрос о том, каков этот необходимый минимум, должен решаться в каждом конкретном случае законодательным путём с соблюдением всех формальных процедур. Здесь трудно заранее пред-

ложить какой-то единый рецепт: всё будет зависеть от социально-экономического состояния общества, от того, сколько на данный момент оно может позволить себе тратить на власть⁴⁴.

****

Выводы.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что наряду с общими признаками, характерными как для льготы, привилегии и иммунитета, имеются специфические, свидетельствующие о самостоятельной природе иммунитетов, позволяющие их выделить в отдельную правовую категорию:

1. Следует отметить, что понятие «иммунитет» по своему объему и содержанию уже, нежели чем понятие «льгота», так как распространяется на определённую группу субъектов, в то время как льготы направлены на достаточно широкий круг субъектов (большинство граждан).

2. Если привилегии в большей степени воплощаются в преимуществах, так называемых положительных льготах, то иммунитеты, наоборот, проявляются в виде своеобразных «отрицательных» льгот. Применительно к уголовно-процессуальному законодательству понятие «иммунитет» понимается как освобождение от выполнения процессуальных обязанностей и ответственности (право не давать показаний, не привлекаться к уголовной ответственности и т. п.). «Отрицательность» иммунитета – его специфическая черта, позволяющая ему определённым образом достигать поставленных целей.

3. Конечной целью иммунитета является обеспечение эффективного выполнения официальных профессиональных функций определёнными субъектами. Так, в соответствии со ст. 6 Четвёртого протокола к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы от 16 декабря 1961 года

---

⁴⁴ Власть, демократия, привилегии ... – С. 52.

«привилегии и иммунитеты предоставляются судьям не для их личной выгоды, а с целью обеспечить независимое осуществление их функций»⁴⁵.

4. Круг лиц, на которых распространяется иммунитет, должен быть чётко определён в нормах международного права, конституциях и законах. Тогда как носители иных льгот и привилегий далеко не всегда конкретно и чётко обозначены в соответствующем законодательстве.

Обобщая сказанное, надлежит отметить то, что проблема привилегий и иммунитетов затрагивает различные срезы нашей жизнедеятельности, подчас очень «болезненные», и требует для своего разрешения комплекса социально-экономических, политико-правовых и духовно-нравственных мер.

1.2. Понятие, возникновение и развитие правового института иммунитета в уголовном судопроизводстве

Уголовный процесс основывается на системе принципов, среди которых можно выделить принципы законности, состязательности, равенства граждан перед законом и судом и другие. Однако сама реализация данных принципов может осуществляться только посредством нормального функционирования определённых правовых институтов. Одним из таких институтов является институт иммунитета, основным назначением которого является усиление предоставляемых дополнительных гарантий защиты законных прав и интересов отдельных категорий граждан.

Неудивительно, что использование некоторых видов иммунитетов (депутатский, судейский и др.) в определённых слоях общества стало рассматриваться как отступление от конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ). Половина (50 %) опрошенных практических работников полагают, что любое изъятие из общего правила, есть отступление от конституционных принципов.

Ф. А. Агаев и В. Н. Галузо в этой связи справедливо отмечали: «Исключе-

---

⁴⁵ Глотов, С. А. Право Совета Европы и Россия / С. А. Глотов. – Краснодар: Изд-во «Наука», 1996. – С. 145, 163.

ния из принципа равенства в действующем законодательстве России играют заметную роль и их нельзя не учитывать. В настоящее время различными видами исключительного права (иммунитетами) в уголовном процессе России пользуются 30 категорий российских и более 150 категорий иностранных граждан. Сложился большой круг исключительных норм, расположенных в различных отраслях права, которые оказывают существенное влияние на производство предварительного расследования и рассмотрение уголовных дел в судах. Принцип равенства граждан перед законом и судом неоднократно являлся предметом научного исследования, в том числе на монографическом уровне»⁴⁶.

Однако, несмотря на актуальность проблемы, до сих пор не достигнуто единства взглядов на его сущность, проявления, а также понятие, содержание и социальное назначение исключений из данного принципа.

Думается, что анализ содержания понятия «иммунитет» необходимо начать с рассмотрения этимологии и значения данного термина.

Слово «иммунитет» происходит от латинского «*immunitas*», от английского «*immunity*», «*immunitas*» (освобождение от чего-либо) – общеправовой термин, в юридических словарях означающий освобождение определенного круга субъектов права из-под действия общих правовых норм⁴⁷. В западноевропейских языках термин «иммунитет» встречается с XIII в., а в русском языке слово «иммунитет» используется с середины XIX в., оно означало «освобождение от какой-нибудь должности или налога»⁴⁸. Правовой смысл понятия «иммунитет» различные словари русского языка, в том числе энциклопедические и юридические, трактуют как исключительное право не подчиняться некоторым общим

---

⁴⁶ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе / Ф. А. Агаев, В. Н. Галузо. – М.: ТЕИС, 1998. – С. 22.

⁴⁷ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – М.: Изд-во ИНФРА-М, 1997. – С. 239.

⁴⁸ Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка ... – С. 344.

нормам лицам, занимающим особое положение в государстве, или изъятие кого-нибудь из-под действия некоторых законов⁴⁹.

Круг лиц, обладающих исключительным правом (иммунитетами), в ныне действующем законодательстве сложился далеко не сразу. Этому предшествовал сложный социально-правовой процесс становления и развития данного института. Как верно отмечает М. Бартошек, «на сегодняшний день достаточно тяжело определить – в праве какого из государств древнего мира впервые появился институт иммунитета. Исторически появление иммунитета как юридического института связано с римским правом, в котором он был впервые закреплён, как освобождение от податей или общественных повинностей, как особое право, предоставляемое отдельному лицу, категории или общине сенатом при Республике или императором»⁵⁰.

В материальном праве тех лет шло деление правовой ответственности в зависимости от общественного положения виновного и потерпевшего. Тогда же, впервые в истории, римское право дало понятие иммунитета. В феодальном праве указанная категория означала привилегию феодала⁵¹ или освобождение от королевского суда населения принадлежащих вассалам (феодалам) земель с передачей соответствующих полномочий вассалам⁵². В связи с сильной политической раздробленностью европейских государств и отсутствии централизованной власти за феодалами оставались те права, которыми они фактически пользовались. Постепенно этот институт утратил свое значение.

Обратившись к английской истории, можно увидеть значительную по масштабам и по правовой наполненности эволюцию одной из главных составляющих местной власти в феодальном мире – иммунитета. К сожалению, «недостаточное закрепление английского иммунитета в исторических документах,

---

⁴⁹ Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4 / В. Даль. – М.: Русский язык, 1982. – С. 148; Тихомирова Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. – М.: Изд-е г-на М. Ю. Тихомирова, 1997. – С. 177, 434.

⁵⁰ Цит. по: Корякин, И. П. Иммуниет в уголовном судопроизводстве (генезис и гносеология): Учебное пособие / И. П. Корякин. – Алматы: Данекер, 2004. – С. 7.

⁵¹ Советский энциклопедический словарь ... – С. 490.

⁵² Юридический словарь. – Т. 1 / 2-е изд. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – С. 382.

по сравнению с иммунитетом в странах континентальной Европы, послужило причиной отсутствия заинтересованности со стороны отечественных и зарубежных исследователей, которые довольно редко обращались к теме английского иммунитета»⁵³.

Иммунитетные права феодалов в Англии в период правления короля Эдуарда I принадлежали лордам-иммунистам и оспаривались королевскими представителями на судебных процессах и работах сессий разъездных судов. Д. А. Марчанукова полагает, что «необходимость проведения правовых реформ после гражданской войны требовала проведения процедуры, вошедшей в историю под названием Quo Warranto, которая была направлена на укрепление королевской власти правовым путем. С ее помощью сделана попытка выяснить, на каком основании феодалы пользуются привилегиями и как управляется королевская собственность, выявить злоупотребления должностных лиц, а при случае возвратить собственность короны в казну»⁵⁴.

Возврат коронных прав происходил путем отказа феодала от своих притязаний на собственность и привилегии или по решению суда.

Большинство привилегий, которыми пользовались лорды-иммунисты, давало их обладателям право исполнения определенных функций, относящихся к компетенции королевских чиновников или право на получение определенного денежного дохода, обычно принадлежащего королю. Степень обладания данными привилегиями была различна.

Returnus brevium - «наиболее общая и часто встречающаяся привилегия, отчуждающая часть функций штрафа в пользу феодала, но все равно остающаяся значительным шагом в расширении иммунитета»⁵⁵. Наличие такой привилегии давало ее обладателю право на своей иммунитетной территории выполнять все королевские распоряжения при помощи собственных слуг.

В Англии были известны и другие привилегии: «свободная охота»; «разби-

---

⁵³ Гутнова, Е. В. К вопросу об иммунитете в Англии. Средние века / Е. В. Гутнова // Сб. статей. – Вып. 3. – М., 1951. – С. 103.

⁵⁴ Марчанукова, Д. А. Указ. работа. – С. 6.

⁵⁵ Марчанукова, Д. А. Там же. – С. 11.

тие частного парка»; «право на свободную кухню»; «частные сотенные суды» (право сотенной юрисдикции); право иметь в своей деревне виселицу для быстрой расправы над ворами, пойманными с поличным; право преследоваться по суду только королем и т. д.

Доктрина привилегий строилась, прежде всего, на защите королевских прав. Наибольшее распространение получила доктрина Г. Брактона, которая рассматривала иммунитет как юридическое (по хартии) или квази-юридическое (по давности) оформление королевского пожалования лорду-иммунисту каких-либо иммунитетных прав как определенную форму отчуждения части государственного суверенитета. Например, на заседании суда в Винчестере или на его разъездных сессиях судьи могли потребовать от лордов-иммунистов в ответ на их правопритязания обосновать, почему они претендуют на привилегии, или доказать, что их ближайший предок умер, находясь во владении привилегией.

Необходимо отметить, что термин «иммунитет» обычно употребляется в праве стран Западной Европы, хотя соответствующий ему институт был характерным для всех феодальных государств.

В России дипломам об иммунитете, выдававшимся в странах Западной Европы королями, соответствовали по форме и содержанию так называемые тарханные грамоты. Освобождение от княжеского суда духовных землевладельцев и светских помещиков («ведает свои люди сам или кому прикажет») обычно сопровождалось их освобождением от налогов и повинностей. С усилением княжеской власти иммунитет начинает ограничиваться. Первая попытка отменить тарханные грамоты была сделана при Иване IV. Эта попытка была повторена в Соборном уложении 1642 г. («несудимые грамоты оставить»). Однако фактически иммунитетные права, хотя и со значительными ограничениями, сохранились вплоть до конца XVII в.⁵⁶

Дальнейшее развитие института иммунитета в Европе шло в направлении предоставления права неприкосновенности представителям церкви, тем самым развивался институт индульгенций. Неприкосновенность посла сопоставлялась

---

⁵⁶ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 6.

с неприкосновенностью священника и других лиц, состоящих под покровительством церкви. Так же устанавливалось, что всякий, кто нападает на посла, совершает святотатство⁵⁷.

Проведя параллель с европейскими иммунитетами, возникшими на религиозной почве, нельзя не отметить, что история развития и становления такого вида иммунитета, как свидетельский, тесным образом связана, прежде всего, с религиозными чувствами, вероисповеданием и обрядами. Одним из начальных моментов возникновения права отказа от свидетельствования, можно считать именно сведения, полученные во время исповеди священнослужителем.

Так, примерно до конца XVIII века, тайна исповеди считалась безусловной. Номоканон при требнике 1662 года «воспрещал открывать тайну исповеди, грозил за это тяжкою карой»⁵⁸.

Впоследствии, при царствовании Петра Великого, в начале XVII века, когда в России вспыхнули мятежи и восстания, произошёл отход от правила невозможности разглашения сведений, полученных на исповеди. Например, действовавший в то время Духовный регламент делал исключения для священнослужителей, получивших сведения о совершённых или готовящихся государственных преступлениях, карая одновременно за разглашение тайны исповеди по другим преступлениям⁵⁹.

По проекту Устава уголовного судопроизводства 1864 года предполагалось освободить священников от свидетельства по поводу признаний, сделанных им не только на исповеди, но и во время других обрядов или духовной помощи. Однако, в окончательной редакции Устава было признано, что воспрещается священникам открывать только те признания, которые сделаны им на исповеди, и нет достаточного основания распространять это воспрещение на другие случаи, когда виновным может быть сделано признание (п. 2 ст. 93; п. 2 ст. 704 Ус-

---

⁵⁷ Левин, Д. Б. Дипломатический иммунитет / Д. Б. Левин. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – С. 29.

⁵⁸ Скопинский, А. В. Свидетели по уголовным делам. Пособие для практиков / А. В. Скопинский. – М.: «Правоведение», 1911. – С. 29.

⁵⁹ Скопинский, А. В. Там же. – С. 29.

тава 1864 г.). Это решение было обусловлено тем, что священнослужители освобождались по каноническим правилам и по Своду законов только от признаний, сделанных им на исповеди, о других же случаях отказа от свидетельства в религиозных правилах не упоминалось. Светский закон был приведён в соответствие с нормами религии⁶⁰.

В период средневековья появляется ещё один вид преимуществ, подпадающий под понятие иммунитета – иммунитет от уголовного преследования. Основой его зарождения, видимо, следует считать появление института индульгенции, освобождающего духовное, а позже и светское лицо от уголовной ответственности за любое совершённое им деяние⁶¹. Индульгенция (от латинского *indulgentia* - милость) в католической церкви – полное или частичное отпущение грехов, а также свидетельство об этом⁶². Индульгенции, ввиду достаточно высокого положения Ватикана в тот период времени, имели серьёзное значение в уголовном судопроизводстве католической Европы.

Следует подчеркнуть, что именно в период XVI – XVIII вв. институт иммунитета начинает приобретать современные черты, в частности, появляются: иммунитет от юрисдикции по уголовным и гражданским делам, иммунитет от дачи показаний, иммунитет резиденций, занимаемых дипломатическими представительствами и др.

В литературе термин «иммунитет» понимается по-разному, например, существуют иммунитеты: медицинский, дипломатический, иммунитет государства, иммунитет военных кораблей, парламентский, налоговый, судейский, Уполномоченного по правам человека и ряд других.

В юридическом мире еще не сформирован единый подход к понятию уголовно-процессуального иммунитета. Так, В. Г. Даев определяет иммунитет как «исключительное право не подчиняться некоторым правилам»⁶³.

---

⁶⁰ Квачевский, А. А. О вызове и допросе свидетелей на предварительном следствии / А. А. Квачевский. – М., 1869. – С. 7.

⁶¹ Корякин, И. П. Иммунитет в уголовном судопроизводстве ... – С. 13.

⁶² Советский энциклопедический словарь ... – С. 491.

⁶³ Даев, В. Г. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности / В. Г. Даев // Правосудие. – 1992. – № 3. – С. 48.

А. В. Наумов под иммунитетом понимает « ... нераспространение общих правил об ответственности за правонарушения на определенных лиц, включая освобождение от ответственности. Такое исключение вытекает обычно из особого юридического статуса этих лиц. ... В некоторых случаях такое исключение установлено непосредственно в уголовном законе, в других случаях оно вытекает из других отраслей национального права (например, уголовно-процессуального), в третьем из норм и принципов международного права»⁶⁴. По его мнению, всякий раз речь идет о том, совершило или нет лицо соответствующее уголовно-наказуемое деяние, и, по сути дела, решается вопрос об освобождении его от уголовной ответственности и наказания, проблема эта приобретает непосредственно уголовно-правовое значение и, следовательно, имеет уголовно-правовую природу.

А. Г. Кибальник полагает, что «имеют место препятствия при привлечении к уголовной ответственности определенного круга лиц: дипломатов, консулов, депутатов, судей и ряда других. Такие изъятия из общего порядка реализации уголовной ответственности получили наименование «иммунитета», традиционно рассматриваемого в качестве института уголовно-процессуального права (который сводится к особому порядку возбуждения уголовного дела, осуществления процессуального задержания и применения некоторых мер принуждения, а также производству ряда следственных действий в отношении тех или иных категорий лиц).

Однако преступность деяния и собственно уголовная ответственность определены исключительно в уголовном материальном праве. В рамках процессуальных форм происходят лишь развитие и реализация уголовной ответственности. В момент совершения преступления уголовная ответственность возникает как обязанность лица дать ответ за содеянное и подвергнуться мерам государственного принуждения. Процессуальная форма не образует самостоятельной юридической ответственности и не является стадией уголовной ответственно-

---

⁶⁴ Наумов, А. В. Иммунитет в уголовном праве / А. Н. Наумов // Уголовное право. – 1998. – № 2. – С. 23.

сти, так как уголовный процесс всецело посвящен выявлению материального правоотношения ответственности. Любое процессуальное правоотношение является производным от уголовно-материального»⁶⁵. И поэтому, автор утверждает, что особый порядок наступления уголовной ответственности изначально носит уголовно-материальный характер. С этим высказыванием можно согласиться, так как все изъятия из процессуальных действий в конечном итоге подчинены одной цели – законной реализации уголовной ответственности согласно установленного уголовно-материального права. В связи с этим можно утверждать, что уголовно-процессуальные иммунитеты являются производными от уголовно-материальных.

Существует мнение, согласно которому иммунитеты в уголовном процессе представляют собой многоступенчатое объединение процессуально-правовых институтов и субинститутов, нормы которого регулируют особый (усложненный) порядок уголовного судопроизводства и особых юридических преимуществ для отдельных категорий российских и иностранных граждан⁶⁶.

И. Лукашук рассматривает процессуальные иммунитеты как «освобождение от чего-либо (на практике чаще всего имеется в виду освобождение от ответственности)»⁶⁷ (50 % интервьюированных практических работников правоохранительных органов считают также).

Некоторые авторы применительно к уголовно-процессуальному законодательству определяют иммунитеты как дополнительные гарантии неприкосновенности и неотвечественности, связанные с усложненным порядком производства следственных и процессуальных действий⁶⁸.

На мой взгляд, устанавливая особые процедуры, законодатель исходил из той роли, которую определенные лица играют в государстве и обществе, в

---

⁶⁵ Кибальник, А. Г. Иммуитет как основание освобождения от уголовной ответственности / А. Г. Кибальник // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 7.

⁶⁶ Агаев, Ф. А. Иммуитеты в Российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф. А. Агаев. – М., 1997. – С. 13.

⁶⁷ Лукашук, И. Иммуитеты в отношении уголовной юрисдикции / И. Лукашук // Российская юстиция. – 1998. – № 4. – С. 23.

⁶⁸ Например, см.: Даев, В. Г. Указ. статья. – С. 49; Наумов, А. В. Указ. статья. – С. 24.

целях обеспечения их непрерывной и бесперебойной деятельности, повышения независимости, а также для охраны нравственных и моральных ценностей, что могло бы способствовать предупреждению и недопущению незаконного и необоснованного применения мер процессуального принуждения, привлечения к уголовной ответственности, осуждения, а также запрету гражданам свидетельствовать против самих себя, близких родственников. Это должно привести к повышению уровня неприкосновенности и неответственности путем наделения таких лиц дополнительными правовыми гарантиями.

Другие учёные полагают, что часть положений, которые содержат нормы об иммунитете данной категории лиц (судьи, депутаты, экс-президент и др.), являются отступлением от конституционного принципа равенства всех граждан перед законом и судом и в некоторых случаях способствуют невозможности привлечения этих лиц к уголовной ответственности⁶⁹.

К. Ф. Гуценко считает, что круг лиц, пользующихся иммунитетами и привилегиями в уголовном процессе «сравнительно широк и имеет тенденцию, вопреки ст. 19 Конституции РФ, провозглашающей равенство всех перед законом и судом к дальнейшему расширению»⁷⁰.

Однако иную позицию в данном вопросе занимал Р. Х. Якупов, справедливо отмечая, на мой взгляд, что «всякий принцип – это общее правило с исключениями. Эти исключения выступают не в роли изъятия из принципов, а в качестве необходимой составной части его содержания». Это вызвано, по мнению автора, соотношением «... двух, находящихся в состоянии конкуренции, систем правовых норм – общих и исключительных ...»⁷¹.

Приведенные мнения дают основания полагать, что правовые нормы, касающиеся особого порядка допроса (ст. 56 УПК РФ), прекращения уголовного преследования (ст. 27 УПК РФ), задержания (ст. 449 УПК РФ), возбуждения

---

⁶⁹ См., например: Руднев, Вл. Иммуитеты в уголовном судопроизводстве / Вл. Руднев // Российская юстиция. – 1996. – № 8. – С. 28.

⁷⁰ Уголовный процесс / Под ред. К. Ф. Гуценко. – М.: Зерцало-ТЕИС, 1996. – С. 45.

⁷¹ Якупов, Р. Х. Правоприменение в уголовном процессе / Р. Х. Якупов. – М.: МВШМ МВД России, 1993. – С. 73.

уголовного дела (ст. 448 УПК РФ) и т.д. в отношении депутатов, судей, присяжных и арбитражных заседателей, дипломатов, консулов, Уполномоченного по правам человека и других категорий граждан, являются исключительными нормами.

Заслуживающую внимания точку зрения отстаивает В. Г. Даев, определяя иммунитеты как совокупность привилегий, вместе с тем, разделяя их на 2 группы:

«1) отдельные лица освобождаются от исполнения некоторых процессуальных обязанностей;

2) для некоторых категорий лиц устанавливаются особые гарантии обоснованности применения к ним мер процессуального принуждения или привлечения к ответственности, а также определяет «иммунитет» как исключительное право не подчиняться некоторым правилам»⁷².

Уголовно-процессуальный закон выступает одной из форм отражения тех общественных отношений, которые он призван регулировать. Общество находится в постоянном развитии, появляются новые отношения в экономической, политической, социальной сферах жизни, и это находит свое проявление в праве. Иммунитет же, являясь продуктом этих перемен, делает исключения для некоторых категорий лиц, и эти исключения иногда, как уже отмечалось выше, входят в противоречие с принципом равенства, закреплённом в Основном законе России.

Между тем, как определяет В. С. Нерсисянц, правовое равенство – это равенство свободных и равенство в свободе, общий масштаб и равная мера свободы индивидов⁷³. Представляется, что неравенства (или исключения) в праве не должны трактоваться как препятствие для осуществления правосудия.

Содержание иммунитета, выраженное в правах и гарантиях, должно иметь позитивное влияние на развитие уголовно-процессуальных отношений. Однако

---

⁷² Даев, В. Г. Указ. статья. – С. 48.

⁷³ См.: Нерсисянц, В. С. Право – математика свободы / В. С. Нерсисянц. – М.: Изд. Группа ИНФРА-М, 1996. – С. 35.

применение иммунитета как изъятия из общих правил и преимущества для отдельных категорий граждан в сфере уголовного процесса влечет постановку вопроса не только о том, как он соотносится с принципом равенства граждан перед законом и судом, но и о том, как он соотносится с целями и задачами уголовной юстиции.

Иммунитеты в общественном правосознании ассоциируются в настоящее время со способом, средством избежания уголовной и иной ответственности. Все чаще в средствах массовой информации звучат призывы к их ограничению или отмене, что не разрешит создавшийся конфликт. И основной причиной нестабильного положения иммунитетов, думается, является наличие пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве, отсутствие понятийного аппарата и четкого механизма их реализации. Также отсутствует эффективная процедура лишения права на определенный вид иммунитета.

Наряду с другими правами, уголовно-процессуальный иммунитет является правом субъекта. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что субъекты уголовно-процессуальных правоотношений могут и не воспользоваться правом иммунитета, например, близкие родственники не отказаться от дачи показаний (ст. 51 Конституции РФ), это право будет реализовано в любом случае, как если субъект воспользовался им, так и если он отказался от этого права после соответствующего разъяснения прав следователем или лицом, производящим дознание.

Таким образом, иммунитеты в уголовно-процессуальном праве могут выступать как право и гарантии. В то же время при наличии пробелов в праве иммунитеты иногда играют роль щита, под прикрытием которого нарушается закон. Думается, что уголовно-процессуальные иммунитеты принесут реальную пользу лишь при наличии четко очерченного круга их носителей, эффективности процедур лишения иммунитетов и правового механизма их реализации, а также при построении точного понятийного аппарата, касающегося института иммунитетов.

На протяжении длительного исторического развития российской юридической науки, нормотворческой деятельности и правоприменительной практики

и, несмотря на принятие ряда законов, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства, существует ряд положений, которые требуют концептуального подхода и дальнейшей разработки. Состояние уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемом плане долгое время находилось в «подвешенном состоянии» и не подвергалось каким-либо серьёзным изменениям.

В этой связи, значительным, весомым вкладом после долгих лет забвения в уголовное судопроизводство было восстановление института свидетельского иммунитета, который выражен в ст. 51 Конституции РФ 1993 г., а также закрепление ряда норм (например, ст. ст. 5, 27, 56, 447, 448) в УПК РФ, которые регулируют порядок допроса, возбуждения уголовных дел, применения мер процессуального принуждения к лицам, обладающим тем или иным видом иммунитета. Принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РФ, совершенно верно охарактеризовал В. И. Шиканов: «Тем самым был завершен важнейший в современной России этап судебной реформы, который не без оснований расценивают как исторически значимый шаг на пути демократического развития судебной системы и нашей государственности в целом»⁷⁴.

В связи с внесением в уголовное судопроизводство ряда законодательных новаций следует, на мой взгляд, остановиться на некоторых из них более подробно.

Необходимо отметить, что институт «свидетельского иммунитета» закреплён в новой статье 5 (ранее 32 УПК РСФСР) УПК РФ, п. п. 3 и 4 которой разграничивают тех, кто относится к «близким лицам», а кто к «близким родственникам». Пункт 3 ст. 5 гласит: «близкие лица – иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений; пункт 4 – близкие родственники – супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновлённые, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки».

---

⁷⁴ Шиканов, В. И. Заметки на полях текста нового Уголовно-процессуального кодекса / В. И. Шиканов // Сибирские криминалистические чтения. – Иркутск, 2002. – № 14. – С. 1.

Пункт 37 данной статьи говорит о родственниках: все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве.

И, наконец, впервые определение понятия «свидетельский иммунитет» даётся в п. 40 ст. 5 УПК РФ как право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК РФ.

Данная норма занимает особое место в УПК и имеет особое значение в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Она не формулирует правовых норм, а закрепляет наиболее важные определения, часто употребляемые в последующем тексте закона. Следует заметить, что алфавитный перечень этой нормы значительно расширен и УПК РФ 2001 г. дает 60 определений, по сравнению с УПК РСФСР 1960 г., где было зафиксировано лишь 16. Но, представляется, в ст. 5 УПК РФ необходимо сделать следующее дополнение: надлежит дать общее определение уголовно-процессуального иммунитета, так как наряду со свидетельским, существуют и иные виды иммунитетов, сущность которых раскрывается в последующих главах УПК РФ.

По мнению автора, необходимость закрепления на законодательном уровне понятия уголовно-процессуального иммунитета обусловливается, прежде всего, тем, что в УПК РФ введён раздел XVII, содержащий принципиально новые правовые нормы, регулирующие дополнительные процессуальные гарантии, предоставляемые в рамках занимаемого должностного положения отдельным категориям граждан.

****

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. В российском законодательстве, а также и среди учёных-правоведов отсутствует единая точка зрения по поводу понятия «уголовно-процессуальный иммунитет», также как и по его значению и содержанию в уголовном судопроизводстве.

2. Представляется, что ввиду особого назначения иммунитетов в уголов-

ном судопроизводстве они созданы для обеспечения гарантий законности и обоснованности привлечения отдельных категорий граждан к уголовной ответственности, возбуждения против них уголовного дела и применения процессуальных мер принуждения.

3. Очевидно, что освобождение лиц, обладающих иммунитетом от уголовной ответственности, обусловлено их особым юридическим статусом (дипломат, консул, и т. д.). Освобождение это происходит с соблюдением ряда процессуальных формальностей, установленных в международном, конституционном и уголовно-процессуальном праве.

4. Думается, давно назрела необходимость в дополнении уголовно-процессуального законодательства определением понятия «уголовно-процессуальный иммунитет». Однако признание правомерности данного вывода повлечёт необходимость дополнения общих положений ст. 5 УПК РФ, а именно, включение в ст. 5 УПК РФ п. 57.1: «Уголовно-процессуальный иммунитет – это правовой институт, включающий в себя совокупность управомочивающих, обязывающих и запрещающих юридических норм, регулирующих особый порядок досудебного и судебного производства в отношении определенных категорий лиц, установленных ст. 447 УПК РФ».

1.3. Классификация иммунитетов в уголовном судопроизводстве

В юридической литературе конца 90-х годов отмечалось, что уже более 30 категорий российских граждан наделены иммунитетами, имеющими значение в сфере уголовного судопроизводства. При этом справедливо указывалось, что несовершенство и пробелы в правовом регулировании процессуальных иммунитетов, отсутствие необходимых научных рекомендаций порождают в ходе правоприменительной практики труднопреодолимые проблемы и неразрешимые вопросы⁷⁵.

---

⁷⁵ См., например: Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 4; Корольков, И. Неподсудные в мантии / И. Корольков // Известия. – 1995. – 10 марта; Корольков, И. Хамство в мантии / И. Корольков // Известия. – 1995. – 8 июля; Феофанов, Ю. Где нет су-

В этой связи вопрос о классификации видов иммунитетов приобретает ещё большую значимость в свете теоретического исследования названного института.

На сегодняшний день не выработана единая концепция деления иммунитетов на виды, нет и единых оснований деления правовых льгот, хотя УПК РФ чётко выделяет определенные группы лиц, наделенных процессуальным иммунитетом. Но и эти положения требуют значительной доработки.

Как справедливо отмечает И. П. Корякин, «говоря о классификации иммунитетов в уголовном процессе, необходимо подчеркнуть, что в данной ситуации мы располагаем большим материалом для проведения такой классификации. Многообразие видов иммунитета делает просто необходимым исследование и выделение тех его черт, которые составляют его сущность. В этой связи процесс классификации выполняет ещё и роль метода научного исследования, изучаемого явления и, в частности, института иммунитета. Кроме того, можно предположить, что многообразие видов иммунитета, будучи фактором сложности изучаемого явления (института иммунитета), само по себе косвенно является критерием, позволяющим утверждать, что иммунитет является институтом. В связи с этим проведение классификации, как способ исследования, является ещё и обязательным условием комплексного анализа иммунитета как института права»⁷⁶.

Существует множество мнений ученых-процессуалистов, подразделяющих уголовно-процессуальные иммунитеты по различным основаниям, в то время как классификация иммунитетов по видовой принадлежности (т.е. в зависимости от юридического статуса лица) представляется наиболее удачной.

Так, И. Г. Соломоненко и А. Г. Кибальник подчёркивают, что «гранью между видовой принадлежностью иммунитета выступает его функциональная необходимость, воплощенная в правовом статусе лица. Исходя из анализа россий-

---

да – будет самосуд / Ю. Феофанов // Известия. – 1995. – 12 апр.; Даев, В. Г. Указ. статья; Руднев, Вл. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве. Указ. статья.

⁷⁶ Корякин, И. П. Иммунитет в уголовном судопроизводстве ... – С. 72.

ского законодательства и норм международного права, можно выделить следующие виды иммунитетов: дипломатический; консульский; персонала международных организаций; лиц, находящихся под международной защитой; Президента РФ; депутатский (парламентский); судей и иных должностных лиц Российской Федерации; свидетельский; иные ...»⁷⁷.

В. И. Руднев предлагает разделить иммунитеты на следующие группы:

1. Неприкосновенность Президента Российской Федерации.
2. Депутатский иммунитет.
3. Неприкосновенность судей и прокуроров.
4. Свидетельский иммунитет.
5. Иные иммунитеты.

Указанный автор выделяет три группы иммунитетов: профессиональный (которым могут обладать президент, судьи, прокуроры, депутаты); личный (которым могут обладать близкие родственники лица, привлекаемого к уголовной ответственности) и смешанный (которым могут обладать священники, адвокаты, так как данным лицам в силу их профессиональных обязанностей могут стать известны личные, сокровенные сведения граждан, им доверившихся).

Совершенно очевидно, что объем иммунитетов может варьироваться в пределах одной и той же видовой категории (например, иммунитет дипломатического агента и обслуживающего персонала посольств и миссий), а может совпадать у различных категорий. В этой связи, В. И. Руднев предлагает «ввести понятие «частичный иммунитет», означающий право иметь дополнительные гарантии неприкосновенности и неотвечественности в усеченном виде»⁷⁸. Последнее предложение, на мой взгляд, является достаточно разумным, однако требующим определения нового понятия – «усеченный иммунитет» и вытекающих отсюда: перечня лиц, обладающих правом на такой вид иммунитета, определение пределов предоставления данного права и разработки механизма лишения такого вида иммунитета.

---

⁷⁷ Кибальник, А. Г. Иммуитет как основание освобождения от уголовной ответственности / А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 42.

⁷⁸ Руднев, В. И. Иммуитеты в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. И. Руднев. – М., 1997. – С. 8.

Ф. А. Агаев различает следующие виды иммунитетов:

- а) дипломатический иммунитет;
- б) иммунитеты лиц, пользующихся международной защитой;
- в) депутатский иммунитет;
- г) должностной иммунитет судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов;
- д) свидетельский иммунитет;
- е) иммунитет общественных представителей;
- ж) иные иммунитеты⁷⁹.

Под «иными иммунитетами» автором подразумеваются иммунитеты: Президента РФ; лиц, явившихся из-за границы для участия в деле в качестве свидетеля, потерпевшего, гражданского ответчика, их представителей и экспертов. Однако, не совсем понятно отнесение к данной группе иммунитета Президента РФ, так как данное должностное лицо, являясь главой государства, обладает иммунитетом лиц, пользующихся международной защитой.

В. К. Обеднин полагает, что все иммунитеты делятся на две основные группы:

- 1) иммунитеты лиц, предусмотренных в УПК РФ, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей;
- 2) иммунитеты лиц, занимающих особое положение в государстве⁸⁰.

Представляет интерес классификация иммунитетов, предлагаемая И. П. Корякиным по следующим критериям:

- 1) по видам принимаемых решений;
- 2) по процессуальному положению субъектов уголовного судопроизводства;
- 3) по отношениям, регулируемым иммунитетом.

---

⁷⁹ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 27.

⁸⁰ Обеднин, В. К. О некоторых аспектах юридического иммунитета / В. К. Обеднин // Подходы к решению проблем законодательства и правоприменения: Сб. науч. трудов, Красноярск. – 2002. – С. 91.

Далее автор даёт развёрнутую классификацию иммунитетов по каждому из перечисленных выше пунктов.

1. По решениям, от которых может быть иммунитет:

- иммунитет от уголовного преследования;
- иммунитет от дачи показаний;
- иммунитет от обыска, выемки, ареста на имущество, осмотра, проникновения в помещения.

2. По участникам уголовного процесса:

- иммунитет потерпевшего;
- иммунитет свидетеля;
- иммунитет эксперта;
- иммунитет гражданского истца, гражданского ответчика;
- иммунитет частного обвинителя.

3. По отношениям, регулируемым иммунитетом:

- иммунитет, регулирующий правовую конкуренцию;
- иммунитет, регулирующий моральную конкуренцию.

Проанализировав нормы Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации (ныне действующие и предыдущие), федеральные конституционные законы и федеральные законы РФ, а также международные конвенции, соглашения и многочисленные международные договоры, содержащие правовые нормы о привилегиях и иммунитетах, автор исследования выделяет следующие виды процессуальных иммунитетов:

1) *дипломатический и консульский иммунитет*;

2) *иммунитет главы государства* (УПК РФ включает: Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, а также кандидата в Президенты РФ);

3) *иммунитет представителей законодательной ветви власти - парламентский иммунитет* (т. к. термин «депутатская неприкосновенность» охватывает лишь часть привилегий – особые гарантии при задержании, а не охватывает иммунитет от привлечения к уголовной ответственности, или, например, особенности допроса или обыска);

4) *иммунитет должностных лиц судебной ветви власти* (судьи всех звеньев судебной системы РФ, а так же присяжные и арбитражные заседатели);

5) *должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов* (Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудиторы; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; прокуроры; Председатель Следственного комитета Российской Федерации; следователи; члены избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса; зарегистрированный кандидат в депутаты Государственной Думы, зарегистрированный кандидат в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта российской Федерации);

6) *иммунитет адвоката* (автор придерживается точки зрения о том, что адвокатский корпус не входит в систему правоохранительных органов государства, а осуществляет самостоятельную функцию защиты, оказывая юридическую помощь в соответствии с Федеральным законом РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» и ныне действующим УПК РФ);

7) *свидетельский иммунитет.*

Разделив иммунитеты по субъектному признаку, возможна их группировка по объектам гарантирования:

1. Личная неприкосновенность;
2. Неприкосновенность жилых, служебных помещений и частных резиденций, а также личных и служебных транспортных средств;
3. Привилегии связи;
4. Неприкосновенность имущества, активов, личной и служебной переписки, архивов и других документов.

Среди норм международных договоров, обязательных для Российской Федерации, имеются такие, которые устанавливают право дипломатических представителей и других, приравненных к ним категорий иностранных и российских граждан, отказаться от дачи свидетельских показаний. Аналогичное право предусматривает ч. 1 ст. 51 Конституции РФ: «Никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников».

Ст. 51 Конституции РФ, а также ст. 56 УПК РФ относят «свидетельский иммунитет» к самостоятельному процессуальному институту, однако, автор исследования рассматривает свидетельский иммунитет каждой вышеуказанной категории лиц в том объеме, в каком он предоставлен определённому субъекту в зависимости от занимаемого положения и осуществляемых обязанностей, установленных федеральным законодательством.

Рассматривая соотношение свидетельского иммунитета и иных вышеперечисленных уголовно-процессуальных иммунитетов, следует отметить, что он, с одной стороны, является составной частью некоторых уголовно-процессуальных иммунитетов (например, дипломатического), а с другой, – носит вполне самостоятельный характер. Об этом может свидетельствовать тот факт, что при лишении права на некоторые уголовно-процессуальные иммунитеты, предоставляемые в силу должностного положения или выполнения служебных обязанностей (депутатского и т. д.) за гражданином сохраняется свидетельский иммунитет, как «простого» человека, например, когда гражданин является родственником или супругом обвиняемого.

Все виды уголовно-процессуальных иммунитетов, в том числе и свидетельский иммунитет, объединяет то, что они регулируются не только нормами уголовно-процессуального права, но и нормами других смежных отраслей права (международного, конституционного, административного, уголовного и др.). В то же время свидетельский иммунитет возникает в рамках уголовно-процессуальных отношений и напрямую связан с ролью лица, которую он играет в производстве по конкретному уголовному делу.

Иммунитет от свидетельства неоднороден. Из действующего законодательства вытекает деление свидетельского иммунитета на два вида, в зависимости от волеизъявления участников судопроизводства:

- абсолютный (императивный);
- относительный (диспозитивный).

Абсолютный иммунитет сочетает в себе право свидетеля отказаться от дачи показаний с императивно сформулированным законодательным запретом

допроса отдельных лиц в качестве свидетелей (например, ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Юридические нормы о свидетельском иммунитете судьи, присяжного заседателя, адвоката, защитника и священнослужителя носят императивный характер, они не только дают право перечисленным субъектам отказаться от дачи показаний, но и запрещают органам предварительного расследования и суду допрашивать их в качестве свидетелей (в отношении обстоятельств, связанных с их профессиональной деятельностью).

Относительный иммунитет означает право свидетеля отказаться от дачи показаний в предусмотренном законом порядке, т.е. реализация этого права зависит от усмотрения этих лиц.

****

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что институт иммунитета – это уголовно-процессуальный институт, закреплённый нормами международного и национального права, направленный на предоставление дополнительных гарантий защиты отдельным категориям лиц, для эффективного выполнения ими поставленных задач, обусловленных соответствующей компетенцией.

Основные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства в области развития института иммунитета в уголовном судопроизводстве видятся следующими: закрепление в УПК РФ понятия уголовно-процессуального иммунитета, усиление системы гарантий при осуществлении соответствующими субъектами своей профессиональной деятельности, определение оптимального соотношения изъятий из общих правил и конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом.

ГЛАВА 2. ВИДЫ ИММУНИТЕТОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Действие уголовно-процессуального закона по кругу лиц определяется, прежде всего, принципом равенства всех граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции). Изъятия из этого принципа и, соответственно, различное действие уголовно-процессуального закона по кругу лиц допускаются в целях обеспечения ряда публично-правовых интересов. Законодатель допускает для определённых категорий лиц исключения из общих правил в виде особого порядка привлечения к уголовной ответственности и применения мер процессуального принуждения, тем самым, предоставляя им гарантии беспрепятственного осуществления профессиональной деятельности.

Упомянутые изъятия из общего порядка судопроизводства предусматриваются в гл. 52 УПК РФ. Они определяют усложнённую процедуру привлечения к уголовной ответственности и применения мер процессуального принуждения в отношении ограниченного круга субъектов, перечень которых содержит ч. 1 ст. 447 УПК РФ. Этот перечень не подлежит расширительному толкованию и включает в себя:

1. Членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы – на основании п. 1 ч. 1 ст. ст. 19, 20 ФЗ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Федерального Собрания Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 28.12.10 г. № 404-ФЗ)⁸¹. Депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ – в соответствии со ст. 13 ФЗ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 28.12.10 г. № 406-ФЗ)⁸²; депутатов, членов выборного органа местного самоуправления; выборных должностных лиц органа местного самоуправления (ст.

---

⁸¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 2. – Ст. 74; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 16.

⁸² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 18.

18 ФЗ от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» - в редакции ФЗ от 29.12.10 г. № 442-ФЗ)⁸³.

2. Судей всех уровней, а также присяжных и арбитражных заседателей в период осуществления ими правосудия – в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 16 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 27.12.09 г. № 9-ФКЗ)⁸⁴; ст. 15 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 28.12.10 г. № 8-ФКЗ)⁸⁵; ст. ст. 26, 27, 28 ФКЗ от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 30.04.10 г. № 3-ФКЗ)⁸⁶; ст. 16 Закона о статусе судей; ст. 2 Закона о мировых судьях; ст. 7 ФЗ от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 29.06.09 г. № 136-ФЗ)⁸⁷.

3. Председателя Счётной палаты Российской Федерации, его заместителя и аудиторов – согласно п. 3 ч. 1 ст. 29 ФЗ от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 29.12.10 г. № 437-ФЗ)⁸⁸.

4. Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – на основании п. 4 ч. 1 ст. 12 ФКЗ от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (в редакции ФКЗ от 28.12.10 № 8-ФКЗ)⁸⁹.

---

⁸³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 35. – Ст. 3506; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3330; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 54.

⁸⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 52 (1 ч.). – Ст. 6402.

⁸⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 7. – Ст. 607; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 1.

⁸⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3170; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2141.

⁸⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2288; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 26. – Ст. 3134.

⁸⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 3. – Ст. 167; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 53 (часть 1). – Ст. 5030; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 49.

⁸⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 9. – Ст. 1011; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 1.

5. Президента Российской Федерации, прекратившего осуществление своих полномочий, кандидата в Президенты Российской Федерации – в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 3 ФЗ от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (в редакции ФЗ от 28.12.10 г. № 404-ФЗ)⁹⁰; ст. ст. 39, 41 ФЗ от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 28.12.10 г. № 404-ФЗ)⁹¹. Процессуальный иммунитет действующего Президента РФ определён в ст. ст. 91, 93, п. «е» ст. 102, п. «ж» ст. 103, п. 7 ст. 125 Конституции РФ, п. 5 ст. 3, п. 3 ст. 21, ч. 2 ст. 36, ст. 71 Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

6. Прокурора – согласно п. 6 ч. 1 ст. 42 ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 28.12.10 г. № 404-ФЗ)⁹².

7. Председателя Следственного комитета, руководителя следственного органа, следователя – в соответствии с ФЗ от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»⁹³, п. 7 ч. 1 ст. 7 ФЗ от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 10.01.03 г. № 4-ФЗ)⁹⁴ – в отношении следователей ФСБ, а также в отношении следователей органов внутренних дел, поскольку правом производства предварительного следствия наделены и начальники соответствующих следственных подразделений и их заместители.

---

⁹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 7. – Ст. 617; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 16.

⁹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 1 (часть 2). – Ст. 11; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 16.

⁹² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4447; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 15.

⁹³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 16.

⁹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 156.

8. Адвоката – на основании п. 8 ч. 1 ст. 18 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 23.07.08 г. № 60-ФЗ)⁹⁵.

9. Члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса – согласно ч. 7 ст. 19 ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», ч. 4 ст. 24 Временного положения о проведении выборов депутатов представительных органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления в субъектах Российской Федерации (утверждённое Федеральным законом РФ от 23 сентября 1996 г.) в редакции ФЗ от 09 ноября 2009 г. № 250-ФЗ⁹⁶, ч. 7 ст. 20 ФКЗ от 10 октября 1995 г. № 2-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (в редакции ФКЗ от 27.09.02 г. № 5-ФКЗ)⁹⁷.

10. Зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы, зарегистрированного кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации – в соответствии с ФЗ от 26 апреля 2007 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» № 64-ФЗ⁹⁸.

Особый порядок производства в отношении тех или иных категорий лиц, определяемый гл. 52 УПК РФ, составляют: а) особенности возбуждения уголовного дела (ст. 448 УПК РФ); б) особый порядок задержания (ст. 449 УПК РФ); в) избрание меры пресечения и производство отдельных следственных действий (ст. 450 УПК РФ); г) особенности направления уголовного дела в суд (ст. ст. 451, 452 УПК РФ).

Следует отметить, что рассматриваемый особый порядок необходимо отличать от ведения уголовного судопроизводства в отношении лиц, пользуя-

---

⁹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 52 (часть 1). – Ст. 5267; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 30 (часть 2). – Ст. 3616.

⁹⁶ Российская газета. – 1996. – 4 декабря; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 45. – Ст. 5268.

⁹⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 42. – Ст. 3921; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

⁹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 18. – Ст. 2118.

щихся международным (дипломатическим, консульским и т. д.) иммунитетом, который предоставлен им в соответствии с нормами международного права, и в целом отличается ещё большими изъятиями из общих правил судопроизводства. Между тем, согласно ч. 4 ст. 11 УК РФ вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, пользующихся международным иммунитетом, разрешается в соответствии с нормами международного права, т. е. уголовное законодательство упоминает иммунитет от уголовной юрисдикции в отношении лиц, которые наделены международным иммунитетом. Тогда как, в УПК РФ отсутствуют положения, которые бы предусматривали основания для прекращения уголовного преследования лиц, наделённых в действительности иммунитетом.

2.1. Иммунитет главы государства

Президент Российской Федерации, являясь главой государства, обладает иммунитетом лиц, пользующихся международной защитой, в сфере международно-правовых отношений.

В сфере внутригосударственных отношений согласно ст. 91 Конституции РФ: «Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью». Данный иммунитет имеет черты должностного иммунитета, ибо действует только во время исполнения Президентом РФ своих полномочий (ст. 81 Конституции РФ).

Иммунитет главы государства является одним из элементов его неприкосновенности и определяется конституционным правом. Так, содержание иммунитета от уголовной юрисдикции Президента Российской Федерации раскрывается в ст. 93 Конституции Российской Федерации в связи с условиями его отрешения от должности. В соответствии с ней, Президент Российской Федерации может быть отрешён от должности только на основании обвинения его в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (однако, в Уголовном кодексе РФ помимо тяжких преступлений предусмотрена ещё и категория особо тяжких преступлений). Указанная норма Конституции РФ по-

звояет сделать вывод о том, что иммунитет Президента РФ от уголовной юрисдикции может быть абсолютным (полным) и относительным (ограниченным процессуальными особенностями установления факта совершения им тяжкого или особо тяжкого преступления).

Этот иммунитет является абсолютным в случае совершения Президентом РФ преступлений небольшой или средней тяжести (определяемых ст. 15 УК РФ). В этих случаях уголовная ответственность Президента исключается, поскольку совершение этих преступлений не является основанием для отрешения его от занимаемой должности. Другая ситуация складывается в случае совершения им тяжкого или особо тяжкого преступления. При этом он может подлежать уголовной ответственности, но уже не как Президент, а как лицо, отрешённое от должности Президента. Таким образом, за совершение деяний, влекущих максимальное наказание на срок не более 5 лет лишения свободы (т. е. небольшой тяжести или средней тяжести), Президент РФ уголовной ответственности не несёт.

В большинстве зарубежных государств⁹⁹ в случаях совершения тяжкого преступления, влекущего наказание на срок более 5 лет лишения свободы, применяется процедура отрешения от должности, похожая на «импичмент», т. е. особый порядок судопроизводства по делам о преступлениях высших должностных лиц государства, когда нижняя палата формулирует обвинение и предъявляет его соответствующему должностному лицу. Рассмотрение дела по существу производится верхней палатой, которая преобразует себя в судебную коллегия. Палата выносит приговор, а наказание не может идти дальше отрешения от должности. При этом в законодательстве оговаривается, что соответствующее лицо, отстранённое от должности в порядке импичмента в дальнейшем может быть судимо обычным судом и подвергнуто уголовному наказанию в соответствии с совершённым им деянием в общем порядке¹⁰⁰.

---

⁹⁹ К числу таких государств относятся Англия, Италия, Франция.

¹⁰⁰ См.: Юридический словарь. – Т. 1 / М.: Госюриздат, 1956. – С. 387-388.

В зарубежном законодательстве процедура отрешения главы государства от занимаемой должности регулируется по-разному. Так, например, в Австрии отрешение Федерального президента от занимаемой должности включает в себя несколько этапов. На последней стадии отрешения Федерального президента от должности Конституционный суд рассматривает дело в связи с обвинением против Федерального президента, которое влечёт за собой предусмотренную Конституцией ответственность за допущенные им в ходе официальной деятельности виновные правонарушения (ст. 142 ФКЗ)¹⁰¹.

В ФКЗ Австрии представляется интересным наличие нормы, согласно которой обвинение в отношении Федерального президента может быть возбуждено компетентным органом с согласия Национального совета. Компетентные органы составляют мотивированное обращение, основанное исключительно на результатах проведённых мероприятий и проверок.

Заслуживает внимания позиция германского законодателя¹⁰², не определившего в Основном законе круг преступлений или правонарушений, совершение которых может повлечь за собой отрешение высшего должностного лица от занимаемого поста. Само собой разумеющимся является наличие ответственности за те или иные нарушения Основного или иного федерального закона высшим должностным лицом федерации, а также временное приостановление полномочий соответствующего лица.

Следует отметить, что вопрос, касающийся отрешения Президента Греции от должности, выделен в Конституции этой страны в отдельную главу третью, которая носит название «Особая ответственность Президента Республики»¹⁰³.

Согласно ст. 49 Конституции Греции: «Президент Республики не несёт никакой ответственности за действия, совершённые при выполнении им своих обязанностей, за исключением государственной измены или преднамеренного

---

¹⁰¹ Конституции государств Европейского Союза / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. – М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – С. 84.

¹⁰² Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В. В. Маклаков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство БЕК, 2001. – С. 85.

¹⁰³ Конституции государств Европейского Союза ... – С. 264.

нарушения Конституции. С момента привлечения к суду Президент Республики воздерживается от исполнения своих обязанностей и его замещает председатель Парламента; с момента же вынесения судом оправдательного приговора он вновь приступает к исполнению своих обязанностей, если срок его полномочий не закончился».

Влияние Франции на западноевропейскую историю и культуру трудно переоценить. Слова известного русского историка Н. Я. Данилевского о том, что «можно знать превосходно историю Англии, Италии, Германии и всё-таки не знать истории Европы; будучи же знаком с историей Франции, знаешь, в сущности, и всю историю Европы»¹⁰⁴, едва ли грешат преувеличением.

Наряду с разделом о независимой власти Президента, Конституция Франции включает в себя раздел IX «Высокая палата правосудия», в котором говорится об учреждении особого органа, осуществляющем правосудие в отношении Президента Республики. Статья 68 этого раздела закрепляет то, что Президент Республики несёт ответственность за действия, совершённые им при исполнении своих обязанностей, только в случае государственной измены. И здесь, законодатель не ограничивает неприкосновенность Президента Республики, рассудив, что он подлежит наказанию только при совершении такого преступления, как государственная измена.

Одним из принципов российского уголовного судопроизводства является осуществление правосудия только судом (ст. 118 Конституции РФ), поэтому процедура отрешения Президента РФ от должности представляет собой элемент иммунитета Президента РФ в рамках общего, единого порядка уголовного судопроизводства. Конституция РФ называет ряд специфических условий такого отрешения, которые в дальнейшем приобретают и уголовно-правовое, и уголовно-процессуальное значение.

Во-первых, обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления должно быть выдвинуто только Государственной Думой. Во-вторых, оно

---

¹⁰⁴ Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Данилевский Н. Я. – СПб.: Изд-во «Равена», 1995. – С. 201.

должно быть подтверждено Заключением Верховного Суда Российской Федерации (в Заключении должен содержаться вывод о наличии в действиях Президента РФ признаков состава соответствующего тяжкого или особо тяжкого преступления). В-третьих, необходимо заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения. В-четвёртых, решение Государственной Думы о выдвижении обвинения в адрес Президента должно быть принято двумя третями голосов от общего числа депутатов и при наличии заключения специальной комиссии, образованной Государственной Думой. В-пятых, решение об отрешении Президента от должности может быть принято только Советом Федерации двумя третями голосов от общего числа членов Совета Федерации и не позднее, чем в трёх месячный срок после выдвижения Государственной Думой обвинения против Президента (если в этот срок решение Совета Федерации не будет принято, обвинение против Президента считается отклонённым).

Таким образом, только в случае соблюдения всех указанных условий и требований Президент РФ может быть отрешён от должности, а значит, лишён своей неприкосновенности и иммунитета и привлечён к уголовной ответственности. Следовательно, отрешение Президента РФ от должности является особой процедурой и необходимым условием применения в дальнейшем уголовных, уголовно-процессуальных норм, то есть привлечения его к ответственности, осуждения и назначения соответствующего наказания.

Вместе с тем, нормы уголовно-процессуального законодательства не содержат положений об иммунитете действующего Президента РФ, которые регламентировали бы особый порядок привлечения данного субъекта к уголовной ответственности, а также применения в отношении него процессуальных мер принуждения. На мой взгляд, следует включить Президента РФ в перечень, установленный ч. 1 ст. 447 УПК РФ, а именно в п. 5 ч. 1 ст. 447 УПК РФ, предусматривающий иммунитет Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий и иммунитет кандидата в Президенты РФ.

25 января 2001 г. Государственная Дума приняла в третьем чтении Федеральный закон «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (далее сокращённо – ФЗ от 25 января 2001 г.). Тем самым, впервые в истории России была предпринята попытка урегулировать данный вопрос на законодательном уровне¹⁰⁵. Вторым шагом в развитии этого направления стало закрепление особого статуса экс-Президента в УПК РФ.

Уголовно-процессуальное законодательство регулирует досудебный и судебный порядок судопроизводства в отношении названной категории лиц. Так, согласно п. 8 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении экс-Президента РФ, кандидата в Президенты РФ принимается Председателем Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. Однако не следует забывать о том, что из данной нормы вытекает два различных момента включения механизма особого производства по уголовному делу в отношении указанных субъектов: 1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, что означает объявление данного лица подозреваемым (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ); 2) привлечение лица в качестве обвиняемого. В отношении Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, возможность привлечения в качестве обвиняемого обставлена дополнительными юридическими условиями и процедурами. Само по себе возбуждение уголовного дела в отношении данного лица с соблюдением особенностей, установленных ч.1 ст. 448 УПК РФ (только Председателем Следственного комитета при прокуратуре РФ), права на привлечение его в качестве обвиняемого по уголовному делу не даёт. Согласно ч. 7 ст. 448 УПК РФ в случае возбуждения уголовного дела в отношении Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий Председатель Следственного комитета при прокуратуре РФ в течение трёх суток направляет в Государственную Думу Федерального Собрания

---

¹⁰⁵ До принятия Закона этот вопрос регламентировался подзаконным нормативным актом – 31 декабря 1999 г. был принят Указ Президента РФ № 1763 «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи». Причём ранее данный вопрос вообще не был урегулирован.

РФ представление о лишении указанного лица неприкосновенности. Между тем он может быть лишён неприкосновенности в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения им тяжкого преступления в период исполнения полномочий Президента РФ.

В случае принятия Государственной Думой решения о даче согласия на лишение неприкосновенности экс-Президента РФ, указанное решение вместе с представлением Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ в течение трёх суток направляется в Совет Федерации. Решение Совета Федерации о лишении неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, принимается в срок не позднее трёх месяцев со дня вынесения соответствующего постановления Государственной Думой, о чём в течение трёх суток извещается Председатель Следственного комитета при прокуратуре РФ. В рассмотрении вопроса на заседании соответствующей палаты Федерального Собрания вправе участвовать Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, в отношении которого внесено представление. Решение Государственной Думы об отказе в даче согласия на лишение неприкосновенности экс-Президента РФ либо решение Совета Федерации об отказе в лишении неприкосновенности указанного лица влечёт за собой прекращение уголовного преследования в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Таким образом, лишь согласие Государственной Думы и решение Совета Федерации о лишении неприкосновенности позволяет Председателю Следственного комитета при прокуратуре РФ предъявить данному лицу обвинение по уголовному делу. Наряду с изложенными условиями необходимо учитывать и вышеуказанный порядок лишения неприкосновенности действующего Президента РФ, установленный в Парламенте РФ, который обязателен и для Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий.

В то же время при возбуждении уголовного дела или привлечении к уголовной ответственности кандидата в Президенты РФ Председатель Следственного комитета при прокуратуре РФ не связан с приведёнными выше условиями.

Особенности процедуры возбуждения уголовного дела и привлечения к уголовной ответственности названных субъектов учитываются при их аресте и производстве обыска (за исключением задержания на месте преступления), выемки, наложения ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, прослушивания телефонных и иных переговоров. Избрание иных мер пресечения (кроме заключения под стражу) осуществляется в общем порядке, установленном гл. 13 УПК РФ.

Уголовно-процессуальное законодательство особо регламентирует порядок задержания рассматриваемой категории лиц. По общему правилу, порядок задержания в соответствии со ст. 92 УПК РФ включает доставку подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору, после чего в срок не более трёх часов составляется соответствующий протокол. Однако в силу ст. 449 УПК РФ, если задержанным оказался Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, то основанием его незамедлительного освобождения является установление его личности. Исключение из этого правила составляют лишь случаи его задержания на месте преступления.

Иначе говоря, как справедливо отмечает Б. Т. Безлепкин, по поводу фактического задержания указанного лица формальный протокол задержания составлен быть не может, помещение его в изолятор временного содержания задержанных недопустимо, и речь идёт, таким образом, о задержании для выяснения личности, исключение составляют случаи (по терминологии п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК), «когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения». По его мнению, «следует признать, что в подобных ситуациях-исключениях уголовное преследование таких лиц (речь идёт о ст. 449 УПК РФ) начинается минуя особые процедуры, т. е. в обычном порядке, потому что задержание может иметь место только по уголовному делу, а задержанный приобретает статус подозреваемого (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ)»¹⁰⁶.

---

¹⁰⁶ Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, 2004. – С. 552.

В этой связи, предлагается дополнить ст. 91 УПК РФ ч. 3 следующего содержания: «Задержание лиц, обладающих дипломатической, депутатской, судейской и иной неприкосновенностью, предусмотренной международно-правовыми актами или федеральным законодательством, допускается лишь после лишения этих лиц соответствующего иммунитета в установленном законом порядке».

Если в отношении лица, защищённого процессуальным иммунитетом, возбуждено уголовное дело или оно привлечено в качестве обвиняемого с соблюдением особого порядка уголовного судопроизводства, то все последующие следственные действия, в том числе и прямо затрагивающие его права и свободы (вызовы на допрос, освидетельствование, выемки и др.), производятся в общем порядке. Исключение составляет задержание, которое при всех обстоятельствах проводится в соответствии со ст. 449 УПК РФ.

Вместе с тем, в случаях когда уголовное дело в отношении экс-Президента РФ не было возбуждено или такое лицо не было привлечено в качестве обвиняемого, процессуальные действия, которые требуют судебного разрешения (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), могут проводиться лишь в особом порядке, а именно с согласия соответствующего органа, указанного в ч. 1 ст. 448 УПК РФ.

Что касается применения меры пресечения в виде заключения под стражу и производства обыска в отношении Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, то решение по этому вопросу всякий раз, независимо от каких-либо обстоятельств, принимается в особом порядке, установленном ч. 3 ст. 450 УПК РФ. Общий смысл этого положения сводится к тому, что аресту и производству обыска должно предшествовать согласие соответственно Совета Федерации или Государственной Думы, которое даётся только в форме решения указанных палат Парламента РФ, принятого на заседании после включения специального вопроса в повестку заседания, что, безусловно, ставит под сомнение эффективность ареста и обыска, которая во многом обусловлена их внезапностью.

Решение о производстве следственных и иных процессуальных действий в отношении Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, по ходатайству Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ судья принимает единолично в соответствии с правилами о подсудности, установленными ст. 31 УПК РФ.

В случае, когда уголовное дело в отношении Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, или привлечение его в качестве обвиняемого состоялось в особом порядке, регламентированном ст. 448 УПК РФ, после окончания предварительного расследования досудебное производство завершается направлением в суд для рассмотрения по существу уголовного дела вместе с обвинительным заключением. Подсудность таких дел определяется по общим правилам статьи 31 УПК РФ. Анализируя изложенное, можно сделать вывод о том, что процедура судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел по обвинению вышеозначенного субъекта никаких особенностей в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством не имеет.

Поскольку наша страна ещё не имеет опыта законодательной регламентации статуса бывшего Президента государства, последствия принятия вышеуказанного ФЗ от 25 января 2001 г., несомненно, будут сказываться на развитии нормотворческой деятельности, а в ближайшей и отдалённой перспективе будут закладываться соответствующие правовые традиции.

Эти и иные обстоятельства вызывают особый интерес к положениям ФЗ от 25 января 2001 г., определяющим ответственность и подсудность Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий.

Согласно ч. 1 ст. 3 ФЗ от 25 января 2001 г., «Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, обладает неприкосновенностью. Он не может быть привлечён к уголовной или административной ответственности за деяния, совершённые им в период исполнения полномочий Президента Российской Федерации, а также задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру, если указанные действия проводятся

в ходе производства по делам, связанным с исполнением им полномочий Президента Российской Федерации».

Сопоставление положений ФЗ от 25 января 2001 г. с нормами действующего законодательства и прогнозирование последствий принятия этого правового акта позволяют высказать следующие соображения.

1. Прежде всего, представляется необходимым заметить, что ФЗ от 25 января 2001 г. серьёзно ущемляет личные конституционные права Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий.

По смыслу ст. 3 ФЗ от 25 января 2001 г., в случае, если органы предварительного расследования или суд получают заявление или другие материалы, которые дают основание предполагать, что Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, участвовал в совершении преступления в период исполнения своих полномочий, дальнейшее расследование в отношении данного лица *независимо от его согласия* не проводится (курсив мой. – Л. С.).

Однако такое однозначное решение, во-первых, вступает в противоречие с ч.1 ст. 47 Конституции РФ, согласно которой «никто не может быть лишён права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом», а, во-вторых, такое решение может противоречить личным интересам Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий. Допустим, что подозрение, возникшее в силу неблагоприятного стечения обстоятельств (как это нередко бывает на практике), не соответствует действительности. Вероятнее всего, подозреваемый, в этом случае будет заинтересован в продолжение предварительного расследования и, возможно, в рассмотрении его дела судом с тем, чтобы в отношении него был вынесен оправдательный приговор. В противном случае экс-Президент государства, являясь общественной фигурой, в глазах своего народа и мирового сообщества, будучи невиновным, превратится в преступника, который лишь благодаря привилегиям прежней службы избежал справедливого суда и наказания.

2. Безусловный запрет на привлечение к уголовной ответственности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, прямо противоречит принципам законности и равенства граждан перед законом, сформулированном в российском Уголовном кодексе (в этой связи авторы ФЗ от 25 января 2001 г., дабы соблюсти требования юридической логики и техники, должны были в пакете с ним подготовить и представить проект Федерального закона о внесении в УК РФ необходимых изменений).

Статьёй 4 УК РФ установлено, что «лица, совершившие преступления, равны перед законом, и подлежат уголовной ответственности независимо от ... должностного положения ... а также других обстоятельств». Причём эта уголовно-правовая норма реализует положение ст. 19 Конституции РФ, почти дословно её цитируя.

Принято считать, что особый порядок привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц, например, судей, в том числе и пребывающих в отставке (о чём в качестве аргумента указано в пояснительной записке к ФЗ от 25 января 2001 г.), в целом не противоречит упомянутым правовым нормам и порядку, установленному во всех цивилизованных государствах¹⁰⁷. Поскольку эти лица не освобождаются от уголовной ответственности за совершённые ими преступления, то особый порядок привлечения к уголовной ответственности тех, кто занят судебной или политической деятельностью, обеспечивает им нормальные условия работы, независимость и спокойствие за свою дальнейшую судьбу.

Вместе с тем в отношении бывшего Президента РФ предлагается не введение особого порядка, а практически полный отказ от привлечения к ответственности за преступления, совершённые на этом высоком государственном посту.

3. Не решён вопрос о наличии неприкосновенности у экс-Президента РФ за те деяния, которые он может совершить после окончания срока его президент-

---

¹⁰⁷ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общей ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. – М.: Изд-во БЕК, 1996. – С. 3.

ских полномочий. Здесь надо учитывать, что иммунитет устанавливается лишь на срок выполнения президентом своих полномочий (а не пожизненно), как, собственно, иммунитет и для всех иных должностных лиц. За пределами исполнения сверхсложных президентских обязанностей теряется юридический смысл иммунитета. Другими словами, подобный иммунитет является не личной привилегией гражданина, а должностным средством защиты публичных интересов.

4. ФЗ от 25 января 2001 г. также противоречит действующему уголовно-процессуальному законодательству.

Статьей 140 УПК РФ определено, что «основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления». Между тем при обнаружении в действиях экс-Президента признаков преступления органы предварительного расследования, согласно ФЗ от 25 января 2001 г., будут бессильны.

Кроме того, в ФЗ от 25 января 2001 г. не разрешены процедурные вопросы: должно ли уголовное дело, материалы которого свидетельствуют о виновности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, приостанавливаться или прекращаться, и по какому основанию? Тем не менее, ст. 24 УПК РФ, в которой перечислены обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, соответствующего основания не предусматривает. Нет его и в ст. 208 УПК РФ, определившей основания и сроки приостановления предварительного следствия. В результате возникает некий процессуальный тупик, из которого нет выхода.

5. Следует отметить и то, что ФЗ от 25 января 2001 г. не предусматривает компенсацию ущерба и закрывает доступ к правосудию лицам, потерпевшим от преступлений, если эти преступления совершены Президентом РФ, прекратившим исполнение своих полномочий. Тем самым игнорируются положения ст. 52 Конституции РФ, регламентирующей, что «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений охраняются законом» и что «государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба».

В то же время необходимо иметь ввиду, что все названные выше нормы Конституции РФ, а также российских Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов должны согласовываться с основополагающими документами ООН: Всеобщей декларацией прав человека¹⁰⁸, Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью¹⁰⁹ и др. В ряде случаев наше государство подписало и ратифицировало соответствующие межгосударственные соглашения. В частности, ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах¹¹⁰, ратифицированного Президиумом ВС СССР 18 сентября 1973 г., гласит, что «каждое ... государство обязуется обеспечить любому лицу, права и свободы которого ... нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

В этом смысле показателен Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.¹¹¹, который содержит специальную норму о недопустимости ссылки на должностное положение при совершении преступления. Так, в ст. 27 закреплено следующее: « ... должностное положение как главы государства ... ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора», и далее: « ... иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению судом его юрисдикции в отношении такого лица».

На мой взгляд, нет сомнений, что Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, в силу ряда обстоятельств, многие из которых очевидны, должен быть наделён определённым иммунитетом и получить достаточные гарантии против необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

---

¹⁰⁸ См.: Всеобщая декларация прав человека: (По материалам ООН) / Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1998. – С. 3-16.

¹⁰⁹ См.: Международные акты о правах человека / Сборник документов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – С. 165-168.

¹¹⁰ Там же. – С. 53-69.

¹¹¹ Действующее международное право. – Т. 1 ... – С. 797-811.

Но ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (в частности, ст. 3), как явствует из изложенного выше, противоречит международно-правовым принципам и нормам, ст. ст. 19, 47, 52, 93, 136 Конституции РФ, а также ст. ст. 4, 78 УК РФ и ст. ст. 24, 140, 162, 208 УПК РФ. В связи с этим, представляется необходимым приведение норм вышеанализируемого правового акта в соответствие с Конституцией РФ, действующим международным, уголовно-процессуальным и уголовным законодательством.

*****

Выводы.

1. Общим правовым признаком иммунитета главы государства, а равно всех иных иммунитетов и привилегий является их регулирование специальными нормами. Следовательно, иммунитеты и привилегии, вытекающие из таких исключительных правовых норм, должны распространяться только на тех лиц, которые прямо предусмотрены соответствующими положениями, и только в том объёме, в котором они очерчены в международном или национальном законодательстве.

2. На мой взгляд, следует указать в законодательстве, что Президенту РФ, а также Президенту РФ, прекратившему исполнение своих полномочий, как и всякому иному должностному лицу, при наличии достаточных доказательств (ст. 171 УПК РФ) может быть предъявлено обвинение в совершении тяжких и особо тяжких преступлений¹¹².

3. Вместе с тем, представляется спорной сама постановка вопроса о возможности лишения неприкосновенности экс-Президента РФ в зависимости от категории совершённого преступления, так как в процессе расследования совершённого деяния «не исключается изменение правовой квалификации, на-

---

¹¹² Нуждается в разрешении и коллизия между Конституцией РФ 1993 г., относящей государственную измену к тяжким преступлениям, и Уголовным Кодексом РФ 1996 г., согласно которому государственная измена – особо тяжкое преступление.

пример, вместо ч.2 ст. 158 УК РФ в постановлении о предъявлении обвинения может появиться ч. 3 той же статьи либо вообще кража уступит место грабежу или вымогательству»¹¹³.

Бесспорным остаётся тот факт, что только путём соблюдения оснований возбуждения уголовного дела, установленных нормами уголовно-процессуального законодательства, а также проведения предварительного расследования по соответствующему уголовному делу удаётся установить все обстоятельства совершённого преступления, в том числе и его квалификацию.

Признавая положительную роль Закона «О гарантиях Президенту, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи», который является первым за всю российскую историю нормативным актом, предусматривающим гарантии бывшим лидерам и тем самым обеспечивающим легитимную передачу власти, следует отметить, что при его принятии политика доминировала над правом. Отсюда несовершенство и противоречивость, нуждающиеся в скорейшем устранении.

4. Кроме того, представляется необходимым внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, изложив п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в следующей редакции: « ... отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пунктах 1, 3-5, 8, 9 и 10 части первой статьи 448 настоящего Кодекса, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, *Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации* (предложено мной. – Л. С.), квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечения в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пунктах 1 и 3-5 части первой статьи 448 настоящего Кодекса».

---

¹¹³ Корнуков, В. М. Правовые аспекты системности и связи основных уголовно-процессуальных актов предварительного расследования / В. М. Корнуков, В. А. Лазарев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2001. – № 1. – С. 143.

2.2. Иммуни́тет представи́телей законодательной ветви власти

Одним из ключевых вопросов федеральной конституционной политики, является принцип парламентаризма, и конституционализма в целом.

Радикальные реформы, проведённые в России в конце XX столетия, бесспорно, укрепили авторитет законодательной власти. Деятельность парламента Российской Федерации должна быть основана на трёх главных принципах – народовластие, разделение властей и законность. Между тем некритическое восприятие идеи независимости законодательной власти привело к гипертрофированию роли депутатов и своего рода круговой поруке в их среде. В последнее время в нашей стране широко практикуются формы и методы извлечения прибыли, позаимствованные из арсенала западной политической системы: предоставление государственных финансов и материальных ресурсов на избирательные компании отдельных кандидатов в депутаты, ”лоббирование” в органах власти и управления при принятии нормативных актов в интересах заинтересованных групп. Подобные явления наносят колоссальный ущерб государственным и общественным интересам.

Вместе с тем в России, как и почти во всех странах с развитой парламентской системой депутаты законодательных органов обладают неприкосновенностью (иммунитетом), представляющей систему дополнительных правовых гарантий, обеспечивающих им возможность беспрепятственного осуществления своих депутатских обязанностей.

Институт депутатской неприкосновенности в российском законодательстве включает в себя совокупность норм, содержащихся в Конституции Российской Федерации, ряде федеральных законов и законодательных актов субъектов Российской Федерации.

В юридической литературе одни авторы нормы о депутатской неприкосновенности рассматривают как устанавливающие изъятия из общих правил и принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), а другие – как исключительные, дополняющие общие установления в целях

обеспечения беспрепятственного выполнения депутатами своих обязанностей¹¹⁴.

Первоначально парламентский иммунитет должен был содействовать укреплению непрочного положения выборных законодательных собраний перед лицом всесильных правительств. Вместе с тем, современные тенденции развития конституционного права, по мнению таких ведущих специалистов-правоведов, как В. Е. Чиркин, Мишель Амиллер, характеризуются ослаблением депутатского иммунитета и даже полным отказом от него¹¹⁵.

В период российской предвыборной кампании 1999 г. в условиях активной критики права на неприкосновенность парламентариев в средствах массовой информации многие депутаты высказывали готовность отказаться от иммунитета. Тем не менее, это право не противоречит международным стандартам. Кроме того, подобные предложения, на мой взгляд, вряд ли найдут поддержку большинства депутатского корпуса.

Думается, что приведённые позиции не являются взаимоисключающими, а зависят от того, под каким углом зрения смотреть на эту проблему.

Институт депутатского иммунитета и сейчас выполняет свою положительную роль в авторитарных государствах. В нашей стране тоже не исключена опасность противоправных действий со стороны государственных органов в отношении депутатов, но в странах со сложившимися демократическими порядками безграничный депутатский иммунитет, вряд ли, уместен. Например, в Великобритании при определённых условиях депутат может быть лишён иммунитета только распоряжением спикера соответствующей палаты.

Вместе с тем депутатский корпус крепко держится за свои привилегии. Некоторый шаг вперёд был сделан с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г.¹¹⁶, в соответствии с которым парламентарий несёт ответственность за преступления или административные правонарушения,

---

¹¹⁴ Даев, В. Г. Указ. статья. – С. 48.

¹¹⁵ См. подробнее: Чиркин, В. Е. Новые подходы к теории современного государства и федерализма / В. Е. Чиркин // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 66-72.

¹¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 9. – Ст. 828.

если они совершены им не в связи с осуществлением собственно депутатской деятельности. Однако, по завершении дознания, предварительного следствия или производства по административным правонарушениям для передачи дела в суд необходимо согласие соответствующей палаты Федерального Собрания.

Иммунитет распространяется на сказанное, написанное или совершённое членом Законодательного Собрания в ходе обычного выполнения им своих официальных обязанностей, таких, как выступление в палате или в её комиссиях, реплики во время дебатов, внесение законопроектов, выступление с докладами, устные или письменные вопросы. Иммунитет распространяется только на эти особые действия. Обеспечиваемая им защита является абсолютной и пожизненной. Против члена парламента не может быть возбуждено уголовное преследование в связи с такими действиями даже после того, как он перестанет быть членом парламента.

Определяемый таким образом принцип неотвечтвенности в вышеназванном Постановлении Конституционного Суда РФ принят всеми странами без исключения. Даже там, где сам термин неизвестен, как в английском праве, выражаемая им концепция существует в форме привилегии свободы слова. Между тем, в целях предотвращения возможных злоупотреблений, в России следовало бы ограничить принцип неотвечтвенности путём отмены сферы действия иммунитета на высказывания клеветнического характера, даже если они имели место в ходе выполнения членом парламента своих обязанностей.

Помимо свободы от административной ответственности член парламента может пользоваться привилегией неприкосновенности или защитой от судебного преследования, в силу которой против него не может быть возбуждено уголовное дело за действия, совершённые им не в порядке выполнения должностных обязанностей, или, иными словами, за такие действия, которые мог бы совершить рядовой гражданин. Эта слишком большая и менее оправданная привилегия, которая не получила единодушного признания не только в теории, но и на практике. Так, например, в Канаде и Нидерландах считается, что в вопросах уголовной и гражданской ответственности члены парламента достаточно

хорошо защищены нормами обычного права. В Австралии, Индии, Нигерии, Новой Зеландии принцип неприкосновенности не распространяется на преступления, относящиеся к категории тяжких, - измену, призыв к мятежу, а также не применяется к лицам, застигнутым на месте преступления – *flagrante delicto*.

Общее решение вопросов о правовом иммунитете (неприкосновенности) членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации содержится в ст. 98 Конституции Российской Федерации. Согласно этой статье Конституции, указанные лица обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий. Они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а так же подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено Федеральным законом для обеспечения безопасности других людей (ч. 1); вопрос о лишении неприкосновенности решается по представлению Генерального прокурора Российской Федерации соответствующей палатой Федерального Собрания (ч. 2).

Федеральный закон от 8 мая 1994 г. «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ст. 18, 19, 20) (далее сокращённо – ФЗ о статусе депутатов Федерального Собрания) воспроизвёл указанное положение ст. 98 Конституции и, кроме того, расширил перечень случаев, при наличии которых депутат Совета Федерации и депутат Государственной Думы не может быть лишён неприкосновенности без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания РФ. К числу таких случаев отнесены также невозможность привлечения парламентариев к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, и его допроса без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания (ч. 1 ст. 18). Частью 2 ст. 20 этого закона устанавливается, что для получения согласия на привлечение депутата к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, кроме случаев задержания на месте преступления, а также на его арест и обыск, Генеральный

прокурор РФ вносит представление в соответствующую палату Федерального Собрания.

По запросу Президента РФ Конституционный Суд РФ рассмотрел дело о проверке конституционности положений частей 1 и 2 ст. 18, ст. 19 и ч. 2 ст. 20 названного Федерального закона. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. положения ч. 1 ст. 18 названного Федерального закона о необходимости получения согласия соответствующей палаты Федерального Собрания на привлечение депутата к уголовной ответственности или к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, и на его допрос в отношении действий по осуществлению депутатской деятельности признаны соответствующими Конституции РФ. Соответствующим Конституции РФ было признано также положение ч. 2 ст. 20 Закона о внесении Генеральным прокурором РФ представления в соответствующую палату Федерального Собрания для получения такого согласия.

Свою позицию по данным вопросам Конституционный Суд мотивировал тем, что ст. 98 Конституции РФ определяет лишь общие направления и условия действия депутатской неприкосновенности, допускает возможность конкретизации её положений в федеральном законодательстве. Парламентский иммунитет по своей природе предполагает наиболее полную защиту депутата при осуществлении им собственно депутатской деятельности (реализации депутатских полномочий, выполнении депутатских обязанностей). В подтверждение своей позиции Конституционный Суд сослался также на п. 9 раздела второго «Заключительных и переходных положений» Конституции РФ, по смыслу которого без лишения депутата неприкосновенности для него не может наступить ответственность за действия (бездействия), связанные с выполнением депутатских обязанностей. Приведённая аргументация представляется не совсем убедительной.

Конституционный Суд признал также соответствующими Конституции РФ ч. 2 ст. 18 и ст. 19 Закона.

Вместе с тем в отношении действий парламентария, не связанных с осуществлением его депутатской деятельности, положения ч. 1 ст. 18 и ч. 2 ст. 20 анализируемого Федерального закона Конституционным Судом были признаны несоответствующими Конституции РФ (ч. 1 ст. 15, ч. 1 ст. 19, ст. 52 и ст. 98). При этом несоответствие было определено в той мере, в какой эти положения препятствовали бы возбуждению уголовного дела, проведению дознания и предварительного следствия, досудебному производству по административным правонарушениям.

При этом, по мнению Конституционного Суда, законодателю надлежит разрешить вопрос о допустимости и порядке осуществления следственных действий в случае возбуждения уголовного дела в связи с совершением как действий депутата, связанных с осуществлением им депутатской деятельности, так и действий, не связанных с такой деятельностью.

5 июля 1999 г. был издан Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (далее сокращённо – ФЗ от 5 июля 1999 г.)¹¹⁷. В названном законе вопросам неприкосновенности членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы посвящены ст. ст. 19, 20, 21. В них учтены положения, содержащиеся в Постановлении Конституционного Суда от 20 февраля 1996 г., однако, на мой взгляд, остаются нерешёнными либо заслуживающие дополнительной проработки вопросы, в том числе вопросы принципиального характера.

Ч. 1 ст. 19 ФЗ от 5 июля 1999 г. воспроизводит с некоторыми редакционными уточнениями соответствующее положение ст. 18 прежнего Закона и сформулирована так: «Член Совета Федерации, депутат Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока своих полномочий». Согласно ч. 2 этой статьи, член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации не могут быть: а) привлечены к уголовной или административной

---

¹¹⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 28. – Ст. 3466.

ответственности, налагаемой в судебном порядке; б) задержаны, арестованы, подвергнуты обыску (кроме случаев задержания на месте преступления) или допросу; в) подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей.

В новой редакции ФЗ от 5 июля 1999 г. учтено решение Конституционного Суда о различном подходе к решению вопроса о неприкосновенности парламентария в зависимости от того, связаны ли его действия с осуществлением своих депутатских полномочий. В Постановлении Конституционного Суда от 20 февраля 1996 г. было справедливо отмечено, что из смысла ст. 98 и п. 9 раздела второго «Заключительные переходные положения» Конституции РФ вытекает, что неприкосновенность парламентария не означает его освобождения от ответственности за совершённое правонарушение, в том числе уголовное или административное, если такое правонарушение совершено не в связи с осуществлением собственно депутатской деятельности.

Расширительное понимание неприкосновенности в таких случаях вело бы к искажению публично-правового характера парламентского иммунитета и его превращению в личную привилегию, что означало бы, с одной стороны, неправомерное изъятие из конституционного принципа равенства всех граждан перед законом и судом (ч. 1 ст. 19), а с другой – нарушение конституционных прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (ст. 52).

Внеся некоторые уточнения в ряд соответствующих положений ФЗ о статусе членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, новая редакция Федерального закона определяет понятие депутатского иммунитета весьма широко. В нём воспроизведены положения ФЗ от 8 мая 1994 г. о невозможности привлечения парламентариев к уголовной ответственности или к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, и их допроса без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания (ч. 2 ст. 19).

Выше отмечалось, что эти положения закона в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. признаны соответствующими Конституции РФ. В то же время, решение, принятое Конституционным Судом в этой части выглядит спорным, а его аргументация неубедительной. Закрепление в ст. 98 Конституции РФ неприкосновенности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы представляет собой исключение из принципа равенства всех перед законом и судом, закреплённого в статье 19 Конституции.

По общему правилу распространительное толкование либо применение по аналогии исключительных норм, в том числе и конституционных, не допускается¹¹⁸. Кроме того, рассматриваемые положения федеральных законов, определяющих статус парламентариев, на мой взгляд, противоречат ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на территории Российской Федерации; законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ.

Перечень случаев, при наличии которых парламентарий не может быть лишён неприкосновенности без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания РФ, определённый ст. 98 Конституции, может быть изменён только путём внесения изменений в Конституцию РФ.

Вызывает серьёзные сомнения правомерность положения, содержащегося в ч. 3 ст. 20 ФЗ от 5 июля 1999 г., согласно которому при отсутствии согласия соответствующей палаты Федерального Собрания РФ на привлечение к ответственности парламентария, дело в отношении него подлежит прекращению. В литературе высказывается вполне справедливое мнение о том, что в таких случаях предварительное следствие по делу подлежит приостановлению, а не пре-

---

¹¹⁸ См. подробнее: Якупов, Р. Х. Правоприменение в уголовном процессе (юридические проблемы) / Р. Х. Якупов. – М.: МВШМ МВД России, 1993. – С. 31; Руднев, Вл. Указ. статья. – С. 28.

кращению¹¹⁹. Эта же позиция нашла отражение в официальном проекте УПК РФ, обсуждавшемся в Государственной Думе в 1999 г. Вместе с тем, в принятом УПК РФ указанная проблема опять остаётся без рассмотрения. В теории права считается общепризнанным, что уровень кодекса выше уровня неcodифицированных законов. Поэтому для придания рассматриваемой норме надлежащей силы закона её необходимо включить в Уголовный и в Уголовно-процессуальный кодексы. А поскольку этого не сделано, то, как было отмечено, правомерность сформулированного в данной норме положения вызывает серьёзные сомнения.

В качестве позитивного момента в новой редакции ФЗ о статусе депутата выше было отмечено то обстоятельство, что в нём учтена рекомендация Конституционного Суда о различном подходе к решению вопроса о депутатской неприкосновенности в зависимости от того, были ли связаны действия депутата с исполнением им своих депутатских обязанностей. Однако в законе не содержится указания на то, в компетенцию какого органа входит принятие решения о том, были связаны действия депутата с исполнением депутатских обязанностей или нет. В ч. 4 ст. 34 проекта закона содержалось следующее положение: «Вопрос о том, связаны ли действия члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы с осуществлением своих полномочий, решается соответствующей палатой Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации. Решение о том, что действия члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы не связаны с осуществлением ими своих полномочий принимается большинством голосов от общего числа соответственно членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и оформляется постановлением». В окончательную редакцию текста закона, принятого Государственной Думой, эти слова не вошли. Таким образом, по данному вопросу остаётся неопределённость. Нет единого мнения

---

¹¹⁹ Чувилёв, А. Проблемы реализации конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве / А. Чувилёв, Ф. Агаев // Уголовное право. – 1999. – № 2. – С. 73.

по нему как среди учёных, так и среди практических работников. Думается, что наличие связи между действиями парламентариев и осуществлением ими своих полномочий – это вопрос факта, и правовая оценка ему должна даваться следователем, в производстве которого находится дело, по совокупности всех доказательств, собранных в ходе расследования по делу, а в стадии судебного разбирательства – судом. Отнесение решения данного вопроса к компетенции соответствующей палаты Федерального Собрания означало бы не что иное, как наделение законодательной власти несвойственной ей функцией судебной власти, что противоречит принципу разделения властей, сформулированному в ст. 10 Конституции РФ.

Следует согласиться с мнением М. Журавлёва о том, что «заслуживают серьёзного анализа и соотнесение с реалиями современной социально-политической обстановки в стране и те положения Закона от 5 июля 1999 г. о неприкосновенности депутатов, которые полностью основываются на Конституции РФ. Абсолютное большинство специалистов в области конституционного права, уголовного права, уголовного процесса, исследовавших данную проблему, приходят к выводу о том, что в действующем российском законодательстве даётся слишком широкое определение депутатского иммунитета, которого нет ни в одном другом государстве»¹²⁰. К такому выводу склонялись практически все участники «круглого стола», проведённого 27 апреля 1999 г. Комитетом по безопасности Государственной Думы и Комиссией Государственной Думы по проверке фактов участия должностных лиц и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в коррупционной деятельности по теме: «Институт «неприкосновенности» отдельных категорий государственных служащих в российском законодательстве»¹²¹.

Весьма широкое определение депутатского иммунитета, которое даётся в действующем российском законодательстве, порождает серьёзные проблемы в

---

¹²⁰ Журавлёв, М. К вопросу о правовом иммунитете членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ / М. Журавлёв // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 91.

¹²¹ Там же. – С. 92.

правоприменении, что на практике влечёт за собой ответственность депутатов за противоправные деяния, как связанные с исполнением ими депутатских обязанностей, так и не связанные с исполнением таких обязанностей. А. Д. Бойков верно пишет о том, что «... обильная информация о коррупции депутатского и судейского корпуса разбивается о неприступный щит иммунитета»¹²².

В последние годы всё более острой становится проблема проникновения криминальных элементов, организованной преступности во власть, в том числе в её высшие эшелоны¹²³.

Помимо прочих причин стремление криминальных элементов во власть объясняется также тем непомерным правовым иммунитетом, которым у нас обладает депутатский корпус. По данным, опубликованным МВД России, в начале октября 1995 г. среди соискателей депутатских мандатов в ходе предвыборной кампании было выявлено свыше 80 лиц, которые находились под следствием либо были ранее судимы¹²⁴. В предвыборную кампанию 1999 г. лиц с криминальным прошлым, а также связанных с преступными сообществами, желающих быть избранными в Государственную Думу и тем самым встать под защиту правового иммунитета, не уменьшилось, а, если судить по сообщениям прессы, даже увеличилось. Так, по данным, опубликованным в «Новой газете», 93 народных депутата из 450 народных депутатов Государственной Думы третьего созыва, то есть каждый пятый, до своего избрания находились в оперативной разработке правоохранительных органов¹²⁵. Только в федеральном списке избирательного блока ЛДПР было выявлено 12 человек, имеющих судимость либо находящихся в розыске. Этот список ЦИК не был зарегистриро-

---

¹²² Бойков, А. Д. Законность и целесообразность в уголовном судопроизводстве / А. Д. Бойков // Государство и право. – 1998. – № 4. – С. 14.

¹²³ См.: Теневая экономика и организованная преступность // Материалы научно-практической конференции (9-10 июля 1998 г.). – М.: Московский институт МВД России, 1998. – С. 14.

¹²⁴ Баталов, Э. Кого манит Дума? / Э. Баталов // Российская Федерация. – 1995. – № 21. – С. 17.

¹²⁵ См.: Новая газета. – 2000. – № 2, 17-23 января.

ван в связи с тем, что кандидатами были предоставлены недостоверные сведения о доходах и по другим вопросам¹²⁶.

Подобными сообщениями об устремлении криминалитета во власть изобилуют все средства массовой информации. Очевидно, одним из средств, способных снизить мотивацию такого стремления, может послужить сужение правового иммунитета депутатов, ограничение его непосредственно политической деятельностью в процессе работы в парламенте.

В то же время, за время действия Федерального Закона о статусе депутата ни один депутат этого уровня не был привлечён к уголовной ответственности или осуждён. Это говорит, с одной стороны, о высокой степени правовой защищённости, а с другой – о трудности, а нередко и о невозможности преодоления их иммунитета в том виде, как он определён в действующем законодательстве.

К такому же выводу приходит абсолютное большинство авторов, исследовавших данную проблему. Например, в Теоретической модели основ государственной политики борьбы с преступностью в России подчёркивается: «Узаконенный гипертрофированный иммунитет от правосудия представителей законодательной, судебной власти должен быть существенно ограничен, приведён в соответствии с общепризнанными в мире нормами, а фактические возможности чиновников, особенно высокопоставленных, уклоняться от ответственности за нарушение законов – решительно устранены»¹²⁷. Политический блок «Союз правых сил» выдвигает идею общероссийского референдума по вопросу о лишении неприкосновенности депутатов Федерального Собрания¹²⁸.

За ограничение депутатского иммунитета высказывался мэр г. Москвы Ю. М. Лужков. В телевизионном интервью программе НТВ 11 октября 1998 г. он заявил о том, что иммунитет во многих странах распространяется только на политическую деятельность и не распространяется на уголовные преступления,

---

¹²⁶ См.: Российская газета. – 1999. – 25 октября.

¹²⁷ Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель / М.: Политика, 1997. – С. 36.

¹²⁸ См.: Независимая газета. – 1999. – 14 октября.

гражданские правонарушения, т. е. на нарушения гражданского законодательства. Во всех других случаях депутат становится гражданином и отвечает за преступление, совершённое на улице, за антисемитизм, за фашизм¹²⁹.

Писатель А. Солженицын в интервью той же программе ТВ 21 ноября 1999 г. заявил, что правовой иммунитет депутатского корпуса «является приманкой для уголовников»¹³⁰.

Проведённое в Московском юридическом институте МВД России социологическое исследование показало, что 30 % опрошенных работников судов и правоохранительных органов выступают за упразднение иммунитета депутатов в целом¹³¹.

Как уже было отмечено, ни в одном государстве нет такого широкого толкования депутатского иммунитета, как в России. Так, согласно разделу 6 ст. 1 Конституции США, сенаторы и члены палаты представителей во всех случаях, кроме измены, тяжкого уголовного преступления и нарушения общественного порядка, не могут быть подвергнуты аресту во время их присутствия на сессии соответствующей палаты, а также следования в палату и возвращения из неё; за речи и высказывания в палатах не могут привлекаться к ответственности ни в каком другом месте¹³².

Анализ зарубежного конституционного законодательства позволяет прийти к выводу о том, что за последние десятилетия наметилась определённая тенденция к сужению объёма и характера депутатского иммунитета. К примеру, в соответствии с ч. 3 ст. 57 Федерального конституционного закона Австрии 1920 г. (в редакции Закона 1979 г.) не требуется согласия Национального совета для уголовного преследования его депутата в случае, если «деяние явно не связано с политической деятельностью данного депутата»¹³³.

---

¹²⁹ Баталов, Э. Указ. статья. – С. 17.

¹³⁰ Там же. – С. 18.

¹³¹ Кибальник, А. Г. Иммуниет в уголовном праве: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. Г. Кибальник. – М., 1999. – С. 18.

¹³² Современные зарубежные конституции / М.: Юрид. лит., 1992. – С. 26.

¹³³ Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты / М.: НОРМА, 1985. – С. 55-56.

Наконец, парламентский иммунитет не является бессрочным. На практике в большинстве стран этот срок совпадает с продолжительностью парламентской сессии. Это означает, что в период между сессиями депутат подпадает под действие обычного права. Единственная формальность, которую обязаны выполнить в связи с этим органы власти, – это информировать парламент о предполагаемом возбуждении уголовного преследования или аресте какого-либо из его членов. Такая информация позволяет парламенту, если он сочтёт нужным, чтобы уголовное преследование депутата было приостановлено или чтобы он был освобождён из-под ареста.

Обязательное получение согласия на задержание (кроме задержания на месте преступления), обыск, арест, привлечение к уголовной ответственности, несомненно, является правилом, дополняющим общий процессуальный порядок производства перечисленных процессуальных действий. Представляется, что давно назрела необходимость в инкорпорировании данного правила в российский уголовно-процессуальный закон. Что и было сделано при принятии УПК РФ. Между тем с учётом невозможности привлечения к уголовной ответственности депутатов из-за отказа соответствующей палаты Федерального Собрания лишить его депутатской неприкосновенности УПК РФ необходимо дополнить нормой, устанавливающей право следователя на приостановление производства по уголовному делу до истечения срока депутатских полномочий.

Производство следственных и процессуальных действий предполагает лишение неприкосновенности лиц, ею обладающих. Уголовно-процессуальный кодекс РФ регулирует особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий в отношении парламентариев, а именно закрепляет особый порядок: а) возбуждения уголовного дела; б) задержания; в) избрания меры пресечения и производства отдельных следственных действий; г) направления соответствующего дела в суд.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы характеризуется тремя особенностями:

- решение о таком возбуждении может принять только одно должностное лицо – Председатель Следственного комитета при прокуратуре РФ;

- для возбуждения уголовного дела требуется согласие соответственно Совета Федерации или Государственной Думы (п. 1 ч. 1 ст. 447 УПК РФ; ст. 19 Закона о статусе судей).

Отказ палаты Федерального Собрания дать согласие на лишение парламентария неприкосновенности является обстоятельством, исключающим производство по уголовному делу, и влечёт его прекращение.

Сообщение о совершении преступления членом Совета Федерации или депутатом Государственной Думы незамедлительно направляется соответствующему прокурору, который лично проводит проверку или поручает её проведение следователю. Производство предварительного расследования в отношении указанных лиц проводится только следователями прокуратуры (подп. «б» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ).

Если по результатам проверки прокурор придёт к выводу о наличии достаточных данных для возбуждения уголовного дела, он направляет результаты проверки прокурору субъекта РФ. Между тем, если последний не согласиться с выводами лица, проводившего проверку сообщения достаточных данных для возбуждения уголовного дела, он вправе принять одно из следующих решений: 1) об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ); 2) о направлении сообщения по подследственности (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ); 3) о возвращении материалов для дополнительной проверки (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). При согласии прокурора субъекта РФ с выводами лица, проводившего проверку сообщения, соответствующие материалы передаются Генеральному прокурору РФ, который вправе вынести решение: об отказе в возбуждении уголовного дела или о возвращении материалов для дополнительной проверки.

Придя к выводу о необходимости принятия решения о возбуждении уголовного дела в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы, Генеральный прокурор РФ направляет в Верховный Суд РФ представление о даче заключения о наличии в действиях названных лиц при-

знаков преступления. Если суд признает, что в действиях названных лиц имеются признаки преступления, то, получив такое заключение, Генеральный прокурор РФ направляет его вместе со своим представлением для дачи согласия на возбуждение уголовного дела в соответствующую палату Федерального Собрания РФ.

Лишение неприкосновенности члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы означает дачу согласия на возбуждение против них уголовного дела, привлечение их в качестве обвиняемого, а также на исполнение решения суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о производстве обыска.

Процессуальный иммунитет парламентариев обусловлен и такими положениями законодательных актов, которые предусматривают, что задержание депутата Государственной Думы и члена Совета Федерации (кроме случаев задержания на месте преступления) осуществляется только с согласия соответствующей палаты Федерального Собрания РФ (ст. 449 УПК РФ).

Следует отметить, что следственные и иные процессуальные действия, согласно ч. 5 ст. 450 УПК РФ, осуществляемые не иначе как на основании судебного решения, в отношении рассматриваемых лиц, если уголовное дело не было возбуждено или такое лицо не было привлечено в качестве обвиняемого, производятся с согласия соответствующего суда (ч. 1 ст. 448 УПК РФ). К следственным и иным процессуальным действиям относятся как те, перечень которых содержится в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, так и иные процессуальные действия, по которым требуется судебное решение (например, домашний арест, помещение лица в медицинское учреждение для экспертизы). Вместе с тем, по практике применения вышеуказанной нормы уже сейчас возникают некоторые вопросы у членов депутатского корпуса. Так, в Конституционный Суд РФ с запросом обратилась группа депутатов Государственной Думы РФ. В запросе оспаривалась конституционность отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, в том числе и статьи 450 и находящейся в системной с ней связи статьи 107 в той части, в какой ими допускается возможность избрания в отношении члена

Совета Федерации или депутата Государственной Думы домашнего ареста в качестве меры пресечения без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания, – как противоречащих статье 98 Конституции РФ.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н. В. Селезнёва, объяснения представителей сторон, выступления приглашённых представителей, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд РФ вынес Постановление от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»¹³⁴.

В Постановлении Конституционный Суд РФ разъяснил, что согласно ст. 98 Конституции РФ парламентарии обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий; вопрос о лишении неприкосновенности решается по представлению Генерального прокурора РФ соответствующей палатой Федерального Собрания.

Ст. 98 Конституция РФ, определяя лишь общее направление и условия действия депутатской неприкосновенности, допускает возможность конкретизации её положений в федеральном законодательстве.

В Постановлении отмечено, что соответствующая конкретизация осуществляется, в частности, Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Согласно ч. 2 ст. 447 УПК РФ порядок производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, в том числе членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, определяется данным Кодексом с изъятиями, предусмотренными его главой 52. Одно из таких изъятий установлено в ст. 450 УПК РФ, определяющей особенности избрания меры пресечения и производства отдельных следственных действий, которая непосредственно предусматривает гарантии их статуса только в связи с применением в качестве меры пресечения заключения под стражу. Между тем, по установлению Конституционного Суда РФ, отсутствие в данной статье прямого указания на согласие соответствующей палаты

---

¹³⁴ Российская газета. – 2004. – № 143. – 7 июля.

Федерального Собрания как на обязательное условие применения в отношении парламентариев домашнего ареста не может, однако, расцениваться как обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии необходимости получения такого согласия в случае применения к этим лицам данной меры пресечения.

Таким образом, Конституционный Суд РФ, постановил, что статья 450 и находящаяся во взаимосвязи статья 107 УПК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в нормативном единстве со статьёй 108 данного Кодекса предполагают применение в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы меры пресечения в виде домашнего ареста по судебному решению и с согласия соответствующей палаты Федерального Собрания и, следовательно, не противоречат Конституции РФ.

В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 448 УПК РФ возбуждение уголовного дела в отношении депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ допускается лишь по решению прокурора субъекта РФ на основании заключения коллегии, состоящей из трёх судей судов субъектов.

Сообщение о преступлении, совершённом депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, немедленно передаётся соответствующему прокурору, который поручает проведение проверки следователю прокуратуры или проводит эту проверку лично (см. ст. 151 УПК РФ). После завершения проверки, если прокурор придёт к выводу о наличии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела против депутата, материалы направляются прокурору субъекта РФ. Тот рассматривает материалы и, придя к выводу о наличии поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, безотлагательно направляет их вместе с представлением о необходимости получения согласия на возбуждение уголовного дела в отношении депутата в соответствующий суд.

Представление прокурора рассматривается судебной коллегией соответствующего суда, состоящей из трёх судей, в закрытом судебном заседании в срок не позднее 10-ти суток со дня его поступления в суд с участием прокурора, де-

путата, в отношении которого внесено представление, и его защитника. При даче судебной коллегией заключения о наличии в действиях депутата признаков преступления прокурор субъекта РФ выносит постановление о возбуждении уголовного дела или поручает его расследование следователю прокуратуры либо прокурору. Если судебная коллегия даст заключение об отсутствии в действиях депутата признаков преступления, то прокурор должен вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела согласно п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

На основании п. 11 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица органа местного самоуправления принимается прокурором субъекта РФ без согласия судебной коллегии.

В то же время наряду с лишением неприкосновенности, в частности, депутатов, следует предусмотреть и такое положение, как ограничение их неприкосновенности исходя из принципа презумпции невиновности. Не всегда бывает достаточно данных, однозначно свидетельствующих, например, о признаках преступления в действиях депутата, и поэтому сразу лишать лицо неприкосновенности, а, следовательно, полномочий, представляется не совсем правильным. Ограничение неприкосновенности могло бы влечь приостановление деятельности депутата.

Включение в содержание депутатской неприкосновенности запрета на допрос члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания РФ (п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ), полагаю, должно распространяться только на допрос в качестве подозреваемого или обвиняемого. Что касается допроса депутата в качестве свидетеля, то необходимость получения согласия на это следственное действие противоречит ст. 98 Конституции РФ, которая не содержит запрета на допрос депутата. Поскольку в этой части ст. 18 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а также п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ противоречат Конституции России,

должна применяться конституционная норма о равенстве граждан перед законом и судом.

Проблемой остаётся и правовое регулирование депутатского иммунитета депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации. В связи с отсутствием федерального закона, который определял бы статус депутатов этого уровня, законодательные органы многих субъектов Федерации своими локальными актами решили данный вопрос. Депутатская неприкосновенность устанавливалась в разных объёмах, но, как правило, аналогично неприкосновенности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы.

Трудно судить, что мешало Государственной Думе разработать и принять закон о статусе депутатов законодательных органов субъектов Федерации. Отсутствие такого закона привело к тому, что законы многих субъектов Федерации, несмотря на содержащиеся в них противоречащие Конституции РФ нормы, не были отменены или изменены и сохранили положения, устанавливающие депутатскую неприкосновенность. Такая ситуация порождает значительные трудности в деятельности органов расследования, прокуратуры и суда в случаях, когда возникает вопрос об уголовном преследовании депутатов законодательного органа субъекта Федерации.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» прямо указал, что «при рассмотрении дел судами надлежит учитывать, что если подлежащий применению закон либо иной нормативный акт субъекта Российской Федерации противоречит федеральному закону, принятому по вопросам, находящимся в ведении Российской Федерации, то исходя из положений ч. 5 ст. 76 Конституции РФ суд должен принять решение в соответствии с Федеральным законом»¹³⁵. В принципе, органы предварительного расследования и прокуратуры могли бы поступать таким образом при решении вопросов о задержании, аресте, обыске, привлечении к уголовной ответственности депутата законодательного органа субъекта Федерации. Про-

---

¹³⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 1. – С. 3-6.

куроры субъектов Федерации (не все, конечно) предпочитают опротестовывать в судах общей юрисдикции закон, содержащий уголовно-процессуальные нормы о депутатском иммунитете, а некоторые рекомендуют законодательным органам изменить законы о статусе депутатов с тем, чтобы депутатская неприкосновенность не распространялась на действия, не связанные с осуществлением депутатской деятельности.

Известно, что на уровне субъектов Федерации предпринимались попытки «оградить» законодательный корпус от уголовного преследования. Так, например законом Волгоградской области от 8 ноября 1994 г. № 12 – ОД «О статусе депутата Волгоградской областной Думы» была установлена неприкосновенность депутата областной Думы в сфере уголовного, уголовно-процессуального, административного, административно-процессуального права, что противоречит ст. 71 и ст. 72 Конституции РФ. Закон был опротестован прокуратурой области и приведён в соответствие с Конституцией РФ¹³⁶.

Вместе с тем, в Законе Красноярского края от 20 июня 1995 г. № 6 – 128 «О статусе депутата Законодательного Собрания Красноярского края» данные вопросы получили нормативное закрепление. Глава 2 указанного Закона носит название: «Основные гарантии депутатской деятельности» (ст. ст. 11-32). Ст. 18 и ст. 19 Закона имеют непосредственное отношение к уголовно-процессуальному институту депутатского иммунитета, где достаточно детально урегулированы вопросы, связанные с порядком привлечения депутатов к уголовной ответственности¹³⁷.

Регулирование уголовно-процессуальных отношений о депутатском иммунитете нормами законов Красноярского края противоречит Конституции РФ. На это обстоятельство не обратили внимания ни законодательные органы субъ-

---

¹³⁶ Пономарёва, В. В. Указ. работа. – С. 117.

¹³⁷ См.: Законодательное Собрание Красноярского края. Законы, постановления. Двенадцатая сессия Законодательного Собрания края: Сборник. – С. 56.

екта Федерации, ни авторы модельных законов¹³⁸, допускающие подобное нормотворчество представительными органами субъектов РФ.

Анализ федерального законодательства свидетельствует о необходимости совершенствования уголовно-процессуального института депутатского иммунитета. В сложившейся ситуации следовало бы принять федеральный закон, который единообразно урегулировал бы данный правовой институт и таким образом устранил имеющийся до настоящего времени пробел в уголовно-процессуальном законодательстве, это приведёт к единообразию регулирования однородных по характеру общественных отношений во всех субъектах Российской Федерации¹³⁹.

Несмотря на положения новой гл. 52 в УПК РФ «Особенности производства в отношении отдельных категорий лиц», некоторые вопросы остаются законодательно неурегулированными (например, вопрос о приостановлении уголовного дела в отношении депутата) и требуют тщательной разработки, однако, отдельные нормы содержат ряд позитивных моментов, например, ст. 451 УПК РФ (направление уголовного дела в суд), ст. 452 УПК РФ, которая предусматривает, что «уголовное дело в отношении члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы, судьи федерального суда по их ходатайству, заявленному до начала судебного разбирательства, рассматривается Верховным Судом Российской Федерации». Таким образом, данное положение устанавливает дополнительную процессуальную гарантию в отношении депутата Государственной Думы и члена Совета Федерации; судьи федерального суда: по их ходатайству уголовное дело может быть рассмотрено высшей судебной инстанцией страны – Верховным Судом РФ.

---

¹³⁸ См. подробнее: Модельные законы о выборах в субъектах Российской Федерации. – Вып. 1. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1998. – С. 27.

¹³⁹ Галузо, В. Н. Депутатский иммунитет: уголовно-процессуальные проблемы правового регулирования / В. Н. Галузо // Сборник материалов региональной научно-практической конференции. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999. – С. 124-125.

Выводы.

1. Необходимо внести изменения в статью 4 Уголовного кодекса РФ (принцип равенства граждан перед законом), дополнив её словами: «..., за исключением случаев, специально предусмотренных законом».

2. Есть настоятельная необходимость в совершенствовании, как конституционных норм, так и норм федерального законодательства, регламентирующих неприкосновенность депутатов, в направлении существенного сужения объёма и характера правового иммунитета членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Депутатская неприкосновенность должна быть ограничена политической деятельностью депутатов в парламенте. В связи с этим норму о неприкосновенности парламентариев целесообразно сформулировать применительно к ч. 6 ст. 19 Федерального закона от 22 апреля 2004 г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: «Член Совета Федерации, депутат Государственной Думы не могут быть привлечены к уголовной или административной ответственности за высказывание мнения или выражение позиции при голосовании в соответствующей палате Федерального Собрания Российской Федерации и другие действия, соответствующие статусу члена Совета Федерации и статусу депутата Государственной Думы, в том числе по истечении срока их полномочий. Если в связи с такими действиями член Совета Федерации, депутат Государственной Думы допустили публичные оскорбления, клевету или иные нарушения, ответственность за которые предусмотрена федеральным законом, возбуждение уголовного дела, производство дознания, предварительного следствия или начало производства по делу об административном правонарушении, предусматривающем административную ответственность, налагаемую в судебном порядке, осуществляется только

в случае лишения члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы неприкосновенности».

Это потребует внесения соответствующих изменений в ст. 98 Конституции Российской Федерации.

До внесения изменений в Конституцию Российской Федерации следует привести в соответствие с ныне действующей редакцией ст. 98 Конституции РФ ст. ст. 19, 20 Федерального закона от 22 апреля 2004 г. Это касается, в частности, исключения из текста ст. 19 названного закона указания на то, что неприкосновенность распространяется на привлечение депутатов к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, (п. «а») и их допрос (п. «б»).

3. Требуется реализовать рекомендацию, содержащуюся в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 г., о том, что законодателю надлежит разрешить вопрос о допустимости и порядке осуществления следственных действий в случае возбуждения уголовного дела в связи с совершением как действий депутата, связанных с осуществлением им депутатской деятельности, так и действий, не связанных с такой деятельностью. Это положение необходимо было бы предусмотреть в УПК РФ.

4. В действующий УПК РФ целесообразно внести следующие изменения и дополнения: ч. 1 ст. 208 УПК (основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия) дополнить п. 5 следующего содержания: «когда место нахождения обвиняемого известно, однако отсутствует возможность его участия в деле в связи с решением вопроса о лишении обвиняемого иммунитета».

5. В этой связи следует внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 22 апреля 2004 г., в частности, исключить из неё слова о том, что отказ в даче согласия соответствующей палаты Федерального Собрания на привлечение парламентария к ответственности является «обстоятельством, исключающим производство по уголовному делу или производству по делу об административном правонарушении, предусматривающем администра-

тивную ответственность, налагаемую в судебном порядке», а вместо слов «о прекращении уголовного дела», указать на то, что предварительное следствие по делу приостанавливается.

2. 3. Иммунитет должностных лиц судебной ветви власти

Известный американский учёный-юрист Л. Фридмэн в своей монографии «Amerikan law»¹⁴⁰ начинает анализ трёх ветвей власти не с законодательной и исполнительной (им посвящены ст. 1 и ст. 2 Конституции США), а с судебной, о которой речь идёт в ст. 3. И это не случайно. Дело в том, что в современных высокоразвитых зарубежных странах судебная власть и формально, и фактически, как представляется, стала высшей государственной властью. Судебная власть, хотя и менее заметная, чем другие власти, зримо и незримо руководит ими. Такое положение объясняется теми полномочиями, которыми суды обладают, и тем местом, которое они занимают в политико-государственном процессе. Суды получили компетенцию контролировать другие власти и выносить окончательные решения по жалобам на их действия.

Борьба судов за достойное место в государстве началась на родине современной демократии – в Великобритании. Здесь уже Великая хартия вольностей 1215 г. (знаменитая Magna Carta) содержала многочисленные положения о судах и судопроизводстве¹⁴¹. До XVII в. суды общего права во главе с главным судьёй суда королевской скамьи Э. Коком выступали за ограничение королевского абсолютизма¹⁴². Вехой на этом пути стало принятие британским парламентом Закона (Акта) о хабеас корпус в 1679., которым была законодательно закреплена практика издания судами прерогативных приказов, направленных на защиту британцев от произвола королевской администрации¹⁴³.

---

¹⁴⁰ См.: Фридмен, Л. Введение в американское право / Л. Фридмен. – М.: Наука, 1992. – С. 10.

¹⁴¹ См.: Конституции буржуазных государств Европы ... – С. 169-173.

¹⁴² Апарова, Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании / Т. В. Апарова. – М.: Прогресс, 1996. – С. 11.

¹⁴³ См.: Конституции буржуазных государств Европы ... – С. 186-197.

По ту сторону океана, в США, через 99 лет после британской «славной революции» 1688 г., положившей конец королевскому абсолютизму, в 1787 г. принимается Конституция, предусматривающая классическое разделение властей и сделавшая судебную власть действительно независимой и авторитетной. Пункт 2 ст. 3 Конституции США предусматривает, что «судебная власть распространяется на споры, стороной в которых являются США». Эта и некоторые другие формулировки Конституции США стали правовой основой для проверки судами действий других властей¹⁴⁴.

Уже в 1803 г. в решении Верховного суда США по делу *Marbury v. Madison*, составленному его главным судьёй Дж. Маршалом, было указано, что «если закон находится в противоречии с Конституцией ... суд должен определить, какая из этих противоречащих друг другу норм является руководящей для дела»¹⁴⁵. Таким образом была сформулирована доктрина судебной проверки конституционности законов, которая была затем постепенно воспринята другими цивилизованными странами.

В правовом государстве, где судебная власть, как уже отмечалось, является главной контролирующей константой, судебные решения, судебная практика неизбежно становятся источниками права. Мнение суда о содержании правовых норм является самым авторитетным. Постановление суда, вступившее в законную силу, является окончательным, и, как правило, никто не вправе его отменить. Как говорится в документе ООН «Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов»¹⁴⁶, судьи принимают «окончательное решение по вопросам жизни и смерти, свободы, прав, обязанностей и собственности граждан». Это обстоятельство служит ещё одним и к тому же наиболее веским аргументом в обоснование роли судебной власти в государстве и обществе.

Конституция Российской Федерации провозгласила права и свободы человека высшей социальной ценностью и возложила на государство обязанность

---

¹⁴⁴ См. подробнее: Свод законов США – United States Code, 1988 Edition. – W., 1989.

¹⁴⁵ Цит. по: Cases on Constitutional Law. Political Roles of The Supreme Court. – Homewood (111.), 1973. – P. 16.

¹⁴⁶ См.: Международные акты о правах человека ... – С. 168-170.

по их соблюдению и защите. В реализации этой государственной функции принимают участие все ветви власти, но центральное место во всём правозащитном механизме всё-таки отводится судебной системе.

Судебная защита может стать полной и эффективной лишь при условии подлинной самостоятельности судебной власти и реальной независимости судей, как основных гарантий прав и свобод граждан, имеющих важное концептуальное значение, поскольку в общественном сознании сложилось мнение, согласно которому самостоятельность и независимость нужны самим носителям судебной власти: для самоутверждения судебного корпуса, решения его внутренних проблем, установления льгот и привилегий¹⁴⁷.

В отечественной юридической литературе доперестроечного периода научные работы о судебной власти отсутствовали, а проблема независимости правосудия занимала авторов исключительно в аспекте нравственного долга судьи. Конституции СССР 1936 и 1977 гг. закрепляли юридическую независимость судей, однако в них не было норм о судебной власти, тем более о её самостоятельности. Как справедливо замечает Ю. Д. Северин, суды, «не обладавшие в полной степени самостоятельностью, не способны защитить права своих граждан»¹⁴⁸. В. В. Ершов подчёркивает, что независимость суда в правовом государстве не является самоцелью судей, а в конечном итоге служит обязательным, жизненно важным условием обеспечения прав и свобод граждан¹⁴⁹.

С принятием Закона о статусе судей от 26 июня 1992 г., Конституции 1993 г., Закона о судебной системе в Российской Федерации от 31 декабря 1996 г., Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» от 15 декабря 2001 г. и Уголовно-процессуального кодекса РФ была в основном сформирована нормативная база самостоятельности судебной власти, независимости судей, а

---

¹⁴⁷ Терёхин, В. А. Самостоятельность судебной власти и независимость судей как гарантия прав граждан / В. А. Терёхин // Государство и право. – 2001. – № 8. – С. 42.

¹⁴⁸ Северин, Ю. Д. Независимость правосудия – проблема времени / Ю. Д. Северин // Сов. государство и право. – 1991. – № 9. – С. 46.

¹⁴⁹ Ершов, В. В. Статус суда в правовом государстве / В. В. Ершов. – М.: Юрист, 1992. – С. 76-77.

также система их правовых гарантий. В названных источниках законодатель закрепил такие понятия, как «независимость судей», «неприкосновенность судей», «независимое правосудие», «независимость судов», «самостоятельность судов», «независимость судебной власти», «самостоятельность судебной власти».

Раскрывая данные категории, одни авторы, например В. А. Ржевский и Н. М. Чепурнова, считают, что правосудие является независимым потому, что оно осуществляется никому не подотчётным и независимым должностным лицом – судьёй. Наряду с этим авторы отрицают легитимность и конституционность таких категорий, как «независимость суда», «независимость судебной власти», и предлагают внести изменение в Закон о судебной системе в РФ, поскольку считают, что содержащееся в нём положение о независимости судов (п. 1 ст. 5 Закона) противоречит ст. 10 Конституции РФ¹⁵⁰. Другие учёные вносят предложение ввести принцип независимости судебной власти в разряд конституционных положений, что расширит словарный запас Конституции России и исключит толкование понятия независимости судебной власти через содержание независимости судей¹⁵¹.

Представляется, что точка зрения авторов первой позиции является спорной, поскольку именно суды и судебная власть осуществляют реализацию процессуальной функции – правосудия¹⁵².

Термин «независимость» законодатель использует только применительно к правосудию, то есть к процессуальной среде. Однако последнюю невозможно ограничивать лишь деятельностью судьи, тем более он независим только при

---

¹⁵⁰ Ржевский, В. А. Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности / В. А. Ржевский, Н. М. Чепурнова. – М.: Наука, 1998. – С. 146-147.

¹⁵¹ См., например: Мордовец, А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / А. С. Мордовец. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 1996. – С. 282-283.

¹⁵² «Правосудие» - ёмкое понятие, которое не сводится лишь к деятельности в судебном разбирательстве по первой инстанции. В понятие правосудия надо включать не только деятельность судов первой и апелляционной инстанций, но и судебный надзор, осуществляемый вышестоящими судами, а, кроме того, и судебный контроль на стадии предварительного расследования.

выполнении непосредственных обязанностей при разбирательстве дел судом. Даже единолично осуществляя правосудие и разрешая конкретное дело, судья действует не от своего имени, а от имени государства. Ещё А. Ф. Кони отмечал, что «судья – орган государства. Оно вверяет ему частицу своей власти»¹⁵³. Вне суда и вне процессуальной формы принцип независимости судьи не действует. Таким образом, реализация процессуальной функции правосудия – исключительная прерогатива органов государства, то есть суда и судебной власти. Поэтому суд, и в целом судебная власть при осуществлении правосудия обладают независимостью.

В связи с этим, можно сделать вывод о том, что независимость судей означает независимую процессуальную деятельность при осуществлении правосудия, т. е. в ходе рассмотрения и разрешения на основе материального и процессуального закона споров о праве, в соответствии с профессиональным правосознанием судей и в условиях, исключающих постороннее воздействие на них.

Как верно отметила Н. В. Радутная, «значительная роль в реализации фактора независимости судей принадлежит уровню правового и нравственного сознания служителей правосудия»¹⁵⁴. И в поддержку этой позиции следует согласиться с мнением Г. Стасенкова о том, что судья никогда не станет поистине независимым, «пока не осознает в полной мере свою зависимость только от Закона, пока не проникнется этой зависимостью. Только тогда мы сможем получить по-настоящему независимый суд»¹⁵⁵.

Переходя к рассмотрению вопроса о гарантиях независимости, предоставляемых судьям, необходимо сказать, что самостоятельность судебной власти не абсолютна, поскольку связана с другими ветвями власти набором сдержек и противовесов и органически входит в единую государственную власть.

---

¹⁵³ Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А. Ф. Кони. – Собр. соч. в 8-ми т. – Т. 4. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 39.

¹⁵⁴ Радутная, Н. В. О независимости судей / Н. В. Радутная // Соц. законность. – 1989. – № 11. – С. 10.

¹⁵⁵ Стасенков, Г. Судья должен быть зависим только от закона / Г. Стасенков // Российская газета. – 1999. – 4 сентября.

При формировании нормативной базы соответствующих гарантий самостоятельности судебной власти и независимости судей определилась система условий и средств, обеспечивающих полное и эффективное выполнение стоящих перед ними задач.

Должностной иммунитет судей достаточно широк по своему объёму. В качестве одной из гарантий независимости судей предусматривается «неприкосновенность судьи» (ст. 9 Закона Российской Федерации «О статусе судей»). Статья 16 указанного закона раскрывает понятие неприкосновенности судьи следующим образом:

1. Судья неприкосновенен. Неприкосновенность судьи включает в себя неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьёй сообщений).

2. Судья обладает абсолютным судебно-процессуальным иммунитетом от любого вида ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

3. Уголовное дело в отношении судьи может быть возбуждено только Председателем Следственного комитета РФ, при наличии на то согласия соответствующей квалификационной коллегии судей.

4. Судья, задержанный по подозрению в совершении преступления или по иному основанию либо принудительно доставленный в любой государственный орган, если личность этого судьи не могла быть известна в момент задержания, после установления его личности подлежит немедленному освобождению.

5. Решение об избрании в отношении судьи в качестве меры пресечения заключения под стражу принимается не иначе как соответствующей квалификационной коллегией судей по ходатайству Председателя Следственного комитета РФ.

6. Проникновение в жилище или служебное помещение судьи, в личный или используемый им транспорт, производство личного обыска судьи, а равно изъятие и выемка его корреспонденции, принадлежащих ему имущества и документов производится с соблюдением Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов и только в связи с производством по уголовному делу в отношении этого судьи на основании решения соответствующей квалификационной коллегии судей.

7. Уголовное дело в отношении судьи по его ходатайству, заявленному до начала судебного разбирательства, рассматривается только Верховным Судом РФ.

Принцип независимости распространяется также на присяжных¹⁵⁶ и арбитражных заседателей¹⁵⁷ при выполнении ими обязанностей в суде. Независимость присяжных и арбитражных заседателей обеспечивается: предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия; запретом под угрозой ответственности чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия; неприкосновенностью присяжного и арбитражного заседателя. На заседателя на время исполнения им обязанностей в суде в полном объёме распространяются гарантии неприкосновенности судьи.

Меры правовой защиты в виде особенностей порядка уголовного судопроизводства, связанной с иммунитетами и привилегиями судей, присяжных и арбитражных заседателей, установлены и закреплены в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ. В частности, речь идёт о ст. ст. 447-452, которые

---

¹⁵⁶ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3300.

¹⁵⁷ См.: ст. 8 Федерального конституционного закона РФ от 26 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. – 6 янв.; ст. 7 Федерального закона об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов РФ от 30 мая 2001 г.; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

открывают главу 52 УПК РФ, регламентирующую особый порядок уголовного судопроизводства в отношении определённой категории лиц. В эту категорию и входят вышеозначенные лица (ст. 447 УПК РФ). Таким образом, законодатель определяет особый порядок возбуждения уголовных дел, условия и основания задержания, особенности избрания меры пресечения и производства отдельных следственных действий в отношении судей всех звеньев, присяжных и арбитражных заседателей, а также регулирует направление соответствующего уголовного дела в суд.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, возбуждение уголовного дела в отношении судьи Конституционного Суда РФ допускается лишь по решению Председателя Следственного комитета РФ с согласия Конституционного Суда РФ.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, решение о возбуждении уголовного дела в отношении судьи Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, федерального арбитражного суда, окружного (флотского) военного суда принимается Председателем Следственного комитета РФ с согласия Высшей квалификационной коллегии судей.

На основании п. 5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, возбуждение уголовного дела в отношении иных судей возможно лишь по решению Председателя Следственного комитета РФ с согласия соответствующей квалификационной коллегии судей.

Тем не менее, существует отличная от мнения законодателя точка зрения по поводу порядка возбуждения уголовного дела в отношении судьи.

Так, И. Алёшина утверждает, что «требование согласия квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела выходит за рамки ч. 2 ст. 122 Конституции РФ, которая предусматривает особый порядок только для привлечения судьи к уголовной ответственности ... возможно, более оптимальным будет такой вариант: уголовное дело в отношении судьи возбуждается на общих основаниях, а квалификационная коллегия рассматривает вопрос о даче

согласия на привлечение судьи к уголовной ответственности, арест и привод». Аргументируя свою позицию, автор отмечает, что «обязательность получения согласия ККС на возбуждение уголовного дела создаёт в ряде случаев безвыходное положение ... согласно УПК основанием к возбуждению дела являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления ... естественно, на этой стадии упомянутые данные бывают обычно неполными, а возможности для их проверки весьма ограничены ... в ходе проверки предусмотрено лишь истребование необходимых материалов и получение объяснений, однако без производства следственных действий, тем более когда речь идёт о судье»¹⁵⁸. Таким образом, будучи достаточными для принятия решения прокурором по «обычному» материалу, порой оказываются неубедительными для квалификационной коллегии, одна из задач которой – обеспечение неприкосновенности судьи и которой, что вполне естественно, желательно получить более веские доказательства причастности судьи к преступлению. Но собрать доказательства можно только путём расследования, которое, в свою очередь, невозможно без возбуждения уголовного дела. Получается замкнутый круг: достаточные для получения согласия квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела данные возможно получить лишь в результате производства следственных действий, а производство предварительного следствия невозможно без получения согласия на возбуждение уголовного дела.

Позволю себе не согласиться с данными высказываниями, поскольку, полагая, что, во-первых, Конституция Российской Федерации, определяет лишь общие условия действия неприкосновенности судей, допуская возможность конкретизации её положений в федеральном законодательстве, что и было сделано в действующем УПК РФ. Во-вторых, считаю, что просто необходимо обеспечить конституционный принцип независимости судебной власти дополнительными процессуальными гарантиями, позволяющими создать нормальные условия для осуществления судьями своих полномочий.

---

¹⁵⁸ Алёшина, И. Уголовное дело в отношении судьи должно возбуждаться на общих основаниях / И. Алёшина // Российская юстиция. – 1999. – № 1. – С. 46.

В ч. 2 ст. 450 УПК РФ устанавливаются особенности исполнения судебного решения о заключении под стражу судьи. Решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по представлению Председателя Следственного комитета РФ в отношении судьи Конституционного Суда РФ, судей иных судов принимается с согласия соответственно Конституционного Суда РФ или квалификационной коллегией.

Нельзя не отметить, ещё одну процессуальную привилегию судей, установленную ст. 452 УПК РФ. Согласно этой норме, уголовное дело в отношении судьи федерального суда по его ходатайству, заявленному до начала судебного разбирательства, рассматривается высшей судебной инстанцией РФ – Верховным Судом РФ (однако, данная норма утрачивает силу с 1 января 2013 г.)¹⁵⁹. Необходимо учесть, что согласно ч. 3 ст. 4 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» № 1-ФКЗ (в редакции от 4 июля 2003 г.)¹⁶⁰, вышеуказанное положение не распространяется на мировых судей и судей Конституционного Суда субъекта РФ.

Наряду с перечисленными процессуальными иммунитетами, судья и присяжный заседатель обладают абсолютным свидетельским иммунитетом. Так, в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежат допросу в качестве свидетелей: судья, присяжный заседатель – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу. Похвально, что помимо судей, «свидетельским иммунитетом» уголовно-процессуальное законодательство наделило и присяжных заседателей, поскольку «присяжные заседатели не могут разглашать суждения, имевшие место во время совещания»¹⁶¹.

При всей значимости и ответственности функций судьи представляется всё же недопустимым превращение судейского корпуса в сословие лиц, не подчиняющихся никаким законам, «застрахованных» наличием иммунитета от всех

---

¹⁵⁹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 45.

¹⁶⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 27 (часть 1). – Ст. 2698.

¹⁶¹ Смолькова, И. «Свидетельский иммунитет» судей. К вопросу о тайне совещательной комиссии / И. Смолькова // Российская юстиция. – 1998. – № 5. – С. 5.

антиобщественных поступков. В этой связи необходимо дальнейшее совершенствование правовых норм о неприкосновенности судей.

За наглядный пример может быть взят Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г.¹⁶² (с изменениями на 28 декабря 2010 г.¹⁶³), согласно которому судья этого Суда неприкосновенен (ст. 15). Вместе с тем, допускается задержание судей Конституционного Суда РФ на месте преступления с немедленным сообщением об этом Конституционному Суду, в чьей компетенции дать согласие на дальнейшее применение этой меры принуждения либо распорядиться об освобождении судьи. Также заслуживает одобрения норма Закона о том, что личный досмотр судьи Конституционного Суда РФ допускается для обеспечения безопасности других людей.

Представляется необходимым введение подобной нормы в законодательство о статусе судей всех уровней.

Абсолютной поддержки заслуживает мнение А. Ф. Ефремова о том, что вопрос о привлечении к уголовной ответственности судьи должен решать Верховный Суд РФ или суд субъекта РФ, а не квалификационная коллегия, которая состоит на местах из судей – коллег и обычно защищает своего коллегу и честь мундира¹⁶⁴.

Кроме того, правовые гарантии судебной деятельности закрепляются и в подзаконных актах, и, в частности, в указах Президента РФ. Следует, однако, отметить, что эти гарантии негативно воспринимаются в обществе и дают повод усомниться в объективности и беспристрастности служителей Фемиды. Например, первым, кто упрекнул судей Конституционного Суда РФ в предвзятости при разрешении спора Совета Федерации и Президента РФ о праве Президента отстранять от должности Генерального прокурора РФ на период рас-

---

¹⁶² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

¹⁶³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 1.

¹⁶⁴ Ефремов, А. Ф. О правовой неприкосновенности / А. Ф. Ефремов // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». – Тольятти, 1999. – Вып. 6. – С. 31.

следования возбуждённого уголовного дела, был отстранённый Генпрокурор Ю. И. Скуратов. Располагая информацией о подготовке проекта Указа Президента РФ «Об обеспечении деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и о предоставлении государственных социальных гарантий судьям Конституционного Суда и членам их семей», Ю. И. Скуратов обвинил судей в материальной заинтересованности¹⁶⁵. Действительно, такой Указ Президента РФ был вскоре подписан и опубликован¹⁶⁶. Однако, думается, что нормативное регулирование «указным правом» жизнедеятельности судебной системы, выступающей независимым арбитром в юридических спорах, в том числе между ветвями государственной власти, должно быть исключено. Общественностью также крайне негативно воспринимаются решения о финансировании судов не из федерального бюджета, чем наносится ущерб авторитету судебной власти¹⁶⁷.

Трудно согласиться и с тем, что все судьи полностью освобождены от административной и дисциплинарной ответственности. Устанавливая эти ограничения, законодатель, видимо, исходил из презумпции, что судья, олицетворяющий высшую справедливость, не позволит себе такого рода нарушения, а если это всё же случится, то уникальная роль судьи в обществе и государстве даёт основание пренебречь этими досадными эксцессами ради сохранения высокой роли судебной деятельности, авторитета судебной власти¹⁶⁸.

Подобное утверждение представляется более чем спорным. Судья именно в силу своей высокой роли вершителя правосудия должен быть образцом соблюдения юридических норм. Полнейшая безнаказанность судей за совершённые проступки никак не поднимает авторитет судебной власти в глазах населения, а скорее, наоборот, заставляет усомниться в справедливости и беспристрастности правосудия. В целях оптимизации должностного иммунитета судей не-

---

¹⁶⁵ См.: Независимая газета. – 1992. – 2 дек. – С. 8.

¹⁶⁶ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 7. – Ст. 795.

¹⁶⁷ См., подробнее: Толстихина, А. Сколько стоят судьи / А. Толстихина // Сегодня. – 1999. – 25 авг.; Степашин, С. Лимит на революции исчерпан / С. Степашин // Российская газета. – 1999. – 13 нояб.; Сивкова, В. СУДержанки / В. Сивкова // Аргументы и факты. – 2000. – 11 марта; Турбота, Н. Суд идёт! Вопрос – куда? / Н. Турбота // Труд. – 2000. – 2 сент.

¹⁶⁸ См.: Палеев, М. С. Закон о статусе судей в Российской Федерации. Комментарий / М. С. Палеев, С. А. Пашин, В. М. Савицкий. – М.: Наука, 1994. – С. 62.

обходимо также частичное ограничение абсолютной неприкосновенности от дисциплинарной и особенно административной ответственности.

Между тем даже самые современные и совершенные юридические нормы-гарантии могут расходиться с правовой реальностью. Те, кто сталкивается с российской правовой действительностью, знают, что на практике в этой сфере немало проблем. Многие вопросы ещё не решены, и путь к обретению подлинной независимости носителей судебной власти весьма долог. Если вмешательство в судебную деятельность через так называемое «телефонное право» стало весьма редким явлением, то на смену ему приходят не менее, а более опасные формы давления на судей – «полицейское право», «газетное право», «телевизионное право», «депутатское право» и др. Так, в последние годы в ряде регионов России спецслужбами были проведены акции психологического воздействия на участников судебных процессов, по существу посягающие на независимость судебной власти. Вооружённые и экипированные работники спецподразделений без соответствующего разрешения приходили в суды и в нарушение установленного порядка прямо в залах судебных заседаний задерживали и уводили оправданных судом и освобождённых из-под стражи граждан¹⁶⁹.

В современной России появился и такой изощрённый способ оказания давления на судебную систему, как угрозы, насилие и убийства судей, взрывы зданий судов¹⁷⁰. В связи с этим требуются дополнительные меры правового, организационного и экономического характера для усиления личной охраны судей и членов их семей, обеспечения охраны зданий судов, их технической оснащённости.

Как верно отметил В. И. Радченко, «два кита, на которых держится независимость судьи, - это несменяемость и неприкосновенность»¹⁷¹. Вероятно, именно поэтому сейчас они подвергаются серьёзным испытаниям, ибо систематиче-

---

¹⁶⁹ См.: Покушение на независимость суда: современная хроника // Российская юстиция. – 2000. – № 2. – С. 2-4.

¹⁷⁰ См.: С гранатами на судей // Комсомольская правда. – 1999. – 2 нояб.; Крыша на крышу // Известия. – 1999. – 21 окт.

¹⁷¹ Радченко, В. И. Судебная реформа в России / В. И. Радченко // Журнал российского права. – 1999. – № 1. – С. 57.

ски вносятся предложения, в том числе в виде законодательных инициатив, об их отмене либо значительном сужении объёма гарантий независимости.

Весьма показательными и поучительными для современников являются воспоминания, приведённые А. В. Шавровым. Когда Александр II приказал Министру юстиции Д. Н. Замятину уволить неудобного судью-сенатора, Д. Н. Замятин был вынужден сообщить царю, что в соответствии с законом он не может уволить несменяемого судью. На что Александр II воскликнул: «Как, и я подписал такую нелепость!»¹⁷². К сожалению, в нашем Отечестве не принято извлекать уроков из прошлого, дабы избежать ошибок в настоящем.

****

Выводы.

При изучении уголовно-процессуального иммунитета судейского корпуса прослеживалась чёткая идея предварительного судебного контроля за осуществлением функции уголовного преследования. Этот контроль выражается в том, что специально создаваемый в конкретных случаях судебный орган – коллегия из трёх судей даёт заключение о наличии признаков преступления в действиях судьи, что служит обязательным условием для начала уголовного преследования данного лица, т. е. возбуждения уголовного дела в отношении него или привлечения в качестве обвиняемого, если уголовное дело возбуждено в отношении других лиц или же по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления.

Следует отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство значительно расширило границы иммунитета указанной категории лиц, в то же время, это обстоятельство не должно служить поводом для превращения иммунитета от уголовной юрисдикции в награду или личную привилегию, а должно стать эффективным правовым средством обеспечения надле-

---

¹⁷² См.: Шавров, А. В. Надзор и дисциплинарная ответственность в судебном ведомстве пореформенной России (1864-1917 гг.) / А. В. Шавров // Советское государство и право. – 1985. – № 12. – С. 100.

жащего исполнения лицом, им обладающим, его обязанностей перед государством и обществом.

2.4. Иммунитет должностных лиц контролирующих и правоохранительных органов

Иммунитет омбудсмана. Самостоятельный правовой институт омбудсмана ведет свое происхождение от шведского должностного лица парламента. Он проложил себе дорогу в скандинавских странах, в государствах Содружества Наций, прочно утвердился на европейском, американском, австралийском континентах.

В России академические и гражданские дискуссии о выборе модели омбудсмана практически отсутствовали. Возможно, именно поэтому служба Уполномоченного по правам человека, предусмотренная законом об Уполномоченном по правам человека в РФ¹⁷³ (подписан Президентом РФ 27 февраля 1997 г., опубликован в Российской газете 4 марта 1997 г.), остаётся «тайной за семью печатями».

Следует отметить, что, вводя должность Уполномоченного, Россия использовала зарубежный опыт функционирования института омбудсманов. Вместе с тем, родиной омбудсманов остается Швеция. В этой стране они действуют, начиная с 1809 года. В большинстве государств мира данный институт (защитника народа, уполномоченного по правам человека) сформировался значительно позже, во второй половине XX столетия¹⁷⁴.

Термин «омбудсман» происходит от слова «ombud», что на средневековом шведском языке означает силу или авторитет. Омбудсман – это парламентский уполномоченный, призванный рассматривать жалобы граждан на злоупотреб-

---

¹⁷³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.

¹⁷⁴ Комарова, В. В. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации / В. В. Комарова // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 21.

ления чиновников. Ныне омбудсмены существуют более чем в 100 государствах¹⁷⁵.

Происходящие метаморфозы с определением этого понятия наглядно показывают, что в разных странах его понимают по-разному. Если институт омбудсмана в Швеции еще в XVI веке закрепил свое изначальное название «Уполномоченного по справедливости», то в Испании это уже «Защитник народа», в Польше - «Уполномоченный по гражданским правам», а в России – «Уполномоченный по правам человека». Думается, такие акценты в обозначении одного и того же института указывают на специфику его применения на практике в разных странах.

Степень развития современного государства указывает на возросшую экспансию управленческой деятельности во всех областях жизни людей, что делает их почти полностью зависимыми от деятельности и актов органов управления. Вследствие этого возникает необходимость в механизме, каким является омбудсмен, в обязанности которого входит рассмотрение жалоб граждан, а также защита их основных прав и свобод. Потребность в подобном институте действительно велика, особенно, если иметь в виду то, что процедура обращения к омбудсмену лишена строгих правил и высоких расходов, в отличие от обращения в суд, где процедуры продолжительны, дороги и обременены заранее жесткие рамки.

Представляется, что одним из самых сильных аргументов в пользу параллельного функционирования института омбудсманов и других «классических» средств контроля над работой органов управления служит тот факт, что только омбудсман контролирует деятельность, над которой никакой другой орган в государстве не может осуществлять контроль. В этой связи, можно сказать, что институт омбудсмана является своего рода системой сдержек и противовесов между государственными органами и гражданским обществом.

---

¹⁷⁵ Рудинский, Ф. Служба подлинного гуманизма (о проблемах деятельности российского омбудсмана) / Ф. Рудинский // Конституционное и муниципальное право. – 1999. – № 2. – С. 22.

Многочисленные ошибки в работе государственных органов, которые нельзя признать незаконными в буквальном смысле этого слова, могут нарушать права и свободы человека и одновременно подрывать завоеванное с трудом доверие граждан к органам государственного управления. Речь идет, например, о проявлении бюрократизма и формализма в худшем их проявлении, о волюнтаризме при вынесении решения, о волоките и т.д. Все перечисленное в мировом сообществе носит единое название «maladministration» (дословно переводится с английского как «плохое управление») и здесь суд не всегда в силах помочь¹⁷⁶. Такие проблемы может решить только омбудсман. Вместе с тем, следует отметить, что данный институт ни в коем случае не подменяет собой уже существующие юридические средства для защиты прав и свобод граждан; напротив, все эти средства необходимы, но обязательно должны быть подкреплены работой омбудсмана.

Понятие правового института омбудсмана не может быть определено в терминах ортодоксального конституционного права, учитывая особенности его функций, сущность, полномочия и организационное построение.

В Британской энциклопедии (1972 г.) предлагается следующая дефиниция омбудсмана: «Омбудсмен – это уполномоченный законодательного органа, призванный разбирать жалобы граждан на злоупотребления бюрократического аппарата»¹⁷⁷.

Во всемирной энциклопедии 1972 г.¹⁷⁸ содержится иное определение: «Омбудсмен» - это независимое публичное должностное лицо, которое расследует жалобы граждан на должностных лиц правительственных органов. Значительную часть его работы занимают жалобы на несправедливость или грубое обращение должностных лиц полиции, прокуроров или судей в таких делах,

---

¹⁷⁶ Павловска-Данева, А. Омбудсмен как особый вид контроля над органами управления / А. Павловска-Данева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. ПРАВО. – 2001. – № 3. – С. 106.

¹⁷⁷ Цит. по: Мелик-Дадаева, И. А. Институт омбудсмана (история, основные функции и особенности деятельности) в скандинавских странах / И. А. Мелик-Дадаева // Научная информация о состоянии преступности и борьбе с ней в капиталистических странах. – 1986. – № 94. – С. 96.

¹⁷⁸ The World Book Encyclopedia / Holbert N. Corrol. – Field Enerprise as Educational Corporation. N. Y., 1972. – P. 574.

как жилищные, о взимании налогов, об участии в выборах, о выплате благотворительных пособий.

Такая авторитетная юридическая организация, как Международная ассоциация юристов, официально определила омбудсмана следующим образом – «служба, предусмотренная конституцией или актом законодательной власти и возглавляемая *независимым* публичным должностным лицом высокого ранга, которое ответственно перед законодательной властью, получающая жалобы от пострадавших лиц на государственные органы, служащих и нанимателей, действующая по собственному усмотрению и уполномоченная проводить расследование, рекомендовать корректирующие действия и представлять доклады»¹⁷⁹.

Энциклопедический словарь «Конституция Российской Федерации» дает очень краткую трактовку: «Омбудсмен – лицо, уполномоченное парламентом осуществлять контроль за соблюдением законных прав и интересов граждан в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц»¹⁸⁰.

И, наконец, сходное определение содержит юридическая энциклопедия: «Омбудсмен (от шведского *ombudsman*) - в ряде стран специальное должностное лицо парламента, *наблюдающее* за законностью действий государственных органов и соблюдением прав и свобод граждан»¹⁸¹.

Однако, несмотря на многочисленные определения омбудсмана, содержащиеся в юридической литературе и исследованиях, термин шведского происхождения не получил широкого законодательного признания.

Многие американские штаты отвергли его как «чрезмерно экзотичный». В штате Небраска действует Публичный советник, в г. Филадельфия – Защитник по правам человека, в штате Нью-Джерси – Общественный Адвокат, в штате Айова – Помощник граждан, во Франции – Медиатор, в провинции Квебек (Канада) – Публичный защитник, в Италии – Гражданские защитники, в Авст-

---

¹⁷⁹ Бойцова, Л. В. Настоящее и будущее российского омбудсмана / Л. В. Бойцова, В. В. Бойцова // Юридический мир. – 2003. – № 3. – С. 20.

¹⁸⁰ Конституция Российской Федерации. Энциклопедический словарь / Руководитель авторского коллектива С. М. Шахрай. – М.: Научн. изд-во Больш. российск. энциклопедии, 1995. – С. 141, 142.

¹⁸¹ Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия ... – С. 287.

рии - Коллегия Народной Правозащиты. Австралийский штат Западная Австралия учредил Парламентского Уполномоченного по административным расследованиям; в Новой Зеландии функционирует Парламентский Уполномоченный (Омбудсман).

Следует отметить, что правовой институт омбудсмана является, так называемым восстановителем баланса «сил» государства и общества в области защиты гражданских прав и свобод, разрешает конфликты государственных и индивидуальных интересов. Его посредническая миссия находит отражение в титулах, присваиваемых омбудсману в различных странах – народный Защитник, Публичный защитник, Посредник. Данный институт позволяет смягчить глубинные противоречия между государством и социальной средой, он легитимирует власть исполнительных органов, а так же гарантирует ответственность администрации за свои действия перед обществом. Являясь «пограничным» институтом государства и гражданского общества, омбудсман, тем не менее, акцентирован на защите индивидуальных, а не государственных интересов.

В настоящее время все омбудсмановские службы мира – это скорее «магистратура убеждения», поскольку они используют «оружие» гласности, критики и морального авторитета. Омбудсман одерживает победы тогда, когда в состоянии убедить своими доводами и оказать морально-психологическое воздействие на администрацию.

Несмотря на различия в определении омбудсмана в разных странах мира главным и обязательным является то, что он может корректировать работу государственных органов, не применяя при этом принудительные или репрессивные меры, а используя свой авторитет. Возникает вопрос: на чем же основан такой авторитет? Ответ на него можно найти в анализе основных свойств, без которых указанный институт не может существовать и, более того, реализовать свои цели. К числу этих свойств следует, во-первых, отнести независимость от законодательной, исполнительной и судебной власти и, во-вторых, политическую нейтральность. Последняя означает ситуацию, при которой личность способна справиться с налагаемыми занимаемой должностью обязанностями и

в то же время обладать иммунитетом к давлению со стороны каких бы то ни было политических течений в обществе.

Исследования, посвященные деятельности омбудсманов в странах, которые первыми ввели данный институт в свои правовые системы (имеются в виду Скандинавские страны), свидетельствуют о том, что, начиная с 60-х годов XX в. и до наших дней многие государства проявляют исключительно большой интерес к формированию собственных омбудсманов или подобных институтов с другими названиями, пытаясь при этом приспособить их работу к своим общественно-экономическим условиям.

В России проблема роли и правового статуса Уполномоченного по правам человека и гражданина остается, к сожалению, недостаточно исследованной.

Впервые в Российской Федерации идея учреждения института Уполномоченного по правам человека получила юридическое выражение в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой 22 ноября 1991 г. Верховным Советом РСФСР. Статья 40 Декларации предусматривала создание должности парламентского уполномоченного по правам человека, который «назначается Верховным Советом на срок 5 лет, ему подотчетен и обладает той же неприкосновенностью, что и народный депутат РСФСР». Постановление о введении Декларации в действие возлагало на соответствующие комитеты Верховного совета подготовку проекта закона, который должен был определить компетенцию Парламентского уполномоченного. Однако в то время закон принят не был.

При подготовке проектов Конституции России в первоначальных вариантах народный защитник именовался Государственным комиссаром Верховного Совета РФ по правам человека, в последующих – Парламентский уполномоченный по правам человека, Уполномоченным Верховного Совета РСФСР по правам человека.

Общеизвестно, что должность Уполномоченного по правам человека учреждена Конституцией Российской Федерации 1993 г. П. «д» ч. 1 ст. 103 Конституции относит к ведению Государственной Думы назначение и освобожде-

ние от должности Уполномоченного, действующего в соответствии с Федеральным конституционным законом от 4 марта 1997 г. «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (далее сокращённо – ФКЗ от 4 марта 1997 г.).

Он определил статус Уполномоченного, его компетенцию, порядок назначения и освобождения от должности, реализовав тем самым требования ст. 103 Конституции РФ. ФКЗ от 4 марта 1997 г. установил, что Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам.

Должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами и государственными служащими. Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации наделён достаточно широким кругом иммунитетов и привилегий, имеющих уголовно-процессуальное значение.

Как уже отмечалось выше, статья 447 УПК РФ содержит перечень категорий лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. А пункт 4 части 1 данной статьи говорит об Уполномоченном по правам человека, в отношении которого применяются требования главы 52 УПК РФ при производстве по уголовному делу.

Иммунитеты и привилегии, которыми наделён Уполномоченный по правам человека ФКЗ от 4 марта 1997 г. и УПК РФ, можно охарактеризовать следующим образом:

1. Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчётен каким-либо государственным органам и должностным лицам (ст. 2).

2. Введение режима чрезвычайного или военного положения на всей территории Российской Федерации либо на её части не прекращает и не приостанавливает деятельности Уполномоченного и не влечёт ограничения его компетенции (ст. 4).

3. Уполномоченный обладает неприкосновенностью в течение всего срока его полномочий. Он не может быть без согласия Государственной Думы привлечён к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, задержан, арестован, подвергнут обыску, за исключением случаев задержания на месте преступления, а также подвергнут личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц. Неприкосновенность Уполномоченного распространяется на его жилое и служебное помещения, багаж, личное и служебные транспортные средства, переписку, используемые им средства связи, а также на принадлежащие ему документы (ч. 1 ст. 12).

4. В случае задержания Уполномоченного на месте преступления должностное лицо, производшее задержание, незамедлительно уведомляет об этом Государственную Думу, которая должна принять решение о даче согласия на дальнейшее применение этой процессуальной меры. При неполучении в течение 24 часов согласия Государственной Думы на задержание Уполномоченный должен быть немедленно освобождён (ч. 2 ст. 12).

5. Возбуждение уголовного дела, применение мер пресечения и производство отдельных следственных действий в отношении Уполномоченного по правам человека в РФ осуществляется в соответствии с требованиями Главы 52 УПК РФ. Решение о возбуждении уголовного дела в отношении Уполномоченного принимается Председателем Следственного комитета РФ (ч. 1 п. 7 ст. 448 УПК РФ).

6. Наличие свидетельского иммунитета. Согласно ч. 2 ст. 24 ФКЗ от 4 марта 1997 г., если Уполномоченного привлекают для дачи свидетельских показаний по уголовному или гражданскому делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением им своих обязанностей по защите прав и законных интересов граждан, он вправе отказаться от дачи этих показаний. Анализ ст. 24 ФКЗ от 4 марта 1997 г. позволяет предложить введение абсолютного запрета на допрос омбудсмана в качестве свидетеля в уголовно-процессуальное законодательство, дополнив ч. 3 ст. 56 УПК РФ п. 6, следующего содержания: не подлежат допросу в качестве свидетелей ... «Уполномоченный по правам человека – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением своих полномочий».

Другая проблема – свидетельский иммунитет регионального Уполномоченного. В отсутствие необходимого регулирования на федеральном уровне, стремясь создать действенную службу защиты прав человека в своих регионах, субъекты Федерации в большинстве случаев самостоятельно ввели соответствующие нормы в свои законы. Так, свидетельский иммунитет Уполномоченного прописан в законах Республики Саха, Свердловской области, положении об Уполномоченном по правам человека правительства Республики Татарстан и др. Хотя это свидетельствует о понимании субъектами Федерации значимости должности регионального Уполномоченного, субъект Федерации не вправе определять порядок деятельности федеральных органов, в том числе устанавливать их обязанности, а также осуществлять процессуальное регулирование в части свидетельского иммунитета Уполномоченного и его права на ознакомление с делами, рассмотренными судом¹⁸².

Несмотря на наличие вполне понятной и легко разрешимой проблемы, и Правительство, и профильный Комитет Госдумы по государственному строительству, предложение о федеральном регулировании части компетенции регионального Уполномоченного не поддерживают.

---

¹⁸² См.: Demokratia. Ru: Аналитика: Обзор законов: Выпуск 56 // [www.demokratia.ru / analyst / reviewlaws / 2003 / 56 / page02part04.php](http://www.demokratia.ru/analyst/reviewlaws/2003/56/page02part04.php)

Уполномоченный по правам человека в субъекте Федерации не должен быть номинальной, ничего не значащей и ничего не могущей, декоративной фигурой. Следовательно, федеральный закон должен гарантировать ему определённый уровень компетенции и правовых гарантий.

Наряду с указанными недостатками хотелось бы обратить внимание на другие спорные моменты ФКЗ от 4 марта 1997 г.: существует опасность превращения омбудсмана в передаточную инстанцию, так как ФКЗ не устанавливает серьёзных барьеров обращения к Уполномоченному; в законе не получил закрепления такой общеизвестный принцип деятельности омбудсмана, как гласность и открытость правообеспечительной деятельности Уполномоченного; в статье 6, излагающей требования к Уполномоченному, указывается, что на должность Уполномоченного назначается лицо, имеющее познания в области прав и свобод человека и гражданина, опыт их защиты (не требуется ни юридического образования, ни общественного авторитета: достаточно лишь минимума познаний и опыта); ФКЗ не предусматривает в качестве оснований прекращения полномочий российского омбудсмана утрату доверия Государственной Думой; нарушение Уполномоченным присяги также не является основанием отстранения его от должности, что, на мой взгляд, может стимулировать безответственное отношение Уполномоченного к своим обязанностям.

Что касается Уголовно-процессуального кодекса РФ, не вполне понятна позиция законодателя по поводу исключения пункта 7 из части 1 статьи 27 УПК РФ (Основания прекращения уголовного преследования), поскольку ст. 447 УПК РФ уже наделила Уполномоченного по правам человека соответствующими процессуальными гарантиями. В первой редакции УПК РФ данная норма имела место и, думается, будет целесообразным ввести её вновь в действующее уголовно-процессуальное законодательство, изложив п. 7 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в следующей редакции: «отказ Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на привлечение к уголовной ответственности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации».

В заключении надлежит отметить, что становление института Уполномоченного по правам человека в России происходит в сложных условиях, однако, учитывая цели и задачи, характер деятельности Уполномоченного, можно с уверенностью сказать, что он будет способствовать становлению демократического правового государства в России. Вместе с тем особенности деятельности Уполномоченного по правам человека должны подкрепляться чёткой системой правовых иммунитетов и привилегий, способствующих эффективной работе российского защитника прав и свобод человека и гражданина.

И как верно заметили Л.В. Бойцова и В. В. Бойцова: «Несмотря на неоспоримые достоинства правового института омбудсмана, он никогда не станет универсальным способом защиты граждан, при помощи которого ликвидируются все недостатки работы государственных органов и должностных лиц. Служба не наделяется новыми или какими-либо экстраординарными полномочиями. Её роль заключается скорее в том, чтобы привести в движение уже имеющиеся в арсенале правообеспечительных органов средство правовой защиты»¹⁸³.

Контроль как способ государственного публичного воздействия представляет собой полномочия соответствующих органов государства наблюдать и в определённых случаях проверять состояние дел, принимать соответствующие меры в предусмотренных законом случаях¹⁸⁴.

Иммуниет Председателя Счётной палаты РФ, его заместителя и аудиторов. В Конституции Российской Федерации (ч. 5 ст. 101) предусмотрено, что для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет Федерации и Государственная Дума образуют Счётную палату, состав и порядок деятельности которой определяются федеральным законом.

Федеральный закон от 11 января 1995 г. «О Счётной палате Российской Федерации» (с последующими изменениями, внесёнными ФЗ от 23 декабря

---

¹⁸³ Бойцова, Л. В. Указ. статья. – С. 20.

¹⁸⁴ Андреев, В. Полномочия Счётной палаты Российской Федерации / В. Андреев // Российская юстиция. – 1999. – № 11. – С. 15.

2003 г. № 186-ФЗ) раскрывает конституционное назначение палаты, называет её постоянно действующим органом государственного финансового контроля, обладающим организационной и функциональной независимостью в рамках задач, определённых действующим законодательством.

Для решения основных задач Председатель Счётной палаты РФ, заместитель Председателя Счётной палаты и аудиторы наделены определёнными привилегиями и иммунитетами:

1. Отказ или уклонение должностных лиц указанных органов, предприятий, учреждений и организаций от своевременного предоставления необходимой информации или документации по требованию Счётной палаты, а также предоставление ложной информации влечёт за собой ответственность, установленную законодательством РФ (ч. 4 ст. 13 ФЗ).

2. Председатель Счётной палаты, заместитель Председателя Счётной палаты и аудиторы Счётной палаты не могут быть задержаны, арестованы, привлечены к уголовной ответственности без согласия той палаты Федерального Собрания РФ, которая их назначила на должность в Счётную палату (ч. 1 ст. 29 ФЗ).

3. Уголовное дело в отношении Председателя Счётной палаты, заместителя Председателя Счётной палаты или аудиторов Счётной палаты может быть возбуждено только по решению Председателя Следственного комитета РФ (ч. 2 ст. 29 ФЗ, п. 6 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

4. Инспектор Счётной палаты при выполнении им служебных обязанностей не может быть привлечён к уголовной ответственности без согласия Коллегии Счётной палаты (ч. 3 ст. 29 ФЗ).

5. Воздействие на должностных лиц Счётной палаты с целью воспрепятствовать исполнению ими своих служебных обязанностей либо добиться принятия решения в чью-либо пользу, насильственные действия, оскорбления, а равно клевета либо распространение искажённой информации о выполнении ими служебных обязанностей влекут ответственность, установленную законодательством РФ (ч. 4 ст. 29 ФЗ).

6. Кроме того, перечисленные должностные лица обладают гарантиями профессиональной независимости. Они могут быть досрочно освобождены от должности решением той палаты Федерального Собрания РФ, которая их назначила, лишь в определённых законом случаях.

7. Деятельность Счётной палаты не может быть приостановлена в связи с роспуском Государственной Думы (ч. 6 ст. 29 ФЗ).

Таким образом, устанавливая особые гарантии деятельности должностных лиц Счётной палаты РФ, которая является высшим и единственным постоянно действующим органом в системе парламентского контроля, законодатель обеспечивает контроль за своевременным исполнением доходных и расходных статей федерального бюджета, бюджетов федеральных внебюджетных фондов по объёмам, структуре и целевому назначению, за эффективным использованием федеральной собственности.

Иммунитет члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса. Помимо рассмотренных категорий лиц контролирующих органов, полагаю, в этом разделе исследования следует указать и на членов избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса, поскольку согласно сложившемуся федеральному законодательству об избирательном праве в Российской Федерации избирательные комиссии осуществляют контроль за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации.

Как известно, центральное место в системе российского избирательного законодательства занимает Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» 2002 года¹⁸⁵. В соответствии с этим законом принимаются законы субъектов Российской Федерации о выборах органов государственной власти субъектов Российской Федерации и выборах органов местного самоуправления.

Положения вышеназванного закона, а также иных законов, регулирующих избирательные правоотношения, и нормы уголовно-процессуального законода-

---

¹⁸⁵ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 4. – Ст. 2253.

тельства содержат ряд специальных правовых гарантий деятельности избирательных комиссий различных уровней. Система процессуальных иммунитетов членов избирательных комиссий состоит из нескольких элементов, к их числу относятся:

1. Согласно ч. 7 ст. 19 Федерального закона РФ от 31 декабря 1999 г. «О выборах Президента Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 21 марта 2002 г.) члены избирательных комиссий с правом решающего голоса на период проведения выборов не могут быть привлечены к уголовной ответственности без согласия соответствующего прокурора.

Члены избирательных комиссий с правом решающего голоса на период проведения выборов в органы местного самоуправления в соответствии с ч. 4 ст. 24 Временного положения о проведении выборов депутатов представительных органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления в субъектах Российской Федерации (утверждённое Федеральным законом РФ от 23 сентября 1996 г.)¹⁸⁶ не могут быть привлечены к уголовной ответственности без согласия прокурора субъекта РФ.

2. В силу ч. 7 ст. 20 Федерального конституционного закона РФ от 3 октября 1995 г. «О референдуме Российской Федерации» члены комиссий по проведению референдума с правом решающего голоса в период подготовки и проведения референдума не могут быть привлечены к уголовной ответственности без согласия соответствующего прокурора.

3. В пункте 12 части 1 статьи 448 УПК РФ предусмотрено, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса принимается руководителем следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ, а в отношении члена Центральной избирательной комиссии РФ с правом решающего голоса, председателя избирательной комиссии субъекта РФ – Председателем Следственного комитета РФ.

---

¹⁸⁶ См.: Российская газета. – 1996. – 4 декабря.

В связи с принятием в 2002 году нового Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» соотношение федерального и регионального законодательства перешло в принципиально новую плоскость. В соответствии с нормами данного закона субъекты Российской Федерации лишились возможности самостоятельно определять целый ряд параметров избирательной системы, в частности, органы государственной власти субъектов РФ утратили право самостоятельно определять персональный состав избирательных комиссий субъектов Федерации: два члена каждой из этих комиссий и их председатели теперь назначаются по предложению Центральной избирательной комиссии РФ. Полагая, что с одной стороны, предложенное нововведение исключит возможность местной коррупции на предстоящих выборах, с другой – увеличивает зависимость членов избирательных комиссий субъектов Федерации от центрального избирательного органа РФ. Вместе с тем региональное законодательство продолжает регулировать вопрос о наличии соответствующих иммунитетов у членов избирательных комиссий. Так, например, в соответствии со ст. 18 Закона Иркутской области от 5 мая 2003 г. «Об Избирательной комиссии Иркутской области» (принят постановлением Законодательного собрания Иркутской области от 16 апреля 2003 года № 27 / 5-ЗС) членам Избирательной комиссии области гарантируется: в соответствии с федеральным законодательством член Избирательной комиссии области с правом решающего голоса не может быть привлечён к уголовной ответственности, подвергнут административным наказаниям, налагаемым в судебном порядке, без согласия руководителя следственного органа Следственного комитета РФ области, а председатель Избирательной комиссии области – без согласия Председателя Следственного комитета РФ.

Весьма важно, что избирательное законодательство продолжает оставаться одной из наиболее динамично развивающихся частей системы российского законодательства. Происходившие в последнее время изменения в избирательном законодательстве в первую очередь были вызваны преимущественно политиче-

скими причинами, стремлением руководства страны усилить «вертикаль власти». Остаётся надеется на то, что вновь принятые положения в избирательном законодательстве сформируют со временем достойную систему правовых привилегий и иммунитетов для независимого, эффективного осуществления полномочий членами избирательных комиссий.

Иммунитет прокуроров и следователей. Переходя к рассмотрению вопроса об иммунитетах и привилегиях этой категории должностных лиц, необходимо отметить, что реализация концепции судебной реформы, новый УПК РФ коренным образом изменили положение прокуроров и следователей в уголовном судопроизводстве. Введение принципов равенства сторон, состязательности защиты и обвинения, повышения требований к достаточности и допустимости доказательств, требуют от названных субъектов профессиональных, активных и целеустремлённых действий на всех стадиях уголовного процесса. Изменение положения прокурора и следователя в уголовном судопроизводстве, на мой взгляд, должно сопровождаться совершенствованием надзорной и процессуальной деятельности, а также разработкой системы правовых гарантий деятельности этих субъектов для поиска более эффективных путей реализации соответствующих полномочий по возбуждению уголовных дел, уголовному преследованию и раскрытию преступлений. Однако следует заметить, что объём привилегий и иммунитетов, которым наделены прокуроры и следователи по сравнению с вышеперечисленными субъектами, достаточно мал. Так, в соответствии со ст. 42. Федерального закона РФ от 25 октября 1995 г. «О прокуратуре Российской Федерации» (с учётом изменений, внесённых ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 4-ФЗ):

1. Любая проверка сообщения о факте правонарушения, совершённого прокурором или следователем органов прокуратуры, возбуждение против них уголовного дела (за исключением случаев, когда прокурор или следователь застигнут при совершении преступления), производство расследования являются исключительной компетенцией Следственного комитета РФ.

2. На период расследования возбуждённого в отношении прокурора или следователя уголовного дела они отстраняются от должности. За время отстранения от должности работнику прокуратуры выплачивается денежное содержание в размере должностного оклада, доплат за классный чин и выслугу лет.

3. Не допускаются задержание, привод, личный досмотр прокурора и следователя, досмотр их вещей и используемого ими транспорта, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц, а также задержания при совершении преступления.

Необходимо указать, что иммунитеты и привилегии прокуроров и следователей носят по своей сути служебный характер, поэтому, согласно ст. 5 этого же закона:

1. Воздействие в какой-либо форме федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, средств массовой информации, их представителей, а также должностных лиц на прокурора или следователя с целью повлиять на принимаемое им решение или воспрепятствование в какой-либо форме его деятельности влечёт за собой установленную законом ответственность.

2. Прокурор и следователь не обязаны давать каких-либо объяснений по существу находящихся в их производстве дел и материалов, а также предоставлять кому бы то ни было для ознакомления иначе как в случаях и порядке, предусмотренных федеральным законодательством.

Анализируя приведённую норму закона, нельзя не отметить то, что Постановлением Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П пункт 2 настоящей статьи признан не соответствующим Конституции Российской Федерации, её статьям 24 (часть 2), 29 (часть 4), 45, 46 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3), поскольку по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, он во всех случаях приводит к отказу органами прокуратуры в предоставлении гражданину для ознакомления материалов, непосредственно затрагивающих его права и свободы, без предусмотренных законом надлежащих оснований,

связанных с содержанием указанных материалов, и препятствует тем самым судебной проверке обоснованности такого отказа.

Представляется необходимым урегулирование появившегося пробела в данной норме закона в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством. Думается, целесообразно изложить пункт 2 ст. 5 ФЗ «О прокуратуре» в следующей редакции: «Прокурор и следователь не обязаны давать каких-либо объяснений по существу находящихся в их производстве дел и материалов в соответствии со ст. ст. 37, 38, 161, 216, 217 УПК РФ, за исключением случаев прямо предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством РФ».

Что касается уголовно-процессуальных иммунитетов и привилегий следователей Федеральной службы безопасности, то они при исполнении своих служебных обязанностей не могут быть подвергнуты приводу, равно как и задержанию без специального представителя органа ФСБ либо без разрешения суда¹⁸⁷. В отношении следователей других государственных органов ст. 447 УПК РФ ликвидирует имеющийся пробел в законодательстве.

Актуальность проблемы определения процессуального положения следователя и системы гарантий его деятельности в уголовном судопроизводстве возрастает в связи с катастрофическим ростом преступности в стране и ухудшением её криминогенной характеристики.

Для того чтобы правильно определить процессуальное положение следователя и место следственного аппарата в сфере государственных органов в современных условиях, целесообразно обратиться к истории становления и совершенствования следственных органов в дореволюционном российском уголовном процессе, а также в советском уголовном процессе.

В соответствии с ч. II т. XV Свода законов Российской Империи расследование преступлений до 1860 г. осуществлялось полицией. Эта функция была возложена на следственных приставов.

---

¹⁸⁷ См.: положения п. 7 ч. 1 ст. 7 Федерального закона РФ от 3 апреля 1995 г. «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации»

В 1860 г. следствие было отделено от полиции. Согласно Указу Императора от 8 июня 1860 г. в губерниях вводились должности судебных следователей.

В соответствии с судебной реформой 1864 г. была провозглашена несменяемость следователей. Характеризуя деятельность следователей дореволюционного периода, необходимо отметить, что они обладали всем комплексом императивных полномочий в раскрытии и расследовании преступлений, в том числе и определённой независимостью при осуществлении своих обязанностей.

Важной вехой в развитии института иммунитетов в уголовном судопроизводстве, было оформление основных положений Судебной реформы в виде Устава уголовного судопроизводства (далее сокращённо – УУС), который был одобрен Указом Императора от 20 ноября 1864 г.¹⁸⁸. Так, Раздел седьмой УУС «О правах и преимуществах должностных лиц судебного ведомства» устанавливал то, что «должностные лица судебного ведомства пользуются правами и преимуществами, присвоенными всем состоящим в государственной службе» (ст. 235 УУС). «Ни судебные места, ни председательствующие в оных не входят в обсуждение действий лиц прокурорского надзора, но о неправильных или противозаконных их поступках сообщают высшим чинам сего надзора по принадлежности, или доводят до сведения Министра Юстиции» (ст. 252 УУС). Непосредственно ответственность должностных лиц судебного ведомства описывалась в Главе второй УУС (ст. ст. 261-296).

В настоящее время, в условиях осуществления правовой реформы, идёт устойчивый поиск наиболее рациональных форм производства по раскрытию и расследованию преступлений, обеспечения следователям всех систем правоохранительных органов условий для успешного осуществления возложенных на них полномочий¹⁸⁹.

---

¹⁸⁸ См.: Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X-XX веков в 9-ти томах. Т. 8. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 117-384.

¹⁸⁹ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М.: Республика, 1992. – С. 72; Расследование и прокурорский надзор за законностью деятельности следователя. – Нижний Новгород: Юрид. лит., 1994. – С. 51.

Одна из актуальных проблем теории и практики уголовного судопроизводства заключается в обеспечении процессуальной самостоятельности следователя. Проблема, связанная с процессуальной самостоятельностью следователя, при исследовании, как правило, сводится к его взаимоотношениям с прокурором. Думается, что наделение следователя реальными полномочиями и гарантиями, укрепление его процессуальной самостоятельности в совокупности с прокурорским надзором и собственно судебным контролем вполне ставит всё на свои места.

Безусловно, для решения этих вопросов необходимы давно назревшие изменения в законодательстве, но многое сделано уже сейчас.

Впервые порядок привлечения к уголовной ответственности прокуроров и следователей, учитывая процессуальный статус этих лиц, изложен в особом разделе УПК РФ (Раздел XVII). Нормы уголовно-процессуального законодательства о привлечении к уголовной ответственности специальных субъектов судопроизводства в целом направлены на создание дополнительных гарантий их неприкосновенности и независимости. Вместе с тем положительный фактор такой неприкосновенности в случае совершения ими деяния, имеющего признаки преступления, при несовершенстве норм уголовного судопроизводства приводит к отрицательным результатам (например, к невозможности возбуждения уголовного дела в отношении указанных субъектов без заключения районного суда).

Уголовно-процессуальное законодательство регулирует особый порядок возбуждения уголовных дел в отношении прокуроров и следователей, причём только названную стадию уголовного судопроизводства, поскольку далее они расследуются в обычном порядке.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении Генерального прокурора РФ принимается Председателем Следственного комитета РФ на основании заключения коллегии, состоящей из трёх судей Верховного Суда РФ, принятого по представлению Президента РФ, о наличии в действиях Генерального прокурора РФ признаков преступления.

Представление Президента РФ о наличии в действиях Генерального прокурора РФ или Председателя Следственного комитета РФ признаков преступления рассматривается в закрытом судебном заседании в десятидневный срок после поступления в суд соответствующего представления с участием Генерального прокурора РФ и Председателя Следственного комитета РФ и (или) их адвокатов на основании представленных в суд материалов. По результатам рассмотрения представления суд даёт заключение о наличии или отсутствии в действиях лица признаков преступления.

В отличие от других субъектов, указанных в ст. 448 УПК РФ, где перечисляются должностные лица и определяется порядок возбуждения уголовного дела в отношении каждого из них, возбуждение уголовного дела в отношении прокурора и следователя, в связи с последними изменениями в Уголовно-процессуальный кодекс РФ законодатель привёл в соответствие с учётом высказанных ранее мнений многих учёных-процессуалистов.

*****

Резюмируя изложенное, представляется необходимым обратить внимание на следующее:

1. Должностные лица правоохранительных и контролирующих органов наделяются различными по объёму привилегиями и иммунитетами. Бесспорно, такой подход законодателя в целом можно считать, на мой взгляд, правильным и дифференцированным в зависимости от тех полномочий, которые возлагаются на соответствующее должностное лицо.

2. Главная проблема, думается, состоит в том, что правовой иммунитет, с одной стороны, служит гарантией того, что лицо им обладающее, будет защищено от необоснованного уголовного или административного преследования. В этом и состоит основное предназначение иммунитета - обеспечительная. Ибо правовой иммунитет обеспечивает неприкосновенность, безопасность, беспристрастность, а в целом независимость его обладателей: прокуроров, следовате-

лей, Уполномоченного по правам человека, Председателя Счётной палаты РФ и её аудиторов, членов избирательных комиссий и т. д. Но, с другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что чрезмерные преграды для привлечения указанных лиц к ответственности делают зачастую невозможным соответствующее расследование, что, в свою очередь, нарушает принцип неотвратимости ответственности и не способствует формированию уважительного отношения у населения к закону и власти.

2.5. Иммунитет адвоката

Термин «адвокат» (advocator) в переводе с латинского языка означает заступник, ходатай¹⁹⁰.

Канцлер Людовика XIV Дагессо характеризовал адвокатуру следующими словами: «Сословие столь древнее, как магистратура, столь возвышенное, как добродетель, столь необходимое, как справедливость»¹⁹¹. Однако, И. Л. Петрухин замечает, что «непрофессионализм, некорректность, коррумпированные связи с представителями органов правосудия и предварительного расследования – вот лишь некоторые из широко распространённых в адвокатской среде нарушений, которые с тревогой отмечают сами представители корпорации»¹⁹². В этой связи, думается, необходимо принятие законодательных мер по повышению квалификации адвокатского корпуса, обеспечению условий, способствующих нормальному функционированию этого института. В этом направлении не мало уже сделано. Предполагается, что система правовых гарантий независимости адвокатов, закреплённая в новом Федеральном законе от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее по тексту ФЗ об адвокатуре), а также положения Уголовно-

---

¹⁹⁰ Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1986. – С. 31.

¹⁹¹ Цит. по: Смолькова, И. В. Адвокатская тайна / И. В. Смолькова // Адвокат. – 2001. – № 5. – С. 3.

¹⁹² Петрухин, И. Л. Отчёт о социологическом исследовании факторов, влияющих на деятельность адвокатов Московской Городской коллегии адвокатов / И. Л. Петрухин // Рассказывают адвокаты. – М., 2000. – С. 113.

процессуального кодекса РФ, послужит началом развития института профессиональной защиты представителей адвокатской корпорации, в которой, бесспорно, они нуждаются.

«История свободы – история процессуальных гарантий»¹⁹³. Институт правовых гарантий, закрепляющий особые процессуальные иммунитеты и привилегии адвокатов тоже прошёл своё эволюционное становление.

ФЗ об адвокатуре, УПК РФ, Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) впервые обозначили границы процессуального иммунитета деятельности адвокатов, тем самым, обеспечив относительную независимость и самостоятельность адвокатского корпуса при осуществлении своих полномочий. Положение «Об адвокатуре РСФСР»¹⁹⁴, утверждённое Законом РСФСР от 20 ноября 1980 г. содержало лишь одну норму (ст. 15) о независимости адвоката.

Действующее федеральное законодательство наделило адвоката статусом независимого представителя стороны защиты, иммунитет которого состоит из следующих элементов:

1. В целях обеспечения доступности для населения юридической помощи и содействия адвокатской деятельности органы государственной власти обеспечивают гарантии независимости адвокатуры (ч. 3 ст. 3 ФЗ). Вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются (ч. 1 ст. 18 ФЗ).

2. Институт адвокатской тайны. Согласно ч. 1 ст. 8 ФЗ адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

Наличие свидетельского иммунитета: адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого не могут быть вызваны и допрошены в качестве свидетелей об обстоятельствах, ставших им известными в связи с обращением к ним за юриди-

---

¹⁹³ См.: Wilams G One Man's freedom. – N. Y., 1962. – P. 145.

¹⁹⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1980. – № 48. – Ст. 1596.

ческой помощью или в связи с её оказанием (ч. 2 ст. 8 ФЗ; ч. 3 ст. 18 ФЗ; п. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

3. Проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения (ч. 3 ст. 8 ФЗ). Кроме того, запрещено оперативно-розыскным подразделениям привлекать адвокатов к негласному сотрудничеству (ч. 5 ст. 6 ФЗ; ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁹⁵).

4. Адвокат не может быть привлечён к уголовной ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

Уголовное преследование адвоката осуществляется с соблюдением гарантий адвокату, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (ч. 5 ст. 18 ФЗ; глава 52 УПК РФ), а именно, решение о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката принимается руководителем следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ (п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

5. Адвокат, члены его семьи и их имущество находятся под защитой государства. Органы внутренних дел обязаны принимать необходимые меры по обеспечению безопасности адвоката, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества (ч. 4. ст. 18 ФЗ).

Принятие ФЗ об адвокатуре, безусловно, является важным шагом в регулировании адвокатской деятельности на территории РФ. Между тем следует обратить внимание на его технические недочёты, которые уже вызвали ряд споров, откликов и публикаций в юридической прессе.

Серьёзное место в теории адвокатской деятельности занимает институт адвокатской тайны.

---

¹⁹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство исключает защитника подозреваемого, обвиняемого из числа свидетелей, наделяя его абсолютным иммунитетом.

Запрет допрашивать защитника об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением функции защиты, имеет, прежде всего, нравственное значение. А. Ф. Кони писал в этой связи: «Проникнут нравственным элементом закон в том случае, когда воспрещает спрашивать о сознании подсудимого своему защитнику. Между защитником и тем, кто в тревоге и тоске от грозно надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему пытаются разъяснить свою виновность или объяснить свое падение и свой, скрываемый от других, позор такими подробностями личной жизни, по отношению к которым слепая Фемида должна быть и глухою»¹⁹⁶.

В русском дореволюционном уголовно-процессуальном законодательстве адвокат именовался присяжным поверенным, что представляется, точнее, обозначает стороны правоотношения: доверитель – поверенный.

Поверенный – лицо, официально уполномоченное действовать от чье-либо имени. Присяжный же буквально означает «связанный присягой», клятвой. Выходит, присяжный поверенный – это лицо, связанное клятвой хранить тайну доверившегося ему человека и официально представляющий его права и законные интересы¹⁹⁷.

В процессуальной литературе приводятся различные правовые обоснования свидетельского иммунитета защитника.

С. И. Викторский полагал, что «исключение присяжных поверенных из числа свидетелей представляет подчинение публичного интереса интересам частного лица»¹⁹⁸.

---

¹⁹⁶ Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А. Ф. Кони. – Собрание сочинений в 8-ми т. Т. 4. – М.: Юридическая лит., 1967. – С. 102.

¹⁹⁷ Смолькова, И. В. Адвокатская тайна ... – С. 3.

¹⁹⁸ Викторский, С. И. Русский уголовный процесс. Учебное пособие / С. И. Викторский. – М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. – С. 26.

Н. Е. Павлов по данному вопросу отмечал, что «свидетельствовать против обвиняемого и одновременно защищать его противоречит элементарному здравому смыслу»¹⁹⁹.

В соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежит допросу в качестве свидетелей:

- защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с участием в производстве по уголовному делу (п. 2);
- адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи (п. 3).

Защитник не допрашивается не только об обстоятельствах данного уголовного дела, но и о любых других обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с участием в данном или во всяком другом уголовном деле.

Особые гарантии установлены для адвоката, независимо от того, является ли он по данному уголовному делу защитником, представителем потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика, либо вообще не принимает участия в данном уголовном деле. Адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля о любых обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему любых лиц за юридической помощью или в связи с ее оказанием. По смыслу ч. 1 ст. 8 ФЗ об адвокатуре являются адвокатской тайной и не подлежат разглашению, в какой бы то ни было форме сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, за исключением сведений о совершении адвокатом деяния, содержащего признаки преступления.

Весьма интересен вопрос о возможности отступления от принципа адвокатской тайны. И. Л. Петрухин допускал возможность разглашения адвокатом доверенной ему тайны лишь в одном случае – если обвиняемый сообщил адвокату о готовящемся опасном преступлении, совершение которого возможно предупредить, «например, обвиняемому известно, что в такой-то час и такую-то

---

¹⁹⁹ Павлов, Н. Е. Долг свидетеля / Н. Е. Павлов. – М.: Изд-во Сов. Россия, 1989. – С. 15.

минуту будет взорван самолет, пароход, мост или будет совершено нападение на определенных лиц или будет предпринято ограбление банка и т.п.». По его мнению, адвокат должен немедленно сообщить об этом в следственные органы или в прокуратуру и тогда он может быть допрошен в качестве свидетеля по этим фактам²⁰⁰.

Автор исследования поддерживает точку зрения И. В. Смольковой, «адвокат не может и не должен раскрывать сведения, доверительно сообщаемые ему клиентом. Адвокат не свидетель, не источник доказательств, он не дает показаний и допросу не подвергается»²⁰¹.

Представляется, сложность данного вопроса заключается в том, что в этом случае идет столкновение двух моралей: с одной стороны, интересы клиента, доверившего тайну, с другой, - жизнь людей, если речь идет о готовящемся преступлении. Но невозможно знать наверняка, совершится ли преступление, а, раскрыв тайну доверителя, адвокат нарушит его право на профессиональную защиту. Полагаю, что следует исходить из того, что адвокат в силу своих профессиональных обязанностей должен сохранять тайну, доверенную ему, и ни при каких обстоятельствах не разглашать ее.

Необходимо отметить, что следователь и суд не должны принимать в качестве доказательства показания адвоката о доверенных ему тайнах. Совмещение в одном лице функций защитника и свидетеля вообще недопустимо. Превращая себя в свидетеля, такой адвокат, в сущности, отказывается от дальнейшего ведения защиты.

Вместе с тем, существует иная позиция по поводу границ адвокатской тайны. Например, С. Н. Исанов обращает внимание на то, что «адвокатская тайна – это безусловно важная и нужная категория, но её понятие в Законе, надо полагать, неосновательно расширено, а значение некоторых её составляющих сильно преувеличено». Согласно его высказываниям, «... ни один звук в судебном

---

²⁰⁰ Петрухин, И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства / И. Л. Петрухин. – М.: Юрид. литература, 1989. – С. 51.

²⁰¹ Смолькова, И. В. Адвокатская тайна ... – С. 7.

разбирательстве не может быть произнесён адвокатом без разрешения доверителя ... Абсурд! ... При таком понимании адвокатской тайны, во-первых, адвокат вообще не сможет ничего сказать или сделать без риска быть обвинённым в нарушении тайны, а во-вторых, фактически лишается права на существование адвокатская тактика – выбор правовых инструментов для достижения поставленной доверителем цели»²⁰².

Позволю себе не согласиться со столь категоричным мнением по поводу адвокатской тайны, приведя некоторые доводы. Во-первых, необходимо учитывать практику действия института адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве. Так, Конституционный Суд Российской Федерации вынес Определение от 6 марта 2003 года²⁰³, в котором он отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цицкишвили Гиви Важевича, в связи с тем, что в жалобе оспаривалась конституционность пункта 2 части 3 статьи 56 УПК РФ. На основании названной нормы Перовский районный суд города Москвы отказал адвокатам гражданина Г. В. Цицкишвили в удовлетворении ходатайства о допросе в качестве свидетеля адвоката Т. В. Иргашевой.

По мнению заявителя, п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, как не позволяющий использовать показания защитника в качестве доказательства по делу не только в случаях, когда это связано с необходимостью соблюдения адвокатской тайны, нарушает его право на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированное статьёй 48 Конституции РФ.

Между тем, Конституционный Суд РФ установил, что данная норма направлена на защиту конфиденциальности сведений, доверенных подзащитным адвокату при выполнении им профессиональных функций. Освобождение защитника от обязанности свидетельствовать об обстоятельствах, которые стали ему известны или доверены в связи с его профессиональной деятельностью, служит обеспечению интересов обвиняемого и является гарантией беспрепят-

---

²⁰² Исанов, С. Н. О некоторых нормах законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре / С. Н. Исанов // Адвокат. – 2004. – № 11. – С. 12, 13.

²⁰³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 21. – Ст. 2060.

ственного выполнения защитником возложенных на него функций; в этом заключается смысл и предназначение указанной нормы. Такое понимание адвокатского иммунитета вытекает из правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в Определении от 6 июня 2000 года № 128-О по жалобе гражданина В. В. Паршуткина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР.

Во-вторых, считаю необходимым указать на то, что при анкетировании работников правоохранительных органов Иркутской области, в частности прокуроров и следователей, были получены небезынтересные результаты. Большинство опрошенных респондентов (80 %) отмечали, что наличие института адвокатской тайны является само собой разумеющимся явлением в уголовном судопроизводстве, поскольку одним из признаков правового государства считается введение в судопроизводство принципа состязательности сторон, устанавливающего равноправие стороны защиты и стороны обвинения. А реализация полномочий адвокатов в условиях состязательности процесса без действенного института адвокатской тайны просто немыслимо.

*****

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Конституционным является положение, гарантирующее каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48). Основной и главный механизм, обеспечивающий это право, закреплён в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». В то же время этот механизм, как было показано, недостаточно доработан и даёт сбои. При таких обстоятельствах можно сделать обоснованный вывод: гражданское общество в целом и адвокатское сообщество как его часть должны требовать усовершенствования Закона, а также уголовно-процессуальных норм, а государство обязано принять для этого все необходимые меры.

2. Обеспечение права на защиту и приведение правовых норм, регулирующих это обеспечение, в соответствие с принципами международного права, создание режима стабильности при реализации иммунитетов адвокатским корпусом, не приведёт к той ситуации, которую описывал в своей работе Л. Е. Владимиров: «Сколько потребовалось человеческих жертв, чтобы перейти из мрачных подземелий пыток и казней в светлый чертог правды и разума. Таков уж характер человеческой истории: железная пята эволюции придавливает тысячи людей к земле. Можно сказать, что каждое рациональное правило правильного суда покупалось ценою бесчисленных страданий. Оно выковывалось молотом истории, дробившей черепа и кости несчастных жертв темноты и злобы»²⁰⁴.

---

²⁰⁴ Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – Тула: Изд-во: Автограф, 2000. – С. 340.

ГЛАВА 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИММУНИТЕТЫ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ, РЕГУЛИРУЕМЫЕ НОРМАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

3.1. Общие положения

В международном праве иммунитет распространяется на глав государств, глав членов парламентов и представительств иностранных государств, а также имущество и государственные корабли за границей. Он также распространяется на представителей международных организаций, кроме того, достаточно много лиц пользуются иммунитетом вследствие специальной договорной практики. Следует признать, что правовая регламентация института иммунитета в международном праве разработана более детально, чем в других отраслях права. Связано это, прежде всего с тем, что институт иммунитета имеет большой опыт существования именно в международном праве.

Как справедливо отмечает И. П. Корякин, особое значение некоторых международно-правовых положений, касающихся непосредственного функционирования иммунитета в уголовно-процессуальном праве, их приоритетность по отношению к национальному праву делает совершенно невозможным рассмотрение института уголовно-процессуального иммунитета в отрыве от правовой теории существования иммунитета в международном праве. Однако доминанта правовых предписаний международного права в настоящем случае не означает тот факт, что институт иммунитета, имеющий международно-правовые корни в уголовно-процессуальном праве, не имеет отношения к праву уголовно-процессуальному²⁰⁵. Впервые закрепив в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (гл. 52, 53) правила его существования в уголовном судопроизводстве, законодатель, по существу, провёл правовую рецепцию настоящего института из международного в национальное право.

---

²⁰⁵ Корякин, И. П. Иммунитет в уголовном судопроизводстве ... – С. 30.

Иммунитеты, имеющие международно-правовые корни, издавна привлекали внимание учёных-процессуалистов. Их правовую природу изучал ещё А. А. Квачевский²⁰⁶. Рассматриваемая проблема остаётся актуальной и сегодня.

Решить вопрос о соотношении регламентации института иммунитета в международном и отечественном праве достаточно сложно без определения соотношения международного и национального права. В этой связи Д. Б. Левин приводит анализ трёх теорий соотношения²⁰⁷.

Первая теория называется дуалистической. Настоящая доктрина исходит из того, что международное и внутригосударственное право – это два различных правопорядка, которые не перекрещиваются друг с другом, не могут быть поставлены один над другим, а действуют совершенно обособлено и самостоятельно. Сторонники этой доктрины считают, что нормы межгосударственного права не имеют никакой силы внутри государства, а нормы внутригосударственного права в международных отношениях.

Следующая, монистическая доктрина, исходит из того, что международное и национальное право – это части единого правопорядка, но что международное право обладает более широкой сферой действия, занимает более высокое место в общей системе права, чем национальное и поэтому имеет приоритет над последним. По мнению сторонников этой доктрины, нормы международного права являются частью национального права всех государств.

Наконец, нигилистическая доктрина исходит из того, что международное право, нашедшее отражение в национальном есть ничто иное, как «внешнее государственное право» отдельных государств. Представители этой теории предполагают, что для каждого государства, как внутри страны, так и в международных отношениях, могут иметь значение только те юридические нормы, ко-

---

²⁰⁶ Квачевский, А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным Уставам 1864 г. – ч. III (вып. первый) / А. А. Квачевский. – СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1870. – С. 231.

²⁰⁷ Левин, Д. Б. Дипломатический иммунитет / Д. Б. Левин. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1949. – С. 174.

которые основываются на юридических актах государства, а вне этого, международные нормы – суть только политические или этические пожелания.

Между тем, и дуалистическая и нигилистическая концепции сходятся в том, что нормы, регулирующие дипломатический и иные виды иммунитета, основанные на межгосударственном общении, требуют того, чтобы они регулировались нормами национального права. Отметим, что большинство развитых стран фактически придерживаются именно нигилистической позиции²⁰⁸.

Интересным представляется убеждение известного правоведа А. Цорна о том, что «посольское право есть часть государственного права, в качестве международного права, обязательного для отдельных государств, его не существует»²⁰⁹. Действительно, в международном праве нет единого законодателя, и в этой связи вполне логично, что те или иные вопросы, в том числе и вопросы, связанные с соблюдением обсуждаемых видов иммунитетов, должны решаться исходя из собственного национального менталитета и воли государства, а не из предписаний, хотя и считающихся международными, но фактически рождённых правом других государств. Другими словами, государство должно иметь собственную национальную позицию по тому или иному вопросу, в том числе и по вопросу иммунитета в международном праве. Вопрос этот крайне актуален ещё и потому, что и в самой международной практике достаточно много исключających друг друга предписаний и правил.

****

Вывод.

Следует подчеркнуть, что нигилистическая концепция очень интересна, современна и аргументирована, она позволяет государству принять более значимую роль в формировании правил межнационального общения. Данная концепция не отрицает необходимость правового регулирования на международном уровне, а лишь указывает на целесообразность закрепления наиболее важ-

---

²⁰⁸ К данным странам можно отнести США, Великобританию, Германию, Испанию, Австрию.

²⁰⁹ Цит. по: Левин, Д. Б. Указ. работа. – С. 176-178.

ных правовых институтов в национальном праве, к числу которых, несомненно, относятся дипломатические и консульские иммунитеты.

3.2. Иммунитет сотрудников дипломатических представительств

Иммунитет дипломатического персонала является составной частью международных отношений и представляет собой самостоятельный правовой институт.

Справедливо отмечает А. Николаев, что «важными общепризнанными принципами современного международного права, создающими основу для привилегий и иммунитетов дипломатических представительств, являются принципы уважения государственного суверенитета и равноправия государств. Именно при соблюдении этих принципов всеми государствами мира возможно осуществление в полном объёме дипломатических привилегий и иммунитетов, которые необходимы дипломатическим представительством и их персоналу для свободного, независимого от местных властей выполнения своих функций в стране пребывания. Более того, соблюдение дипломатических иммунитетов и привилегий необходимо в целях обеспечения международного правопорядка»²¹⁰.

В современной юридической литературе встречаются различные точки зрения по поводу принадлежности института дипломатического иммунитета к отдельным отраслям права. Так, В. Г. Даев высказывается следующим образом: «... в сфере уголовного судопроизводства наиболее широкообъёмным считается дипломатический иммунитет, под которым понимается совокупность привилегий, предоставляемых дипломатическим сотрудникам иностранных государств», и что, «этот иммунитет базируется на международно-правовых принципах невмешательства во внутренние дела, межгосударственного сотрудничества и экстерриториальности»²¹¹. Указанная позиция не разделяет институт ди-

---

²¹⁰ Николаев, А. Дипломатические привилегии и иммунитеты / А. Николаев // Международная жизнь. – 1983. – № 8. – С.152.

²¹¹ Даев, В. Г. Указ. статья. – С. 48.

пломатического иммунитета на международно-правовой и уголовно-процессуальный. В юридической науке существуют иные мнения²¹².

Одним из известных авторов, который занимался исследованием статуса лиц дипломатического представительства, является Ю. Г. Дёмин. Автор упоминает не менее чем о пятнадцати теориях существования дипломатического иммунитета²¹³. Думается, следует согласиться с другими учёными, которые считают, что в современной литературе главным образом рассматриваются три теории: экстерриториальности, функциональной необходимости и представительная.²¹⁴ Можно выделить четыре основных проблемы, служащих предметом дискуссии:

1. Принадлежность института дипломатического иммунитета той или иной отрасли права.
2. Наличие оснований для делегирования иммунитетов и привилегий дипломатическому корпусу.
3. Пределы и ограничения предоставления дипломатических иммунитетов в разных странах.
4. Определённость субъекта предоставления дипломатических иммунитетов.

Предпринимались попытки объединения трёх теорий в так называемую «комбинированную», но уже изначально они были обречены на неудачу в виду существенных общих недостатков, неспособных объяснить необходимость иммунитетов там, где господствует частное начало. Ю. Г. Дёмин сформулировал идею о том, что в основе исследуемых иммунитетов и привилегий лежит «принцип суверенного равенства государств, в силу которого дипломатическое представительство как орган государства освобождается от юрисдикции государства пребывания»²¹⁵. Неприкосновенность архивов, официальной коррес-

---

²¹² Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 28-29.

²¹³ Дёмин, Ю. Г. Статус дипломатических представительств и их персонала: Учебное пособие / Ю. Г. Дёмин. – М.: Международные отношения. – 1995. – С. 21-29.

²¹⁴ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 29.

²¹⁵ Дёмин, Ю. Г. Указ. работа. – С. 30.

понденции, дипломатической почты, средств передвижения дипломатического представительства объясняется тем, что эти объекты являются собственностью аккредитуемого государства. Далее, Ю. Г. Дёмин, как представляется, справедливо предлагает именовать вышеупомянутую теорию «теория суверенного иммунитета государства», и отмечает, что иммунитетами обладают не сотрудники представительства, а аккредитуемое государство. Последнее делегирует, наделяет ими соответствующих представителей, которые пользуются этими привилегиями и иммунитетами в пределах, определяемых по общему правилу аккредитуемым государством, разумеется, при участии принимающего государства. Следует согласиться и с Ф. А. Агаевым, что «логичным развитием предложенной теории в более отдалённой перспективе явилось бы её применение для обоснования не только статуса дипломатических представителей, но и других государственных органов и служащих, находящихся на территории иностранных государств»²¹⁶.

В области уголовно-процессуальных отношений общую правовую основу дипломатических иммунитетов и привилегий составляет принцип равенства граждан перед законом и судом, другими органами уголовного судопроизводства, независимо от гражданства, национальности, рода и характера занятий, отношения к религии и других обстоятельств, принцип, исключительное начало которого составляют нормы о дипломатических и иных иммунитетах и привилегиях²¹⁷. Данные нормы-изъятия имеют своей целью создание оптимальных условий для осуществления полномочий дипломатическими представителями при участии последних в сфере уголовного судопроизводства, а также ограждения их от незаконного привлечения к ответственности и применения к ним различного рода мер процессуального принуждения. Тем самым, соответствующие иммунитеты представляют собой дополнительные процессуальные гарантии

---

²¹⁶ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф. А. Агаев. – М. – 1997. – С. 15.

²¹⁷ Якупов, Р. Х. Особенности расследования преступлений с участием иностранных граждан ... – С. 4.

законности и обоснованности вовлечения указанных граждан в сферу уголовного судопроизводства.

Дипломатический иммунитет является одним из институтов международного права, а процессуальный иммунитет дипломатических представителей является, в свою очередь, составной частью иммунитетов и привилегий дипломатического персонала. В сфере международно-правовых отношений нормы дипломатического иммунитета имеют целью создание благоприятных условий для выполнения дипломатических функций. В сфере же уголовно-процессуальных отношений эти нормы образуют правовую основу дополнительных процессуальных гарантий личной неприкосновенности дипломатических представителей и приравненных к ним иных лиц, неприкосновенности их жилища, тайны связи и т. д. Таким образом, можно согласиться с выводом о том, что «применяемые в уголовном процессе нормы дипломатического иммунитета вместе с соответствующими нормами российского уголовно-процессуального права представляют собой смешанный институт уголовно-процессуального права, подчинённый его отраслевому юридическому режиму, хотя имеющему определённое своеобразие при конкуренции норм международных договоров и собственно процессуальных норм»²¹⁸.

К сожалению, в международно-правовой доктрине отсутствует единый взгляд на понятие и терминологическое содержание дипломатических «иммунитетов» и «привилегий». Полагаю, что понятие и содержание дипломатического иммунитета по своему объёму шире, нежели чем понятие и содержание дипломатических привилегий, которые представляют собой дополнительные льготы и преимущества, направленные на улучшение условий работы дипломатических представителей и их персонала. Специфические черты данной категории вытекают также из особенностей законодательства соответствующей страны пребывания. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что на практике не встречается строгого разграничения иммунитетов и привилегий, как в международно-правовых, так и во внутригосударственных отношениях. В связи с этим, ду-

---

²¹⁸ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 12.

мается, что в дипломатический иммунитет следует включить дипломатические привилегии.

Традиционно сложившиеся нормы международного права закрепляют следующее определение дипломатического иммунитета: совокупность особых прав, характеризующих невосприимчивость к юрисдикции соответствующего государства, предоставляемых зарубежным органам внешних сношений, их главам и сотрудникам. Он предполагает неприкосновенность личности, исключаящую арест или задержание дипломатических агентов и приравненных в этом отношении других лиц, а также их освобождение от уголовной юрисдикции государства пребывания этих лиц. Непосредственное уголовно-процессуальное значение имеет лишь последний аспект этого иммунитета и, следовательно, его можно рассматривать как составную часть дипломатической неприкосновенности. Его основное содержание заключается в исключении из наиболее общего принципа действия уголовного закона в пространстве – территориального, означающего, что все лица, совершившие преступление на территории соответствующего государства, подлежат уголовной юрисдикции этого государства²¹⁹. Например, в УК Российской Федерации он выражен в ч. 1 ст. 11: «Лицо, совершившее преступление на территории РФ, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу». Вместе с тем, эта общая норма распространяется не на всех иностранных граждан, совершивших преступление на территории Российской Федерации. Так, согласно ч. 4 ст. 1 УК РФ «вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права»²²⁰.

Категория иностранных граждан, на которых распространяется дипломатический иммунитет, весьма обширна. Круг лиц, пользующихся таким иммуни-

---

²¹⁹ Лукашук, И. И. Международное право. Особенная часть / И. И. Лукашук. – М.: БЕК, 1997. – С. 48.

²²⁰ Международное право ... – С. 189.

тетом, определяется на основе взаимности Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г.²²¹, Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г.²²², многочисленными консульскими конвенциями с отдельными странами. Велика роль и внутригосударственных законодательных актов. Наиболее значимым из них является Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР 1966 года, отражающее принципы Венской конвенции²²³.

Иностранных граждан можно разделить на три категории: иностранцы, полностью подчинённые юрисдикции соответствующего государства (не обладающие иммунитетами и привилегиями – студенты, туристы, журналисты, специалисты, бизнесмены и др.); иностранные граждане, полностью освобождённые от юрисдикции государства пребывания на основе многосторонних или двусторонних соглашений с зарубежными странами (дипломаты, т. е. дипломатические агенты); другие лица: иностранцы, хотя и не обладающие какими-либо иммунитетами, но в ограниченных случаях при определённых условиях частично освобождённые от местной уголовной юрисдикции на основе сложившейся международной практики и двусторонних договоров (члены экипажей военно-морских, военно-воздушных, а также гражданских морских судов и др.).

Круг лиц, на которых не распространяется уголовно-правовая юрисдикция страны пребывания, достаточно широк (к примеру, такие привилегии и иммунитеты могут распространяться не только на членов семей указанных лиц, но и на вспомогательно-технический персонал дипломатических представительств иностранных государств) и определяется во многих международно-правовых актах. К ним относятся: Конвенция о привилегиях и иммунитетах ООН 1946 г.²²⁴, Венская конвенция о дипломатических сношениях 1963 г., Венская кон-

---

²²¹ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 18. – Ст. 221.

²²² Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов / Отв. ред. Д. Ю. Фельдман. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 64-78.

²²³ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1966. – № 22. – Ст. 387.

²²⁴ Действующее международное право. – Т. 1 ... – С. 615-620.

венция о консульских сношениях 1963 г. и факультативный протокол к ней, Конвенция о специальных миссиях 1969 г.²²⁵ и факультативный протокол к ней, Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера 1975 г.²²⁶, Конвенция о правовом статусе, привилегиях и иммунитетах межгосударственных экономических организаций, действующих в определённых областях сотрудничества²²⁷, а также многочисленные конвенции и соглашения о правовом статусе торговых представительств, заключаемых между государствами. Перечисленные правовые акты определяют круг лиц, пользующихся дипломатическим иммунитетом, вместе с тем, раскрывая уголовно-процессуальное содержание данного иммунитета.

В соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях к числу дипломатических представителей, именуемых в ней «дипломатические агенты» и обладающих иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания, относятся:

1. Глава дипломатического представительства;
2. Члены дипломатического персонала, имеющие соответствующий дипломатический ранг (ст. 1).

Согласно Конвенции, главы дипломатического представительства подразделяются на три класса: а) послов и нuncios (нuncios – постоянный дипломатический представитель римского корпуса в иностранном государстве, по рангу приравнивается к послу), аккредитуемых при представительствах государств, и других глав представительств эквивалентного ранга; б) посланников и интернuncios, аккредитуемых при главах государств; в) поверенных в делах, аккредитуемых при министрах иностранных дел (ст. 14). Исполнять обязанности главы представительства может также временный поверенный в делах (ч. 1 ст. 19) либо назначенный аккредитующим государством с согласия государства пребы-

---

²²⁵ Действующее международное право. – Т. 1 ... – С. 562-582.

²²⁶ Действующее международное право. – Т. 1 ... – С. 582-615.

²²⁷ Сборник международных договоров СССР. – М., 1984. - Вып. XXXVIII.

вания ответственным за ведение текущих административных дел представительства член его административно-технического персонала (в случаях, когда ни один дипломатический сотрудник представительства не находится в государстве пребывания) (п. 2 ст. 19).

В Положении о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР от 23 мая 1966 г.²²⁸, действующем на территории Российской Федерации (далее по тексту Положение), перечень глав дипломатических представительств сведён лишь к послам, посланникам и поверенным в делах (ст. 5 Положения). Полагаю, что ввиду прямых предписаний ст. 3 Положения, а также положений ч. 4 ст. 15 Конвенции о приоритетном применении норм международных договоров по отношению к внутреннему законодательству, в данном случае следует иметь ввиду полный перечень глав дипломатических представительств, предусмотренный Венской конвенцией о дипломатических сношениях.

Постоянные дипломатические представительства включают три категории сотрудников – дипломатический, административно-технический и обслуживающий персонал. Правовое положение, привилегии и иммунитеты каждой из этих категорий чётко определяет современное дипломатическое право.

Члены дипломатического персонала – это лица, имеющие дипломатический ранг, в том числе ранг дипломата. Согласно отечественному законодательству к ним относятся: чрезвычайные полномочные послы и посланники, а также поверенные в делах; советники, торговые представители, военные, военно-морские и воздушные атташе; первые, вторые и третьи секретари, секретари-архивисты, заместители торговых представителей, а также помощники военных, военно-морских и военно-воздушных атташе.

В силу ст. 39 Венской конвенции о дипломатических сношениях дипломатические представители, независимо от времени получения аккредитации (согласия) соответствующего государства на назначение, вручения верительных грамот,

---

²²⁸ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1996. – № 22. – Ст. 387.

фактического начала исполнения своих функциональных обязанностей, начинают пользоваться иммунитетами и привилегиями:

а) с момента вступления на территорию государства пребывания при следовании для занятия своего поста;

б) если тот или иной дипломатический агент уже находится на данной территории (например, работает в качестве члена административно-технического персонала представительства, не имеющего дипломатического ранга), с момента, когда о его назначении сообщается министерству иностранных дел.

Согласно международным конвенциям и Положению о дипломатических и консульских представительствах, лиц, обладающих иммунитетом, нельзя привлечь к уголовной, административной и гражданской ответственности, подвергнуть задержанию, аресту, допросу и другим следственным действиям. Они не обязаны давать свидетельские показания, а в случае согласия на допрос не могут быть доставлены без их согласия для этого в судебные или следственные органы. Лица, наделённые иммунитетом, не могут быть допрошены, задержаны, арестованы также в случае совершения ими преступления при проезде через территорию иностранного государства транзитом. Кроме того, неприкосновенность распространяется на помещения дипломатических и консульских представительств, находящееся там имущество, архивы, документы, почту, средства передвижения. Дипломатическая почта не подлежит ни вскрытию, ни задержанию. В резиденциях, служебных и жилых помещениях запрещено производство обысков, выемок и арестов. Доступ в них возможен только с согласия дипломатического или консульского представительства либо по их просьбе. При этом для уголовной юрисдикции не имеет значения, действовал ли дипломат при исполнении своих служебных обязанностей или в качестве частного лица.

Дипломаты не исключаются из сферы действия права и национального правопорядка страны пребывания, а освобождаются только от мер принудительного характера и санкций, предусмотренных за нарушение её законов и правил. Исключается не противоправность и наказуемость деяния, а лишь воз-

мжность привлечения к уголовной ответственности без согласия аккредитуемого государства. При наличии такого согласия указанные лица могут подлежать юрисдикции государства пребывания.

Объём предоставляемых привилегий и иммунитетов зависит от занимаемой должности в иностранном представительстве или международной организации, а также от выполнения функций на момент совершения преступления и цели пребывания в иностранном государстве (участие в правительственной или парламентской делегации, следование транзитом через территорию другой страны и т. д.).

В первую очередь иммунитетом от уголовной юрисдикции обладает «дипломатический агент» (личность дипломатического агента неприкосновенна; он не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме). Личная неприкосновенность, согласно доктрине международного права, - самый главный иммунитет, из которого вытекают все остальные иммунитеты и привилегии дипломата²²⁹.

Высказывалось немало точек зрения об абсолютном характере личной неприкосновенности дипломатов. Не является исключением и позиция А. И. Бастрыкина, который, ссылаясь на ст. 12. Положения о дипломатических и консульских представительствах утверждает, что задержание и арест «ни при каких условиях не могут производиться в отношении иностранных представителей, обладающих правом дипломатической неприкосновенности»²³⁰. Однако, другие отечественные и зарубежные юристы придерживаются иного мнения. Так, они полагают, что ограничение личной неприкосновенности правоохранительными органами государства пребывания, возможно: если такие действия совершены в порядке самозащиты, самообороны против дипломата; если такие действия совершены в целях предупреждения совершения преступления либо его пресечения; когда должностное лицо или орган уголовного судопроизвод-

---

²²⁹ Цит. по: Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 40.

²³⁰ Бастрыкин, А. И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права / А. И. Бастрыкин. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. – С. 100.

ства, производящий задержание дипломата, не знали, не могли и не обязаны были знать об официальном положении последнего²³¹.

При исполнении своих служебных обязанностей личной неприкосновенностью пользуется дипломатический курьер, который (как и дипломатический агент) также не подлежит аресту или задержанию. Иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания пользуются и члены семей дипломатического агента, если они не являются гражданами страны пребывания. Члены административно-технического персонала представительства пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания только при исполнении своих служебных обязанностей (этот ограниченный иммунитет распространяется и на членов семей указанных лиц, живущих вместе с ними, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нём постоянно). Круг лиц, относящихся к членам дипломатического персонала дипломатического представительства, применительно к отечественным условиям конкретизирован в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1966 г. «Об утверждении Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР», утверждённом Законом СССР от 3 августа 1966 г. и действующем на территории Российской Федерации (послы, посланники, советники, торговые представители и их помощники; военные, военно-морские и военно-воздушные атташе, и их помощники; первые, вторые и третьи секретари, атташе, секретари-архивисты, обслуживающий персонал и домашние работники сотрудников представительства пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции на основе взаимности, т. е. на основе двустороннего соглашения-договора с соответствующим государством)²³².

К обслуживающему персоналу представительства относятся: уборщицы, лифтеры, повара, вахтеры, садовники и пр. Указанные сотрудники, не являю-

---

²³¹ Ковалёв, А. А. Привилегии и иммунитеты в современном международном праве / А. А. Ковалёв. - М.: Изд-во «Луч», 1986. - С 16.

²³² Ведомости Верховного Совета СССР. - 1966. - № 32. - С. 701.

щиеся российскими гражданами или не проживающие в России постоянно, могут пользоваться на основе взаимности лишь иммунитетом от уголовной юрисдикции (но не личной неприкосновенностью или неприкосновенностью жилых помещений), и только в отношении действий, совершённых ими при исполнении служебных обязанностей. Проживающие вместе с ними члены их семей, а также примыкающая к обслуживающему персоналу обособленная группа домашних работников, не входящих в персонал представительства, но работающих по найму у самих сотрудников посольства (домработницы, няни и др.), иммунитетами и привилегиями не обладают (ст. 17 Положения).

К категории административно-технического персонала относятся: референты, переводчики, технические секретари, стенографистки и другой канцелярский персонал, шифровальщики, лица, обслуживающие узлы связи, счётно-бухгалтерские работники и др. Эти сотрудники не имеют дипломатических паспортов и рангов, но командированы на работу ведомствами иностранных дел и имеют право на служебный паспорт. По своему служебному положению они отличаются от первой категории, но в отношении иммунитетов современное дипломатическое и отечественное право приближают их к статусу дипломатических агентов. Согласно ст. 16 Положения, сотрудники административно-технического персонала дипломатического представительства и проживающие вместе с ними члены их семей, если эти сотрудники и члены их семей не являются российскими гражданами или не проживают в России постоянно, пользуются на основе взаимности привилегиями и иммунитетами, в том числе личной неприкосновенностью, неприкосновенностью в отношении занимаемых ими помещений, а также иммунитетом от уголовной юрисдикции.

Нельзя не отметить того, что неприкосновенны и помещения дипломатических представительств. Термин «помещения представительства» означает здания или части зданий, используемых для целей представительства, включая резиденцию главы представительства, кому бы ни принадлежало право собственности на них, включая обслуживающий данное здание или часть здания зе-

мельный участок²³³. Власти государства пребывания не могут входить в эти помещения без согласия главы представительства. Существует мнение²³⁴, что данная неприкосновенность носит абсолютный характер. В подтверждение этого, авторы ссылаются на то, что противоречащая ст. 22 Венской конвенции ст. 25 Конвенции о специальных миссиях, принятая Генеральной Ассамблеей 8 декабря 1969 г., допускавшая вступление представителей принимающего государства в помещения специальных миссий в случае пожара или другого стихийного бедствия, представляющего серьёзную угрозу общественной безопасности, когда нет возможности получить явное согласие главы специальной миссии, была заменена другим правилом. Согласно ст. 23 Конвенции о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера, была провозглашена не только абсолютная неприкосновенность помещений дипломатических представительств, но и обязательство государства их пребывания принимать все надлежащие меры для защиты помещения представительства от всякого вторжения или нанесения ущерба и для предотвращения всякого нарушения спокойствия представительства или оскорбления его достоинства.

Интерес для автора исследования представляет иная точка зрения на абсолютность неприкосновенности помещений представительства. Ф. А. Агаев и В. Н. Галузо полагают, что утверждение об абсолютной неприкосновенности помещений представительства с позиции международно-правового института возможно верно, но с точки зрения процессуального института представляется, по меньшей мере, спорным. В части 3 ст. 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях говорится о том, что эти помещения пользуются «иммунитетом от обыска» и т. п. Но всякий иммунитет – это дополнительная гарантия или средство защиты против необоснованных правоограничений, в данном случае против вторжения в эти помещения представителей власти государства пребы-

---

²³³ Дёмин, Ю. Г. Указ. работа. – С37.

²³⁴ Моджорян, Л. А. Правовое положение дипломатических представительств и их персонала / Советский ежегодник международного права. – М.: Наука, 1976. – С. 157; Курс международного права. – Т. 4 / М.: Изд-во БЕК, 1990. – С. 124.

вания, в том числе органов уголовного судопроизводства. Эта льгота предполагает получение согласия главы дипломатического представительства на производство обыска, а также выемки в помещениях, занимаемых представительством. Согласно уголовно-процессуальному законодательству такое согласие испрашивается через Министерство иностранных дел, а в ходе обыска и выемки обязательно присутствие прокурора и представителя МИД. Приведённые нормы достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что неприкосновенность помещений дипломатических представительств не может считаться абсолютной, полностью исключающей доступ в них²³⁵.

В упоминавшейся Венской конвенции о дипломатических сношениях не получил прямого разрешения вопрос об иммунитете помещений дипломатических представительств, приобретённых аккредитуемым государством в собственность, от гражданской юрисдикции по уголовным делам. Хотя определённые косвенные указания на его признание имеются. Норма, содержащаяся в п. 1 «а» ст. 31 Конвенции, предусматривает освобождение дипломатов от гражданской юрисдикции по делам о частной недвижимости, которой дипломат владеет «от имени аккредитуемого государства для целей представительства». В таких ситуациях, когда дипломат может быть лишён иммунитета от гражданской юрисдикции, это не означает, что и само представительство лишается иммунитета, защиты помещений, принадлежащих аккредитуемому государству, которое их передало в пользование представительству. Такого рода ситуации – достаточно весомый повод и аргумент для прямого обособления в Конвенции норм, посвящённых специальному субинституту иммунитета помещений дипломатического представительства от гражданской юрисдикции по уголовным, а равно гражданским делам²³⁶.

Как помещение представительства, так и средства передвижения, пользуются иммунитетом от обыска, ареста или исполнительных действий (ст. 22 Венской конвенции). Статусом дипломатических средств передвижения обла-

---

²³⁵ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 35.

²³⁶ Дёмин, Ю. Г. Указ. работа. – С. 42.

дают: автомобильные, воздушные, водные и любые другие транспортные средства, принадлежащие, арендуемые или предоставляемые для пользования дипломатическим представительствам, членам дипломатического, административно-технического и обслуживающего персонала представительств и членам их семей.

Может ли указанная неприкосновенность средств передвижения быть кем-либо ограничена? Ранее существовавшая концепция, рассматривавшая транспортные средства как часть резиденции, своего рода «движущегося дома», могла бы быть теоретическим основанием её ограничения с согласия главы дипломатического представительства (подобно статусу его помещений). После принятия Конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. эти средства стали рассматриваться в качестве «движимого имущества». Эта концепция и определяет толкование ныне неразрешённого вопроса об абсолютности или относительности неприкосновенности дипломатических средств передвижения в пользу её абсолютного характера, не знающего каких-либо ограничений²³⁷.

В настоящее время дипломатические средства передвижения, пользующиеся иммунитетами, имеют номерные знаки трёх серий: «CD» (для глав дипломатических представительств), «D» (для членов дипломатического представительства) и «T» (для членов административно-технического персонала), что является правомерным с точки зрения разных объёмов привилегий и иммунитетов, предоставляемых им в рамках института международного права. Иная картина складывается в отношении средств передвижения членов обслуживающего персонала, пользующихся вместе с членами административно-технического персонала единой серией номерных знаков – «T». Такое решение вопроса способно дезорганизовать работников правоохранительных органов, поскольку единая серия не позволяет сразу, визуально, определить, владеет ли транспортным средством лицо, обладающее иммунитетами, – сотрудник административно-технического персонала, либо владеет этим средством сотрудник обслуживающего персонала, который не обладает иммунитетами. Многие учёные пола-

---

²³⁷ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 37.

гают (и с ними следует, на мой взгляд, согласиться), что идея об упорядочении серий номерных знаков средств передвижения дипломатических представительств и их персонала заслуживает поддержки²³⁸.

Существующая неприкосновенность транспортных средств дипломатов ни в коей мере не освобождает последних от обязанности соблюдать правила дорожного движения и установленные порядки страны пребывания.

Архивы и документы дипломатического корпуса неприкосновенны, даже если они находятся за пределами помещения представительства, например, в гостинице или в транспортном средстве (ст. 24).

Жилое помещение дипломата пользуется такой же неприкосновенностью, как и помещение представительства. Однако государство пребывания вправе устанавливать свои уголовные законы, а дипломат обязан их уважать (ст. ст. 30, 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях).

Дипломатический агент может быть временно ограничен в свободе действий до установления его личности, если при нём нет соответствующих документов. Разрешено принятие мер в целях предотвращения совершения преступления дипломатом (в момент их осуществления).

Преступления, совершённые на территории дипломатического представительства, подлежат юрисдикции страны представительства, если только соответствующее правительство в конкретном случае не откажется от иммунитета виновного лица.

Логично, что и дипломатический курьер, сопровождающий дипломатическую почту, тоже имеет личную неприкосновенность. Он не может быть арестован или задержан в какой бы то ни было форме (ч. 5 ст. 27 Венской конвенции о дипломатических сношениях). Соответственно, пользуется неприкосновенностью официальная корреспонденция представительства и его дипломатическая почта. Дипломатическая почта может быть доверена командиру гражданского самолёта без включения его при этом в дипломатические курьеры (части 2, 3, 7 ст. 27 Венской конвенции о дипломатических сношениях).

---

²³⁸ См., подробнее: Дёмин, Ю. Г. Указ. работа. – С. 66-67.

Лицо, имеющее право на дипломатический иммунитет, пользуется им с момента вступления на территорию государства пребывания, независимо от оформления своего статуса. Прекращается действие иммунитета после того, как он оставляет страну (ст. 38 Венской конвенции).

В случае совершения преступления в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г. государство пребывания уведомляет аккредитуемое государство о том, что соответствующее лицо является персоной *Non grata*. При этом аккредитуемое государство должно отозвать данное лицо (или прекратить его функции в представительстве)²³⁹.

Отзыв нежелательного лица является общепринятым в практике дипломатических отношений. Вместе с тем, дипломатический иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания, не является абсолютным. Так, например, Венская конвенция 1961 г. устанавливает, что от иммунитета дипломатических агентов и других лиц от юрисдикции страны пребывания может отказаться само аккредитуемое государство, при этом чётко мотивируя свой отказ.

В дипломатической практике отказ аккредитуемого государства от иммунитета от уголовной юрисдикции своих дипломатических и других работников, обладающих таким иммунитетом, редко, но встречается. Такой отказ имел место, например, со стороны Республики Грузия в 1997 г. в отношении своего дипломата, совершившего автотранспортное преступление на территории США²⁴⁰. В этой связи полностью можно поддержать точку зрения Н. Д. Дурманова о том, что положение международного и внутреннего уголовного права об иммунитете определённой категории иностранных граждан от уголовной юрисдикции не исключают преступность и наказуемость этих лиц, и что в этих случаях речь идёт лишь о невозможности привлечения к уголовной ответственности, рассмотрения уголовного дела и осуждения виновного судом страны пребывания лица, обладающего таким иммунитетом²⁴¹. Кроме того, в соответ-

---

²³⁹ Действующее международное право. – Т. 1 ... – С. 512.

²⁴⁰ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 34.

²⁴¹ Дурманов, Н. Д. Советский уголовный закон: учебное пособие / Н. Д. Дурманов. – М.: Изд-во «Луч», 1967. – С. 233.

ствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г. иммунитет дипломатического агента и других лиц, пользующихся таким иммунитетом от юрисдикции страны пребывания, не освобождает его от юрисдикции аккредитующего государства. Между тем, как справедливо отмечает И. В. Смолькова: «Дипломатические представители, находясь в стране пребывания, не могут сами отказаться от предоставленных им представляемых государством дипломатических привилегий и иммунитетов. Поэтому согласие дипломата, а также других лиц, пользующихся привилегиями и иммунитетами, на производство в отношении их следственных действий с точки зрения международного права лишено какого-либо юридического значения»²⁴².

Как уже отмечалось выше, одной из привилегий, которой обладает дипломатический корпус в стране пребывания, является свидетельский иммунитет. В силу п. 2 ст. 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях «дипломатический агент не обязан давать показаний в качестве свидетеля». Данная правовая норма означает, что дипломат может быть приглашён органами уголовного судопроизводства на допрос в качестве свидетеля для дачи показаний через Министерство иностранных дел Российской Федерации, но он не обязан являться в судебные или следственные органы, к нему не может быть применён привод, поскольку дача свидетельских показаний является его правом, а не обязанностью, отказ от дачи показаний не влечёт для него привлечения к уголовной ответственности по этому основанию.

Анализируя дипломатические иммунитеты и привилегии, следует отметить, что данную проблему невозможно рассматривать только на основе Венской конвенции 1963 г. и двусторонних дипломатических конвенций. Вместе с тем, необходимо обратиться и к национальному отраслевому законодательству. Часть 2 статьи 3 УПК РФ закрепляет: «Процессуальные действия, предусмотренные настоящим кодексом, в отношении лиц, обладающих правом дипломатической неприкосновенности, производятся лишь по просьбе указанных лиц или с их согласия, которое испрашивается через Министерство иностранных

---

²⁴² Смолькова, И. В. Проблемы охраняемой законом тайны ... – С. 126.

дел Российской Федерации». В соответствии с данной нормой дипломатический представитель наделён правом процессуального иммунитета. Так, например, допрос его в качестве свидетеля возможен лишь по его просьбе или с его согласия, как указывалось выше. В этом случае отказ от дачи свидетельских показаний охватывается понятием свидетельский иммунитет и не влечёт уголовной ответственности. Отказ может касаться как обстоятельств, связанных с осуществляемыми официальными функциями в качестве дипломата, так и не связанных с ними, когда дипломат выступает в качестве частного лица.

По общему правилу право пользования привилегиями и иммунитетами, в том числе и свидетельским иммунитетом, прекращается при окончании возложенных на дипломата функций в тот момент, когда он оставляет страну, либо когда истекает «разумный срок» для оставления страны. Второе правило подлежит соблюдению даже в случае вооружённого конфликта между аккредитующим государством и страной пребывания.

Таким образом, дипломатические представители пользуются свидетельским иммунитетом, как правило, во время пребывания на территории принимающего государства. Вместе с тем, эти лица вправе пользоваться иммунитетом на территории третьего государства в пределах, предусмотренных ст. 40 Венской конвенции о дипломатических сношениях.

В частности, третье государство обязано предоставить дипломатическому представителю неприкосновенность и другие иммунитеты, которые могут ему потребоваться для обеспечения его проезда или возвращения, в следующих случаях:

- когда дипломатический агент проезжает через территорию третьего государства, которое выдало ему визу, если таковая необходима;
- когда дипломатический представитель на этой территории следует для занятия своего поста или возвращается на этот пост или же в свою страну.

Свидетельский иммунитет предоставляется указанным в ст. 40 Венской конвенции о дипломатических сношениях лицам и в случаях, когда их нахождение на территории третьих государств вызвано форс-мажорными обстоятель-

ствами. Объем привилегий и иммунитетов, предоставляемых дипломату в третьих государствах, может определяться и по взаимному соглашению аккредитуемого и соответственно третьего государства, если они конкретно не сформулированы в Конвенции.

Согласно нормам международного права, свидетельский иммунитет дипломатических представителей предоставляется в полном объеме лишь тем дипломатам, которые не являются гражданами государства пребывания или постоянно не проживают в нём. В противном случае дипломаты пользуются независимо от соглашения сторон «лишь иммунитетом от юрисдикции и неприкосновенностью в отношении официальных действий, совершаемых ими при выполнении своих функций» (п. 1 ст. 38 Венской конвенции о дипломатических сношениях). Следовательно, указанные дипломатические представители не пользуются свидетельским иммунитетом в части отказа от дачи показаний, если предмет этих показаний являются обстоятельства, не связанные с кругом выполняемых дипломатических функций, при этом нужно иметь в виду, что эти ограничения могут быть сняты путём предоставления в факультативном порядке «дополнительных привилегий и иммунитетов» государством пребывания по специальным соглашениям с аккредитуемым государством (ст. 38)

Свидетельским иммунитетом пользуются также лица, на которые международными договорами, соглашениями и конвенциями распространены привилегии и иммунитеты дипломатических представителей соответствующего ранга. Среди них выделяются две основные группы: в первую – входят лица, которые непосредственно и неразрывно связаны с жизнедеятельностью дипломатического представительства и его дипломатического персонала; вторую группу образуют представители и должностные лица международных организаций, а также другие лица, пользующиеся международной защитой.

Венская конвенция о дипломатических сношениях включает следующих лиц, пользующихся свидетельским иммунитетом:

1. Члены семьи главы дипломатического представительства, а также члены семьи иных лиц дипломатического персонала (ч. 1 ст. 37).

Свидетельский иммунитет распространяется лишь на тех членов семьи, которые: проживают вместе с дипломатическим представителем на территории этого государства; не являются гражданами государства пребывания. В случае смерти дипломатического представителя члены его семьи продолжают пользоваться привилегиями и иммунитетами (в том числе и свидетельским) в полном объёме «до истечения разумного срока для оставления страны пребывания» (п. 3 ст. 39).

При следовании через территорию третьих государств или во время нахождения на этой территории вместе с дипломатическим агентом, либо при следовании отдельно, чтобы присоединиться к нему или возвратиться в свою страну, членам семьи, пользующимся дипломатическими иммунитетами и привилегиями, третьим государством предоставляются те же привилегии и иммунитеты, что и самому дипломату (ч. 1 ст. 40).

2. Члены административно-технического персонала дипломатического представительства и члены их семей, живущие с ними, согласно п. 2 ст. 37 Конвенции в соответствии с принципом взаимности пользуются привилегиями и иммунитетами дипломатического представителя в полном объёме (ст. ст. 29-35), если не являются гражданами государства пребывания или постоянно не проживают в нём.

3. Дипломатические курьеры и временные дипломатические курьеры. Ст. 27 Конвенции гласит: «Дипломатический курьер, который должен быть снабжён специальным документом с указанием его статуса и числа мест, доставляющих дипломатическую почту, пользуется при исполнении своих обязанностей защитой государства пребывания, а также аккредитующего государства. Он пользуется личной неприкосновенностью и не подлежит аресту или задержанию, в какой бы то ни было форме».

При следовании дипломатического курьера через территорию третьих государств ему обязаны предоставить неприкосновенность и защиту, которую обязано предоставлять государство пребывания.

Дипломатические курьеры и временные дипломатические курьеры относятся к обслуживающему персоналу дипломатического представительства. Члены обслуживающего персонала дипломатического представительства пользуются иммунитетом в отношении действий, совершённых ими при исполнении своих обязанностей, другими словами данный иммунитет носит чисто функциональный характер, но при условии, если они не являются гражданами страны пребывания или постоянно не проживают в этой стране (п. 3 ст. 37 Конвенции).

Статья 17 упомянутого выше Положения, конкретизируя данную норму, устанавливает правило, согласно которому, иммунитеты и привилегии, предоставляемые дипломатическому персоналу, за исключением иммунитетов от уголовной юрисдикции, могут предусматриваться для лиц обслуживающего персонала всякий раз специальными соглашениями страны пребывания и аккредитующего государства на основе принципа взаимности.

В соответствии с Венской конвенцией и в силу ст. 8 Положения о торговых представительствах СССР за границей от 3 августа 1989 г.²⁴³, утверждённого Указом Президиума Верховного Совета СССР, торговые представительства иностранных государств являются составными частями посольств²⁴⁴.

Что касается личных привилегий и иммунитетов сотрудников торговых представительств, то, как предусмотрено ст. 8 Положения, торговый представитель и его заместители пользуются дипломатическими иммунитетами и привилегиями в объёме, предусмотренном международными договорами.

Другие сотрудники торговых представительств могут также пользоваться льготами и преимуществами наравне с сотрудниками соответствующего персонала посольств и миссий на основе принципа взаимности по соглашениям меж-

---

²⁴³ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1989. – №14. – Ст. 95.

²⁴⁴ Торговые представительства как органы внешних сношений были введены в практику Советским государством. Они были созданы для осуществления монополии внешней торговли. Торговые представительства являлись органами СССР, осуществляющими за границей права в области внешнеэкономической деятельности, обеспечивающими эффективность его участия в системе мировых экономических отношений. Теперь они являются органами Российской Федерации. В странах, где нет торговых представительств РФ, их функции и задачи выполняют торговые советники посольств Российской Федерации.

ду заинтересованными государствами²⁴⁵. Следовательно, такие сотрудники пользуются льготами и преимуществами только в рамках двусторонних международных соглашений (например, ч. 2, 3 ст. 3 Соглашения о правовом положении торгового представительства СССР в Эфиопии)²⁴⁶, в то время как дипломаты обладают своим иммунитетом в силу упомянутой выше Конвенции 1961 г. без подтверждения их какими либо двусторонними договорами.

Привилегии и иммунитеты, предоставляемые международным межправительственным организациям на территории России, представительствам иностранных государств при этих организациях, а также их должностным лицам, определяются соответствующими международными договорами (ст. 10 Положения).

Иммунитет от уголовной юрисдикции принимающего государства распространяется и на представителей посылающего государства в «специальной миссии» и «членов её дипломатического персонала». Под ней понимается временная миссия, представляющая государство и направляемая им в другое государство с согласия последнего для выполнения определённой задачи. Представителем посылающего государства в специальной миссии является любое лицо, которое посылающее государство наделило этим качеством.

Членами дипломатического персонала специальной миссии являются её сотрудники, имеющие статус дипломатов для целей специальной миссии. Рассматриваемый иммунитет распространяется и на членов семей представителей посылающего государства в специальной миссии и семей её дипломатического персонала, если они сопровождают таких членов специальной миссии и членов административно-технического персонала этой миссии²⁴⁷.

Правовое положение специальных миссий определяется нормами международного права и Конвенцией о специальных миссиях 1969 г., которая в основном фиксирует обычные нормы или сложившуюся практику в этой области.

---

²⁴⁵ Вельш, И. В. Указ. работа. – С. 143.

²⁴⁶ См. подробнее: Международное право в документах: Учебное пособие / Сост. Н. Т. Блатова. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 192.

²⁴⁷ Курс международного права. – Т. 4 ... – С. 133.

Практика же исходит из того, что привилегии и иммунитеты дипломатических представительств и их персонала, зафиксированные в Венской конвенции 1961 г., должны распространяться и на специальные миссии и их персонал.

Вопрос о привилегиях и иммунитетах специальных миссий регулируется и российским законодательством. В частности, ст. 29 Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР 1964 г., действующего в настоящее время, устанавливает, что представители иностранных государств, члены парламентских делегаций, члены правительственных делегаций, а также на основе принципа взаимности сотрудники делегаций иностранных государств, приезжающих в нашу страну для участия в межгосударственных переговорах, международных конференциях и совещаниях и с другими официальными поручениями, и, кроме того, члены их семей, сопровождающие указанных выше лиц, если они не являются гражданами Российской Федерации (РСФСР, СССР), пользуются всеми иммунитетами и привилегиями дипломатического персонала.

Наряду с вышеперечисленными категориями лиц иммунитетами и привилегиями обладают субъекты, пользующиеся международной защитой.

Под лицом, пользующимся международной защитой, согласно ст. 1 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г.²⁴⁸ подразумевается:

а) глава государства, в том числе каждый член соответствующего органа, выполняющего функции главы государства согласно конституции этого государства, или глава правительства, или министр иностранных дел, находящиеся в иностранном государстве, а также сопровождающие члены его семьи;

б) любой представитель или должностное лицо государства, или любое должностное лицо, или иной агент межправительственной международной организации, который во время, когда против него, его официальных помещений, его жилого помещения или его транспортных средств было совершено престу-

---

²⁴⁸ Международное право в документах / М.: Политиздат, 1982. – С. 409-412.

пление и в месте совершения такого преступления, имеет право в соответствии с международным правом на специальную защиту от любого нападения на его личность, свободу и достоинство, а также проживающие с ним члены его семьи.

Рассматриваемая Конвенция не содержит исчерпывающего перечня лиц, пользующихся международной защитой. Он существенно дополняется и детализируется отдельными конвенциями, принимаемыми в последнее время.

Иммунитетом от уголовной юрисдикции обладают и главы представительств и члены дипломатического персонала специального представительства государств в их отношениях с международными организациями так называемого универсального характера. Под ними понимаются: Организация Объединённых Наций, её специализированные учреждения, Международное агентство по атомной энергии и любые аналогичные организации, членский состав и ответственность которой носит широкий международный характер. Иммунитет предоставляется указанным лицам в отношениях представительства с любой международной организацией универсального характера и к их представительству на конференциях, созываемых такими организациями или под их руководством. Этот иммунитет распространяется и на членов семей главы представительства, живущих вместе с ним, и членов семей сотрудников дипломатического персонала представительства, живущих вместе с ними, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нём постоянно, а также на членов административно-технического персонала представительства и членов их семей (на тех же условиях).

26 июня 1945 года был принят Устав Организации Объединённых Наций²⁴⁹, в соответствии с которым иммунитетами и привилегиями наделены:

- Организация Объединённых Наций (ст. 105);
- Генеральный секретарь и персонал Секретариата ООН (ст. ст. 97, 100);

---

²⁴⁹ См.: Устав ООН и Статут Международного Суда / Под ред. А. М. Ковалёва. – М.: ИМО, 1964. – С. 315-319.

- Представители государств – членов ООН и её должностные лица (п. 2 ст. 105).

Дополняет и детализирует положения Устава ООН Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединённых Наций, в которой льготы и преимущества распространены на:

- имущество и активы ООН (раздел 2 ст. II);
- помещения, архивы и вообще все документы ООН (разделы 3 и 4 ст. II);
- Генеральный секретарь ООН, все его помощники, их жёны и несовершеннолетние дети (разделы 19 и 20 ст. V);
- представителей Членов ООН (разделы 11, 12, 14 ст. IV);
- должностные лица Объединённых Наций (разделы 18, 19, 20 ст. V);
- курьеры Членов ООН (раздел 10 ст. III);
- эксперты, находящиеся в командировке по делам Объединённых Наций (раздел 22 ст. VI).

В 1946 году принимается Статут Международного Суда, в последствии который конкретизируется в Положении о персонале Организации Объединённых Наций, принятом генеральной Ассамблеей ООН 2 февраля 1952 года²⁵⁰. И спустя 11 лет в 1963 году вступает в действие специальная Конвенция о привилегиях и иммунитетах Дунайской комиссии, согласно которой пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетами следующие категории:

- представители стран-участниц Конвенции и их заместители;
- Директор Секретариата и Рабочего аппарата Комиссии и его помощники;
- советники и эксперты стран-участниц Конвенции;
- иные должностные лица Дунайской комиссии;
- курьеры Комиссии.

Служебные помещения, имущество, фонды, активы и документы Дунайской Комиссии пользуются относительной неприкосновенностью (ст. II. I).

---

²⁵⁰ См.: Современное международное право. Сборник документов / Сост. В. К. Собакин. – М.: Международные отношения, 1964. – С. 444-450.

Ограниченным иммунитетом, заключающимся в иммунитете от личного ареста или задержания, обладают представители государств – членов Организации Объединённых Наций в главных и вспомогательных органах ООН и на конференциях, созываемых ООН, при исполнении своих служебных обязанностей и во время поездки к месту заседания и обратно. Иммунитет, заключающийся в освобождении от судебной ответственности за действия, совершённые в качестве должностных лиц, распространяется на должностных лиц международных специализированных учреждений (таких как Международная организация труда, Международная организация гражданской авиации, Международный валютный фонд, Всемирный почтовый союз и др.).

5 мая 1949 года был принят Устав Совета Европы, к которому в феврале 1996 г.²⁵¹ присоединилась и Россия, получив официальный статус Члена Совета Европы. Согласно п. «а» ст. 40 Устава Совета Европы, «Совет Европы, представители Членов и Секретариат пользуются на территории Членов такими привилегиями и иммунитетами, которые разумно необходимы для выполнения ими своих обязанностей. Эти иммунитеты включают иммунитет для всех представителей в Консультативной Ассамблее в отношении ареста и всех юридических процедур на территории всех Членов в связи с высказываниями и голосованием в ходе работы Ассамблеи, её комитетов и комиссий». Необходимо отметить, что органами Совета Европы, в соответствии со ст. 10, являются: Комитет Министров; Консультативная (Парламентская) Ассамблея; Конгресс местных и региональных властей Европы. Работу вышеперечисленных органов обеспечивает Секретариат Совета Европы.

Генеральное соглашение о привилегиях и иммунитетах Совета Европы (принятое в Париже 2 сентября 1949 г.)²⁵² выделяет следующих лиц, пользующихся иммунитетом:

---

²⁵¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 г. – № 9. – Ст. 774.

²⁵² Российская Федерация присоединилась к Генеральному соглашению в форме Федерального закона от 21 февраля 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – Ст. 775.

а) Представители в Комитете Министров при исполнении ими своих служебных обязанностей и во время поездки к месту заседания и обратно, в том числе и по окончании их полномочий (ст. 10). «Представители» включают в себя всех делегатов, их заместителей, советников, технических экспертов и секретарей делегаций (п. «в» ст. 12). Для того чтобы обеспечить независимое выполнение своих обязанностей каждый Член организации, не только не имеет право, но и обязан отказаться от иммунитета своего представителя в каждом случае, когда, по мнению Члена организации, иммунитет препятствует отправлению правосудия, и этот отказ может быть произведён без ущерба для цели, с которой иммунитет был предоставлен (ст. 11).

б) Свидетельским иммунитетом пользуются Генеральный секретарь, заместитель Генерального секретаря, его супруг (супруга) и несовершеннолетние дети (ст. 16).

Также правом пользоваться свидетельским иммунитетом обладают: 1) представители, присутствующие на совещаниях заместителей Министров; 2) другие представители, иные, чем представители при Консультативной Ассамблее, присутствующие на совещаниях, созываемых Советом Европы и проводимых в период между заседаниями Комитета Министров и заместителей Министров (п. п. «а», «в» ст. 2 Протокола № 1 к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы).

Постоянные представители Членов Совета Европы при выполнении своих обязанностей и во время поездок на совещания и с них пользуются привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми дипломатическим посланникам соответствующего ранга (ст. 4).

В Протоколе № 2 к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы (декабрь 1956 г.)²⁵³, сказано, что Члены соответствующей комиссии при исполнении своих служебных обязанностей и во время поездок к месту проведения заседаний и обратно пользуются судебно-процессуальными

---

²⁵³ Российская Федерация присоединилась к Протоколу № 2 в форме Федерального закона от 21 февраля 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – Ст. 775.

иммунитетами в отношении всего сказанного, написанного или совершённого ими в официальном качестве (п. «а» ст. 1, ст. 3).

Самостоятельной категорией иностранных граждан, обладающих частичным иммунитетом от уголовной юрисдикции, являются члены экипажей военно-морских и военно-воздушных судов армий иностранных государств, посещающих Россию на законных основаниях в рамках дружественных визитов, военных учений и по другим каналам. Юрисдикционная деятельность в отношении указанных лиц ограничена в силу сложившейся практики, поскольку считается, что военные суда обладают экстерриториальностью. Вместе с тем, возможно привлечение данных субъектов к уголовной ответственности, а равно и применение уголовно-процессуальных мер принуждения в связи с преступлениями, совершёнными ими вне судов. Иначе решаются вопросы в отношении экипажей гражданских судов. Как правило, эти лица не обладают какими-либо иммунитетами, поскольку внутренние воды, включая воды портов – составная часть государственной территории, и каждое государство вправе по своему усмотрению установить свой правовой режим.

Однако в связи с существующими устоявшимися правилами государства иногда ограничивают действие юрисдикции в отношении преступлений, совершённых на борту находящихся в их водах невоенных иностранных судов, путём заключения двусторонних иностранных соглашений по морскому судоходству, которые регламентируют территориальную сферу действия уголовного закона в период пребывания судна в иностранном порту. Такие соглашения Россия заключила с Францией, Италией, Алжиром, Грецией, Мозамбиком, Швецией, Финляндией, Мексикой и другими странами.

В национальном законодательстве единой практики применения порядка уголовного и уголовно-процессуального закона к преступлениям, совершённым на борту иностранного судна, пока не установлено. Вопрос об ответственности решается в каждом случае с учётом конкретных положений международного соглашения, имеющегося со страной принадлежности судна, или на условиях взаимности.

Объём юрисдикции в отношении преступлений, совершённых на борту невоенного судна во время нахождения его в территориальных водах, меняется в зависимости от того, делает ли судно заход во внутренние воды, выходит из них в открытое море, находится на стоянке в территориальных водах или осуществляет мирный проход, не заходя во внутренние воды и порты. Это различие вытекает из положений Женевской конвенции о территориальном море 1956 г.²⁵⁴, согласно которым в первом случае уголовная юрисдикция прибрежного государства действует в полном объёме; во втором – ограничено такими ситуациями, при которых: а) последствия преступления распространяются на прибрежное государство; капитан судна или консул страны обращаются к местным властям с просьбой о помощи; б) имеется необходимость в пресечении незаконной торговли наркотическими средствами.

Привлечение лиц, наделённых иммунитетом к уголовной ответственности и применения к ним уголовно-процессуальных мер принуждения, возможно в следующих случаях: если государство, под юрисдикцией которого они находятся, даст согласие на привлечение к уголовной и иной ответственности; если лицо, совершившее преступление, даст письменное согласие на привлечение его к уголовной и иной ответственности.

Согласно приказу Генерального прокурора от 5 мая 1997 г. «О порядке предоставления в органы прокуратуры РФ специальных донесений о чрезвычайных происшествиях, преступлениях и иной обязательной информации»²⁵⁵ о задержании, аресте, привлечении к уголовной ответственности иностранных граждан немедленно сообщается в Генеральную прокуратуру РФ. Надзирающий прокурор должен проверить законность возбуждения дела и применения мер принуждения к иностранцу, при этом прокурор исходит не только из соблюдения требований уголовно-процессуального закона, предусматривающих задержание и арест, но и разграничения статуса иностранцев на имеющих дипломатический иммунитет и не наделённых таковым. Принадлежность к граж-

---

²⁵⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 43.

²⁵⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 14. – Ст. 1352.

данству должна быть удостоверена заграничным паспортом или документом, его заменяющим.

В случае совершения преступления на территории Российской Федерации иностранным гражданином, впоследствии оказавшимся за её пределами, в соответствии со ст. 458 УПК РФ: «.... все материалы возбуждённого и расследуемого уголовного дела передаются в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, которая решает вопрос о направлении в компетентные органы иностранного государства для осуществления уголовного преследования». Также согласно нормам уголовно-процессуального законодательства Российская Федерация может направить иностранному государству запрос о выдаче ей лица для уголовного преследования или исполнения приговора на основании международного договора Российской Федерации с этим государством или письменного обязательства Генерального прокурора Российской Федерации выдавать в будущем на основе принципа взаимности этому государству лиц в соответствии с законодательством России.

Установленный порядок распространяется на: государства, с которыми Россией заключены или действуют в РФ консульские конвенции и договоры; государства, с которыми Россией заключены и действуют в РФ договоры о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам; в отношении других государств, которые при заключении международных договоров обязались соблюдать установленный настоящей инструкцией порядок извещения и посещения арестованных и задержанных граждан, как своих подданных, так и граждан России.

Расследование преступлений, совершённых лицами, наделёнными иммунитетами, производится каждой страной в соответствии с национальным судопроизводством.

Решение о прекращении таких уголовных дел оформляется путём вынесения следователем мотивированного постановления с анализом собранных по делу доказательств в отношении виновного лица. Порядок прекращения регу-

лируется соответствующими нормами международных договоров, УПК РФ или Положения о дипломатических и консульских представительствах 1966 г.

****

Выводы.

Если на территории Российской Федерации совершено преступление лицом, наделённым дипломатическим иммунитетом, то уголовное дело должно быть возбуждено по факту, а не в отношении данного лица. Этим обеспечивается неприкосновенность названных выше категорий иностранных граждан.

Законодательство России предусматривает наличие различных видов иммунитетов, которые в той или иной степени подвергались исследованиям и изучению. При анализе норм международного права актуальным остаётся вопрос об отраслевой принадлежности института дипломатического иммунитета. Пытаясь ответить на данный вопрос, необходимо учитывать особый порядок возбуждения уголовных дел в отношении указанной категории лиц, их задержания, привлечения к уголовной ответственности, а также проведения отдельных следственных действий с их участием.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что анализ положений международного права, в части функционирования иммунитета, при определении роли, понятия и содержания иммунитета в уголовно-процессуальном праве приобретает ещё большее значение, делая необходимость его урегулирования просто бесспорной. Проблема отраслевой принадлежности норм, устанавливающих иммунитеты и привилегии, имеющих международно-правовые корни в уголовном судопроизводстве, не получила надлежащего разрешения. Допуская смешение уголовно-процессуальных институтов с институтами других отраслей права, многие учёные пришли к выводу о том, что обычно рассматриваемые нормы исследуются с позиций институтов международного права, государственного права, конституционного права и др., которые плавно переходят в сферу уголовно-процессуальных отношений. А в результате большинство уго-

ловно-процессуальных иммунитетов остаётся вне поля зрения собственно уголовно-процессуального законодательства, и должным образом не регулируется. Таким образом, наличие на сегодняшний день в Уголовно-процессуальном кодексе РФ отдельных фрагментов международных норм, регулирующих иммунитеты, а в некоторых случаях полное отсутствие таковых, порождает, и будет порождать на практике трудно преодолимые препятствия при реализации права на иммунитет той или иной категорией лиц.

3.3. Иммуниет сотрудников консульских учреждений

Содержание консульских иммунитетов и привилегий обусловлено сферой их применения, социальным назначением и соответствующей правовой основой.

Консул – должностное лицо одного государства, находящееся на территории другого государства в целях защиты прав и интересов своих граждан и организаций. Его отличие от дипломатического представителя в том, что он не представляет политические интересы своей страны. В связи с этим зачастую употребляют термин «консульское учреждение», а не «представительство». Этим объясняется и то, что консульский иммунитет, по сравнению с дипломатическим, ограничен.

Особенности правового статуса консульских должностных лиц, по сравнению со статусом дипломатических работников, объясняются отличиями в назначении консульских и дипломатических представительств. Общеизвестно, что если дипломатические представительства выполняют свои функции главным образом в сфере политических межгосударственных отношений, то консульские учреждения создаются для развития экономических, правовых и других межгосударственных связей. Политические отношения при этом играют ведущую роль, что и определяет больший уровень свободы и защиты дипломатических представительств и их персонала, чем у консульских учреждений и их должностных лиц и сотрудников.

Как справедливо отмечает Ф. А. Агаев, «отличительный признак, влияющий на содержание консульских привилегий и иммунитетов, – их функциональный (служебный) характер. Эти иммунитеты распространяются лишь на такие действия консульских должностных лиц и сотрудников, которые не выходят за пределы их служебных обязанностей или официальных функций»²⁵⁶.

Консульские учреждения действуют не на всей территории аккредитуемого государства, а лишь в пределах отведённого ему консульского округа, и соответственно поддерживают постоянные контакты не с центральными органами государства пребывания, а с местными властями своего округа²⁵⁷.

Пункт 1d ст. 1 Венской конвенции 1963 г. гласит: «Консульское должностное лицо означает любое лицо, включая главу консульского учреждения, которому поручено в этом качестве выполнение консульских функций»²⁵⁸. К этой категории лиц относятся: генеральный консул, консул, вице-консул, консульский агент, проконсул и консульский стажер.

Сравнительный анализ Венской конвенции 1963 г. и двусторонних консульских конвенций показывает, что между ними есть множество различий, особенно в том, что касается иммунитетов и привилегий консульских должностных лиц. Остановимся на этих отличиях подробнее.

Венская конвенция 1963 г., предоставляя консульским должностным лицам иммунитет от юрисдикции, указывает: «Консульские должностные лица не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций» (п. 1 ст. 43). Это значит, что консульские должностные лица наделены иммунитетами, которые носят функциональный, служебный характер.

В современной международной практике служебный (функциональный) иммунитет предоставляется довольно широкому кругу лиц (консулам, военным

---

²⁵⁶ Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе ... – С. 58.

²⁵⁷ Курс международного права. – Т. 4 ... – С. 140.

²⁵⁸ Международная защита прав и свобод человека ... – С. 64.

морякам, служащим международных организаций, административно-техническому и обслуживающему персоналу посольств и др.). Предоставление служебного иммунитета означает, что лицо, пользующееся им, освобождается от уголовной, гражданской и административной юрисдикции государства пребывания в отношении действий, совершаемых при исполнении служебных обязанностей. Если же правонарушение совершено не при исполнении служебных обязанностей, данное лицо может быть привлечено к ответственности в стране пребывания, но только «на основании постановлений судебных властей, в случае совершения тяжких преступлений» (п. 1 ст. 41).

На практике нередко возникает проблема, связанная с неопределённостью понятия “действия, совершаемые при выполнении консульских функций”. И, как следствие, трудности в выяснении того, находилось ли данное лицо в момент преступления при исполнении своих служебных обязанностей. Не меньшие сложности возникают и при решении вопроса о том, кто правомочен решать эту проблему: государство пребывания или направляющее государство.

Анализ доктрины международного права, договорных и законодательных норм, правоприменительной практики ряда государств показывает отсутствие универсального решения проблемы служебного иммунитета.

Представляется, что такого решения вообще не может быть. Это объясняется, прежде всего, многообразием допускаемых правонарушений и невозможностью составить исчерпывающий перечень служебных обязанностей каждого лица, пользующегося иммунитетом. Указанные обстоятельства исключают возможность выработки конкретных критериев, позволяющих однозначно определить, исполняло ли данное лицо в момент совершения правонарушения свои служебные обязанности. Отсутствие таких критериев усугубляется возникновением неизбежного противоречия между интересами, с одной стороны, направляющего государства, которое заинтересовано в защите своих граждан, и, с другой, – государства пребывания, которое несёт ущерб от совершённого правонарушения. Таким образом, отсутствие чётких критериев и противоречия между интересами сторон препятствуют разработке универсальной процедуры

рассмотрения вопроса, а его единоличное решение той или иной стороной может быть необъективным.

На практике вопросы, связанные со служебным иммунитетом, нередко вызывают разногласия и конфликтные ситуации в отношениях между направляющим государством и страной пребывания.

Полагаю, что ориентиром в решении указанных вопросов могут служить судебные прецеденты²⁵⁹. Так, суды признавали себя некомпетентными, расценивая действия консулов как совершённые при исполнении служебных обязанностей, в следующих случаях:

- отказ консула в выдаче выездной визы (1927 г., Франция);
- направление консулом суду сертификата, удостоверяющего статус личности (1962 г., США).

Но были случаи, когда судьи выносили решения и приговоры в отношении консулов, рассматривая их действия как совершённые не при исполнении своих служебных обязанностей:

- незаконный экспорт военных самолётов (1965 г., США);
- незаконный ввоз наркотиков (1979 г., США).

Приведённые прецеденты показывают, что лицо, пользующееся служебным иммунитетом, в случае совершения уголовного преступления, как правило, привлекается к уголовной ответственности в государстве пребывания, т.е. совершение преступления почти всегда рассматривается как действие, выходящее за пределы служебных обязанностей. Обобщив практику привлечения к уголовной ответственности консульских должностных лиц, французский юрист Ш. Руссо отмечал, что «в случае совершения преступления иммунитет от уголовной юрисдикции не действует, таким образом, консул может быть арестован и, будучи приговорён, должен в принципе отбыть наказание. Сложнее обстоит дело в случае совершения проступков и иных нарушений»²⁶⁰.

---

²⁵⁹ См.: Международное публичное право: Сборник документов. – Т. 1 / М.: Изд-во БЕК, 1996. – С. 184.

²⁶⁰ Цит. По: Руднев, В. И. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве: Дисс. ... канд. юрид. наук / В. И. Руднев. – М., 1997. – С. 151.

Нерешённым является и вопрос о том, кто правомочен определять, было или не было конкретное лицо в процессе совершения правонарушения при исполнении служебных обязанностей: страна пребывания или направляющее государство? Большинство зарубежных авторов считает, что этими полномочиями должен быть наделён суд страны пребывания.

В иностранных государствах вопрос о том, находился ли носитель функционального иммунитета при исполнении служебных обязанностей, нередко решается судебными органами страны пребывания. В США данная компетенция даже закреплена законодательно.

Случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, пользующихся иммунитетом, имели место в конце 1947 г. и в начале 1948 г.²⁶¹ Например, по обвинению в шпионаже были арестованы и приговорены к длительным срокам лишения свободы секретарь, шофёр и курьер турецкого консульства в г. Батуми.

В других ситуациях при совершении консульским должностным лицом преступления Министерство иностранных дел всегда обращалось к соответствующему консульскому учреждению или дипломатическому представительству с запросом: находилось ли данное лицо в момент совершения правонарушения при исполнении служебных обязанностей. Естественно, во всех случаях, иногда даже вопреки здравому смыслу, ответ был положительным, и вопрос об уголовной ответственности снимался. Таким образом, консульское должностное лицо при исполнении своих функциональных обязанностей неприкосновенно, и государство пребывания обязано относиться к нему с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на его личность, свободу и достоинство (ст. 40). В п. 1 Венской конвенции говорится: «Консульские должностные лица не подлежат ни аресту, ни предварительному заключению, иначе как на основании постановлений компетентных судебных властей в случае совершения тяжких преступлений». Пункт 2 гласит: «За исключением случаев, указанных в п. 1 настоящей статьи, кон-

---

²⁶¹ Вельш И. В. Указ. работа. – С. 102.

сульские должностные лица не могут быть заключены в тюрьму. А также не подлежат никаким другим формам ограничений личной свободы, иначе как во исполнение судебных постановлений, вступивших в законную силу».

Если в отношении консульского должностного лица возбуждено уголовное дело, местные власти государства пребывания обязаны незамедлительно уведомить об этом главу консульского учреждения (ст. 42). У них есть право вызывать консула в компетентные органы, но при этом ему оказывается уважение, и государство пребывания не должно чинить ему препятствий в выполнении консульских функций (ст. 41, п. 3).

По-иному решается вопрос о свидетельском иммунитете в отношении консульских должностных лиц и сотрудников консульства по сравнению с дипломатическими представителями. Согласно ст. 44 Венской конвенции о консульских сношениях работники консульского учреждения могут вызываться в качестве свидетелей при производстве судебных и административных дел. Консульский служащий или работник обслуживающего персонала не вправе отказываться давать показания, за исключением случаев, когда предмет показаний не связан с исполнением им служебных обязанностей. Если консульское должностное лицо отказывается давать показания, к нему не могут применяться никакие меры принуждения или наказания. Таким образом, налицо противоречие между российским и международным законодательством, которое, на мой взгляд, следует устранить, изложив п. 2 ст. 3 УПК РФ в следующей редакции, *de lege ferenda*: «Процессуальные действия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении лиц, обладающих дипломатическими привилегиями и иммунитетами, производятся в порядке, установленном международными договорами и соглашениями».

Представляется, что предлагаемые изменения позволят привести российское уголовно-процессуальное законодательство в соответствие с международными стандартами, и будут способствовать более эффективной защите прав и законных интересов консульских должностных лиц в уголовном судопроизводстве.

Работник консульского учреждения пользуется иммунитетом с момента вступления на территорию государства пребывания, а также в период следования транзитом через третье государство.

Кроме штатных, существуют ещё и внештатные консулы, назначаемые обычно из числа авторитетных местных граждан. Почётные консулы иммунитетом от уголовной юрисдикции не пользуются.

В порядке правопреемства Россия получила около 60 консульских договоров, большая их часть предусматривает распространение на консула дипломатического иммунитета в большем или меньшем объёме, вплоть до полного. Так, согласно Консульской конвенции с Польшей 1971 г.²⁶² «личность консульского должностного лица и сотрудника консульства неприкосновенна. Они не подлежат аресту, или задержанию в какой бы то ни было форме» (ст. 14). Консульская конвенция с США 1964 г. предоставляет должностным лицам и сотрудникам консульских учреждений иммунитет в отношении уголовной, но не гражданской юрисдикции (ст. 19)²⁶³. В Уставе Совета Европы 1949 г. сказано, что представители государств-членов в Совете Европы «пользуются на территории членов такими привилегиями и иммунитетами, которые разумно необходимы для выполнения ими своих обязанностей. Эти иммунитеты включают иммунитет для всех представителей в Консультативной Ассамблее в отношении всех юридических процедур на территории всех членов в связи с высказываниями и голосованием в ходе работы Ассамблеи, её комитетов и комиссий»²⁶⁴.

Ещё одна проблема, которая вытекает из привилегий и иммунитетов, не достаточно разрешена, как на теоретическом, так и на практическом уровне. Речь идёт о неприкосновенности личности консульских должностных лиц.

По конвенциям с большинством западных стран неприкосновенность личности имеет ограниченный характер: консульское должностное лицо может быть арестовано и взято под стражу в порядке предварительного заключения в

---

²⁶² Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1515.

²⁶³ См. Международное публичное право: Сб. документов. – Т. 1 ... – С. 184.

²⁶⁴ Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2003. – С. 18 - 19.

случае совершения тяжкого преступления. Большинство консульских конвенций относит к «тяжким преступлениям» такие, которые в соответствии с национальным законодательством государства пребывания влекут за собой тюремное заключение сроком не менее 5 лет или более серьёзное наказание. Такое определение не совпадало с нормами советского уголовного права. В современном российском законодательстве отмеченное несоответствие устранено (см.: ст. 15 УК РФ)), а за другие преступления может быть лишено свободы только на основании вступившего в силу приговора суда (Италия, Франция, Норвегия, Швеция).

В случае возбуждения против консульского должностного лица уголовного дела оно обязано явиться в компетентные органы по вызову. При аресте или предварительном заключении членов консульского персонала или возбуждения против них уголовного дела через дипломатические каналы об этом незамедлительно уведомляется МИД.

Рассматривая статус неприкосновенности консульских должностных лиц, следует отметить, что в Венской конвенции 1963 г., ничего не сказано о правовом положении их жилища и частной резиденции главы консульского учреждения. Некоторые страны пошли аналогичным путём (Австрия, Литва, Беларусь и др.). Это говорит о том, что согласно соответствующим документам резиденции глав консульств и жилища консульских должностных лиц этих стран не наделены иммунитетом неприкосновенности.

Но большинство конвенций, так или иначе, регулируют этот вопрос. Например, статусом неприкосновенности наделяются жилые помещения только главы консульства (Швеции – ст. 13, п. 2; Норвегии – ст. 10, п. 2) или резиденция главы консульского учреждения (США – ст. 17, п. 1; Италии – ст. 24, п. 2). Что касается распространения иммунитета неприкосновенности на жилые помещения всех консульских должностных лиц, то это отражено в консульских конвенциях России с Польшей (ст.15, п. 2), Великобританией²⁶⁵ (ст. 14, п. 2),

---

²⁶⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1968. – № 41. – Ст. 370.

Японией²⁶⁶ (ст. 15), и другими странами. Своеобразно трактуется статус неприкосновенности жилых помещений консульских должностных лиц Финляндии и ФРГ. В частности, в Конвенции России с Финляндией²⁶⁷ сказано: «.... В жилых помещениях консульских должностных лиц власти страны пребывания не могут предпринимать каких-либо принудительных мер без согласия консула» (ст. 14, п. 4). В связи с этим возникает простой вопрос: а входить в помещение можно? Если да, то, при каких обстоятельствах? На этот счёт никаких запретов и разъяснений в документе нет.

Ещё более интересная формулировка дана в Конвенции России с ФРГ²⁶⁸: «...в жилых личных помещениях консула власти государства пребывания не будут осуществлять никаких мер принудительного характера». Такая формулировка больше похожа на джентльменское соглашение и не несёт в себе никаких запретов.

Помимо этих проблем конвенции регулируют вопросы приобретения жилых помещений для консульских должностных лиц. По данному поводу в них говорится, что представляемое государство имеет право от своего имени или через любое уполномоченное им физическое или юридическое лицо в соответствии с законами и правилами государства пребывания и с согласия этого государства приобретать в собственность, получать в пользование, арендовать или вступать во владение в любой другой форме.

Практически во всех двусторонних конвенциях содержится правило неприкосновенности архивов, документов и официальной переписки консульского учреждения, которое носит абсолютный характер. Однако в некоторых конвенциях предусмотрена оговорка о том, что «неслужебные бумаги не должны храниться в консульском архиве»²⁶⁹. Данная оговорка влияет на деятельность органов предварительного расследования и даёт право производить обыски, выемки, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, изъятие бу-

---

²⁶⁶ Международные документы / М.: Международные отношения, 1969. – С. 227.

²⁶⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1966. – № 51. – Ст. 1042.

²⁶⁸ Действующее международное право. – Т. 1 ... – С. 153.

²⁶⁹ См., например: ст. 16 Конвенции между СССР и Японией от 26 июля 1966 г.

маг, которые вызывают подозрения у соответствующих органов и должностных лиц, на основании и в порядке, предусмотренном ст. ст. 96-99 УПК РФ.

Консульские конвенции, говоря об иммунитете от юрисдикции страны пребывания, допускают и целый ряд изъятий из иммунитетов, например, консульское должностное лицо может быть подвергнуто аресту или предварительному заключению, если:

- совершило тяжкое уголовное преступление;
- по этому случаю есть постановление компетентных судебных органов (ст. 41 Конвенция 1963 г.).

Консульское право констатирует, что представляемое государство может отказаться от привилегий и иммунитетов, но этот отказ должен быть определённо выражен и о нём должно быть сообщено государству пребывания в письменной форме. Причём отказ от иммунитета от юрисдикции в отношении гражданского или административного дела не означает отказа от иммунитета от исполнительных действий, являющихся результатом судебного решения. В отношении таких действий необходим отдельный отказ (ст. 45 Конвенции).

Практически во всех договорах сказано, что государство пребывания относится к консульским должностным лицам с уважением и принимает все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на их личность, свободу и достоинство. Эта защита распространяется и на членов их семей (ст. 40 Конвенции).

Следует отметить, что в большинстве конвенций данное положение оговаривается как, не относящееся к консульским должностным лицам, которые являются гражданами страны пребывания или имеют в этой стране статус иностранца. Но есть и конвенции, в которых подобная оговорка отсутствует, например, в Конвенции с Польшей. Таким образом, принадлежность к гражданству может влиять на иммунитеты и привилегии этой категории лиц.

На практике правоохранительные органы страны пребывания могут столкнуться и с таким вопросом: может ли консульское лицо выступать в качестве свидетеля? Да. Это регулируется ст. 40 Венской конвенции 1963 г. Консульские

должностные лица могут вызываться в качестве свидетелей при производстве судебных или административных дел.

Вместе с тем, если лицо всё же отказывается от дачи показаний, к нему не могут применяться никакие меры принуждения или наказания (п. 1 ст. 44). Орган, которому требуется показание консульского должностного лица, должен избегать причинения помех выполнению этим лицом своих функций.

Эта норма позволяет консулу, в случае согласия, давать свидетельские показания в любом месте и в любой форме: в органах внутренних дел, дома, в консульском учреждении, письменно или устно.

При этом консульские должностные лица не обязаны давать показания по вопросам, связанным с выполнением ими своих функций, или представлять относящуюся к их функциям официальную корреспонденцию и документы. Они также не обязаны давать показания, разъясняющие законодательство представляемого государства (п. 3 ст. 44).

Другими словами, эта статья, с одной стороны, как бы обязывает консула давать свидетельские показания, за исключением определённых случаев, а с другой – даёт ему возможность отказаться от дачи свидетельских показаний, вроде бы создавая противоречие. Но представляется, что это «противоречие» выражает уважение суверенитета аккредитуемого государства и страны пребывания и не может отрицательно сказаться на консульских отношениях.

Статья 53 Конвенции определяет начало и конец консульских иммунитетов и привилегий. В ней сказано, что привилегии и иммунитеты, предусмотренные Конвенцией, начинают действовать в отношении консульского должностного лица с момента его вступления на территорию государства пребывания или, если оно находится на этой территории, с момента, когда оно приступило к выполнению своих обязанностей в консульском учреждении.

Привилегии и иммунитеты консульских должностных лиц прекращаются с того момента, когда они покидают территорию данного государства, или по истечении разумного срока, который достаточен для того, чтобы покинуть территорию страны пребывания.

В отношении членов семей привилегии и иммунитеты прекращаются в тот момент, когда они покидают территорию страны, или с того момента, когда они перестают быть членами семьи консульского должностного лица.

Штатным консульским должностным лицам запрещается заниматься в стране пребывания какой-либо профессиональной или коммерческой деятельностью с целью получения личных доходов. Это приводит к изъятию иммунитетов у данного лица (ст. 57).

Таким образом, следует подчеркнуть, что личные привилегии и иммунитеты для консульских должностных лиц каждого отдельного государства могут быть дополнены специальными соглашениями с иностранными государствами на основе принципа взаимности. Объем и порядок применения дополнительных льгот и преимуществ, предоставляемых членам дипломатического корпуса, должны соответствовать существующим консульским соглашениям.

****

В результате рассмотрения вышеуказанных проблем приходим к следующим выводам:

1. Личные иммунитеты и привилегии консульских должностных лиц невозможно рассматривать лишь на основе Венской конвенции 1963 г., а следует учитывать соответствующие двусторонние конвенции, которые уточняют специфику исключительных норм в зависимости от особенностей отраслевого законодательства.

2. Возникшее противоречие между российским и международным законодательством, на мой взгляд, следует устранить, изложив п. 2 ст. 3 УПК РФ в следующей редакции: «Процессуальные действия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении лиц, обладающих дипломатическими привилегиями и иммунитетами, производятся в порядке, установленном международными договорами и соглашениями».

3. Консульские должностные лица, как правило, наделяются служебным (функциональным) иммунитетом, а универсального подхода к данной пробле-

ме не существует. В связи с этим, на практике решение указанных вопросов вызывает разногласия и конфликтные ситуации между направляющим государством и страной пребывания, что нежелательно в международных отношениях.

4. Международные документы, конвенции, соглашения показывают, что может существовать широкое разнообразие в предоставлении иммунитетов и привилегий консульским должностным лицам разных стран.

5. Принцип наделения консульских должностных лиц привилегиями и иммунитетами обуславливает статус данной категории, согласно которому, они не подлежат уголовной ответственности или гражданской юрисдикции, за деяния, совершённые при исполнении служебных обязанностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование правового института процессуального иммунитета, действующего в современном российском уголовном судопроизводстве, истории его возникновения и развития, теоретических воззрений на его социальное и правовое содержание, а также правоприменительной практики позволяет сформулировать следующие выводы, предложения и рекомендации:

1. Действующее российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит определения иммунитета. В этой связи в целях усовершенствования уголовно-процессуального законодательства, необходимо ввести понятие «уголовно-процессуальный иммунитет» в ст. 5 УПК РФ, означающее дополнительные гарантии неприкосновенности и ответственности, связанные с усложнением порядка производства следственных и процессуальных действий в отношении категории лиц, указанной в ст. 447 УПК РФ.

2. Освобождение лиц, обладающих иммунитетом от уголовной ответственности, обусловлено их особым юридическим статусом (дипломат, консул, свидетель и т. д.) и происходит с соблюдением ряда процессуальных формальностей, установленных в международном, конституционном, уголовно-процессуальном и уголовном праве.

3. Институт уголовно-процессуального иммунитета, представляет собой одну из главных составляющих процессуальных гарантий, призванных, наряду с другими институтами, обеспечивать в уголовном судопроизводстве права и свободы определённых субъектов, выполняющих особые должностные функции.

4. Международное договорное право, внутреннее законодательство России, теория уголовного процесса, строгого разграничения между понятиями «льгота», «привилегия», «иммунитет» не проводят. Вместе с тем, наряду с общими признаками, характерными как для льготы, привилегии и иммунитета, имеются специфические, свидетельствующие о самостоятельной природе иммунитетов, позволяющие их выделить в отдельную правовую категорию:

- понятие «иммунитет» по своему объему и содержанию уже, чем понятие «льгота», так как распространяется на определённую группу субъектов, в то время как льготы направлены на достаточно широкий круг субъектов (большинство граждан);

- если привилегии в большей степени воплощаются в преимуществах, так называемых положительных льготах, то иммунитеты, наоборот, проявляются в виде «отрицательных» льгот; применительно к уголовно-процессуальному законодательству понятие «иммунитет» понимается как освобождение от выполнения процессуальных обязанностей и ответственности (право не привлекаться к уголовной ответственности, не давать показаний и т. п.); «отрицательность» иммунитета – его специфическая черта, позволяющая ему определённым образом достигать поставленных целей;

- конечной целью иммунитета является обеспечение эффективного выполнения официальных профессиональных функций определёнными субъектами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общим правовым признаком всех уголовно-процессуальных иммунитетов является их регулирование исключительными нормами, поскольку их действие распространяется только на тех субъектов, которые прямо предусмотрены соответствующими положениями в законе, и только в том объёме, в котором они представлены в международном или внутригосударственном законодательстве.

5. Целесообразно ввести в ст. 3 УПК РФ ч. 3 следующего содержания: «Иммунитеты, предоставляемые международными актами и российским законодательством не освобождают лиц, обладающих ими, от уголовной ответственности и производства в отношении них процессуальных действий. Иммунитеты представляют собой дополнительные гарантии в сфере уголовного судопроизводства от неправомерного применения мер процессуального принуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности в связи с выполняемыми должностными полномочиями». Следует также дополнить ст. 91 УПК РФ ч. 3 следующего содержания: «Задержание лиц, обладающих дипломатической, депутатской, судейской и иной неприкосновенностью, предусмотренной

международно-правовыми актами или федеральным законодательством, допускается лишь после лишения этих лиц соответствующего иммунитета в установленном законом порядке».

6. Проанализировав нормы Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства РФ (ныне действующие и предыдущие), федеральные конституционные законы и федеральные законы РФ, а также международные конвенции, соглашения и многочисленные международные договоры, содержащие правовые нормы о привилегиях и иммунитетах, автор исследования выделяет следующие виды иммунитетов: дипломатический и консульский иммунитет; иммунитет главы государства; парламентский иммунитет (т. к. термин «депутатская неприкосновенность» охватывает лишь часть привилегий – особые гарантии при задержании, а не охватывает иммунитет от привлечения к уголовной ответственности, или, например, особенности допроса или обыска); иммунитет судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов (Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудиторы; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; прокуроры; следователи; члены избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса); иммунитет адвоката; свидетельский иммунитет.

По способу законодательного закрепления процессуальные иммунитеты можно разделить на предусмотренные в международном праве (например, дипломатический, консульский) и установленные во внутригосударственном законодательстве (Президента РФ, экс-Президента РФ, судей, депутатов и др.).

7. Являясь составной частью некоторых уголовно-процессуальных иммунитетов, свидетельский иммунитет в то же время, представляет, безусловно, самостоятельный уголовно-процессуальный институт, поскольку при лишении определённого иммунитета, предоставляемого в силу должностного положения или выполнения служебных обязанностей, за гражданином сохраняется свидетельский иммунитет частного лица, например, когда гражданин является родственником обвиняемого (иммунитет против самообвинения). В этой связи ав-

тор придерживается мнения о том, что данный вид процессуального иммунитета является предметом отдельного исследования в качестве самостоятельного правового института уголовно-процессуального права.

8. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве закреплена новая глава 52 УПК РФ, регламентирующая усложнённый порядок судопроизводства в отношении группы субъектов. Перечень этих лиц чётко определён в уголовно-процессуальном законе и не подлежит расширительному толкованию. Кроме того, на уровне федерального закона прописана процедура возбуждения уголовного дела, привлечения к уголовной ответственности, применения мер процессуального принуждения в отношении лиц, чью деятельность законодатель решил гарантировать от любых необоснованных действий. Тем не менее, автор исследования полагает, что реализация предложений об установлении новых уголовно-процессуальных иммунитетов в уголовном судопроизводстве является нецелесообразной, поскольку приведёт к ещё большей разобщённости прав у носителей иммунитета.

9. Следует признать, что парламентский иммунитет – одна из гарантий нормальных условий для работы депутатов. Перед современным законодателем стоит задача не допустить развития тенденции к широкому использованию парламентом тех положений, которые этому государственному органу выгодны, и, таким образом, избежать положения, при котором иммунитет его членов превращается в их личную привилегию. Есть настоятельная необходимость в совершенствовании, как конституционных норм, так и норм федерального законодательства, регламентирующих неприкосновенность депутатов, в направлении существенного сужения объёма и характера правового иммунитета членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Депутатская неприкосновенность должна быть ограничена политической деятельностью депутатов в парламенте.

Требуется реализовать рекомендацию, содержащуюся в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г., о том, что законодателю надлежит разрешить вопрос о допустимости и порядке осуществления следст-

венных действий в случае возбуждения уголовного дела в связи с совершением как действий депутата, связанных с осуществлением им депутатской деятельности, так и действий, не связанных с такой деятельностью. Это положение необходимо предусмотреть в УПК РФ.

10. Проблема отраслевой принадлежности норм, устанавливающих иммунитеты и привилегии, имеющих международно-правовые корни в уголовном судопроизводстве, не получила надлежащего разрешения. Допуская смешение уголовно-процессуальных институтов с институтами других отраслей права, многие учёные пришли к выводу о том, что обычно рассматриваемые нормы исследуются с позиций институтов международного права, государственного права, конституционного права и др., которые плавно переходят в сферу уголовно-процессуальных отношений. А в результате большинство уголовно-процессуальных иммунитетов остаётся вне поля зрения собственно уголовно-процессуального законодательства, и должным образом не регулируется.

Институт процессуальных иммунитетов, рассматриваемой категории, должен соответствовать международным стандартам и важным общечеловеческим ценностям. Поэтому недопустимо, когда предоставленные преимущества используются для личной выгоды, а не для независимого осуществления служебных обязанностей.

11. Установление оптимального соотношения между интересами обеспечения защиты лица, выполняющего важные для государства и общества функции, и недопущением безнаказанности этого лица в случае совершения им преступлений представляется весьма важной и актуальной задачей правовой политики Российского государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные акты и официальные документы

Международные документы

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Права человека: Сборник международных документов. – М.: Изд.-во Моск. ун.-та, 1986. – С. 21-29.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17 (1831). – Ст. 291.
3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью от 29 ноября 1985 // Международные акты о правах человека / Сборник документов. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – С. 165-168.
4. Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Действующее международное право. В 3-х томах. – Т. 1 / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та межд. права, 1999. – С. 797-811.
5. Генеральное соглашение о привилегиях и иммунитетах Совета Европы 1949 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1391.
6. Конвенция о привилегиях и иммунитетах ООН от 13 февраля 1946 г. // Действующее международное право. В 3-х томах. – Т. 1 / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та межд. права, 1999. – С. 615-620.
7. Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов / М.: Изд-во НОРМА, 2000. – С. 432-445.
8. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 18. – Ст. 221.

9. Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. // Действующее международное право. В 3-х томах. – Т. 1 / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та межд. права, 1999. – С. 528-562.
10. Конвенция о специальных миссиях от 8 декабря 1969 г. // Действующее международное право. В 3-х томах. – Т. 1 / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та межд. права, 1999. – С. 562-582.
11. Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера 1975 г. // Действующее международное право. В 3-х томах. – Т. 1 / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та межд. права, 1999. – С. 582-615.
12. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов / М.: Изд-во НОРМА, 2000. – С. 711-720.
13. Консульская конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки от 14 мая 1964 г. // Международное публичное право: Сборник документов в 3-х томах. – Т. 1 / М.: Изд-во БЕК, 1996. – С. 184.
14. Консульская конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединённым Королевством Великобритании и Северной Ирландии от 2 декабря 1965 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1968. – № 41. – Ст. 370.
15. Консульская конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой от 24 января 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1966. – № 51. – Ст. 1042.
16. Консульская конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией // Международные документы / М.: Международные отношения, 1969. – С. 227.

17. Консульская конвенция между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия от 12 сентября 1990 г. // Действующее международное право. В 3-х томах. – Т. 1 / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та межд. права, 1999. – С. 153.

18. Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Польша от 22 мая 1992 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1515.

Законодательство РСФСР и СССР

1. Положение о полковых судах. Утверждено Декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. // СУ РСФСР. – 1919. – № 31-32. – Ст. 326.

2. Положение о дипломатических представителях иностранных государств, аккредитованных при рабоче-крестьянском правительстве РСФСР: Утверждено Декретом СНК РСФСР от 30 июня 1921 г. // СУ РСФСР. – 1921. – № 52. – Ст. 303.

3. Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР: Утверждено Постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г. // Собрание законодательства СССР. – 1927. – № 5. – Ст. 48.

4. Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР от 23 мая 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1966. – № 22. – Ст. 387.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Принят 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 20-21. – Ст. 230.

6. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Утверждены Законом СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Принят 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1983. – № 32. – Ст. 1153.
9. О банках и банковской деятельности: Закон РСФСР от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 27. – Ст. 357;
10. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Закон РФ от 27 августа 1993 г. № 5668-1 // Российская газета. – 1993. – 9 сент.

Законодательство Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 г. – М.: Проспект, 1999. – 48 с.
2. Уголовный кодекс РФ. Принят 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона РФ от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 13; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 11. – Ст. 1495.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Принят 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. Федерального закона РФ от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 13; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 901. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 13. – Ст. 1687.
4. Арбитражный процессуальный кодекс РФ. Принят 14 июня 2002 г. № 95-ФЗ: в ред. Федерального закона РФ от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 45. – Ст. 4377.

5. Гражданский процессуальный кодекс РФ. Принят 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: в ред. Федерального закона РФ от 29 декабря 2004 г. № 194-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 20.
6. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон РФ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ: в ред. Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 4-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 7. – Ст. 607; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 51. – Ст. 4824; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 1.
7. О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон РФ от 10 октября 1995 г. № 2-ФКЗ: в ред. Федерального конституционного закона от 27 сентября 2002 г. № 5-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 42. – Ст. 3921; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.
8. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ: в ред. Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 5-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 51. – Ст. 4825; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 52. – Ст. 6402.
9. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.
10. О военных судах Российской Федерации: Федеральный конституционный закон РФ от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.
11. О милиции: Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1: в ред. Федерального закона РФ от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ // Ведомости Съезда народных де-

- путатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 503; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 35. – Ст. 3607.
12. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1: в ред. Федерального закона РФ от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 7. – Ст. 300; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 45. – Ст. 4377.
13. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4447; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 16; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 901.
14. О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1: в ред. Федерального закона РФ от 25 июля 2002 г. № 116-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1992. – № 15. – Ст. 769; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3033.
15. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1: в ред. Федерального закона РФ от 10 января 2003 г. № 15-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 17. – Ст. 888; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 167.
16. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1: в ред. Федерального закона РФ от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 33. – Ст. 1913; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 35. – Ст. 3607.
17. Об охране здоровья граждан: Основы законодательства РФ от 22 июля 1993 г. № 5487-1: в ред. Федерального закона РФ от 1 декабря 2004 г. № 151-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. –

1993. – № 33. – Ст. 1318; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 49. – Ст. 4850.

18. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 8 мая 1994 г. № 3: в ред. Федерального закона РФ от 16 декабря 2004 г. № 160-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 2. – Ст. 74; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 51. – Ст. 5128.

19. О Счётной палате Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ: в ред. Федерального закона от 24 декабря 2002 г. № 176-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 3. – Ст. 167; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 52 (часть 1). – Ст. 5132.

20. Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ: в ред. Федерального закона от 10 января 2003 г. № 4-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 156.

21. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: в ред. Федерального закона РФ от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 35. – Ст. 3607.

22. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ: в ред. Федерального закона от 21 марта 2002 г. № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 35. – Ст. 3506; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 12. – Ст. 1093.

23. О внешней разведке: Федеральный закон РФ от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ: в ред. Федерального закона РФ от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ // Собра-

- ние законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 143; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 35. – Ст. 3607.
24. О судебных приставах: Федеральный закон РФ от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ: в ред. Федерального закона РФ от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3590; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 35. – Ст. 3607 .
25. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон РФ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ: в ред. Федерального закона РФ от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2711.
26. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне»: Федеральный закон от 6 октября 1997 г. № 31-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 41. – Ст. 4673.
27. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ: в ред. Федерального закона от 20 июня 2003 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 30. – Ст. 3024.
28. О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 1 (часть 2). – Ст. 11; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 12. – Ст. 1093.
29. О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи: Федеральный закон РФ от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 7. – Ст. 617.

30. Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ: в ред. Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 116-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2288; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3033.
31. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон РФ от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 22. – Ст. 2027.
32. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ: в ред. Федерального закона РФ от 20 декабря 2004 г. № 163-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 52 (часть 1). – Ст. 5267.
33. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон РФ от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 27 (часть 1). – Ст. 2706.
34. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон РФ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: в ред. Федерального закона РФ от 29 декабря 2004 г. № 199-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3534; Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 25.
35. О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О банках и банковской деятельности в РСФСР»: Федеральный закон РФ от 30 декабря 2004 г. № 219-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 45.
36. О порядке и размерах возмещения расходов и выплаты вознаграждения лицам в связи с их вызовом в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру или в суд: Инструкция. Утверждена Постановлением Совета Министров РСФСР от 14 июля 1990 г. № 245: в ред. Постановлений Прави-

тельства РФ от 02.03.1993 г. № 187; от 04.03.2003 г. № 140) // СП РСФСР. – 1990. – № 18. – Ст. 132.

II. Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии

1. Агаев, Ф. А. Имунитеты в российском уголовном процессе / Ф. А. Агаев, В. Н. Галузо. – М.: ТЕИС, 1998. – 135 с.
2. Апарова, Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании / Т. В. Апарова. – М.: Прогресс, 1996. – 127 с.
3. Барабашева, Н. С. Право и распределение / Н. С. Барабашева, А. Б. Венгеров. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 277 с.
4. Бастрыкин, А. И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права / А. И. Бастрыкин. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. – 136 с.
5. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. – М.: ООО «ВИТРЕМ», 2002. – 832 с.
6. Бентам, И. О судебных доказательствах. Трактат / И. Бентам. – Киев: Тип. М. П. Фрица, 1876. – 423 с.
7. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм. / Вернер Бойльке; Пер. с нем. Я. М. Плошкиной; Под ред. Л. В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. – 352 с.
8. Брусницын, Л. В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию / Л. В. Брусницын. – М.: Спарк, 1999. – 108 с.
9. Будников, В. Л. Имунитет свидетеля в уголовном процессе: Лекция / В. Л. Будников. – Волгоград: Изд-во Волгоградск. гос. ун-та, 1998. – 32 с.
10. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – М.: Казен. железнодорож. тип. Моск. узла, 1911. – 356 с.
11. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс: Учебное пособие / С. И. Викторский. – М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. – 448 с.
12. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – СПб.: Изд-е книжн. магазина «Законоведение», 1910. – 400 с.

13. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. Изд-е 3-е доп. / А. Я. Вышинский. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1950. – 308 с.
14. Глотов, С. А. Право Совета Европы и Россия / С. А. Глотов. – Краснодар: Изд-во «Наука», 1996. – 536 с.
15. Горланов, Г. В. Экономические привилегии. Источники и формы проявления / Г. В. Горланов. – М.: Экономика, 1990. – 109 с.
16. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Данилевский Н. Я. – СПб.: Изд-во Книга, 1995. – 573 с.
17. Действующее международное право. В 3-х томах. – Т. 1 / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Изд-во Моск. независ. ин-та межд. права, 1999. – 864 с.
18. Дёмин, Ю. Г. Статус дипломатических представительств и их персонала: Учебное пособие / Ю. Г. Дёмин. – М.: Международные отношения. – 1995. – 208 с.
19. Дурманов, Н. Д. Советский уголовный закон: учебное пособие / Н. Д. Дурманов. – М.: Изд-во «Луч», 1967. – 140 с.
20. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – М.: [Б. м. и.], 1910. – 448 с.
21. Дюрягин, И. Я. Гражданин и закон / И. Я. Дюрягин. – М.: Юридическая литература, 1991. – 366 с.
22. Ершов, В. В. Статус суда в правовом государстве / В. В. Ершов. – М.: Юристъ, 1992. – 113 с.
23. Ефимов, В. В. Догма римского права. – 2 ч. / В. В. Ефимов. – СПб.: тип. В. С. Балашова, 1901. – 270 с.
24. Квачевский, А. А. О вызове и допросе свидетелей на предварительном следствии / А. А. Квачевский. – М.: [Б. м. и.], 1869. – 28 с.
25. Квачевский, А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч.3. – Вып. 2 / А. Квачевский. – СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1870. – 319 с.

26. Кипнис, Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н. М. Кипнис. – М.: Юристъ, 1996. – 128 с.
27. Ковалёв, А. А. Привилегии и иммунитеты в современном международном праве / А. А. Ковалёв. – М.: Изд-во «Луч», 1986. – 64 с.
28. Козюк, М. Н. Правовое равенство и привилегия депутатской неприкосновенности / М. Н. Козюк. – Ростов-на-Дону: Ростовская высшая школа МВД РФ, 1995. – С. 162-172.
29. Козюк, М. Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования / М. Н. Козюк. – Волгоград: Изд-во «Право», 1998. – 210 с.
30. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общей ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. – М.: Изд-во БЕК, 1996. – 786 с.
31. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. В. Мозякова. – М.: «Издательство «Экзамен XXI», 2002. – 864 с.
32. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И. Л. Петрухина. – М.: ООО «ТК Велби», 2002. – 896 с.
33. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2003. – 1008 с.
34. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. – М.: «Юрайт-Издат», 2004. – 1365 с.
35. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А. Ф. Кони // Собр. соч. в 8-ми т. – Т.4. – М.: Юрид. лит., 1967. – 543 с.
36. Кони, А.Ф. Избранные труды и речи / А. Ф. Кони / Сост. И. В. Потапчук. – Тула: Автограф, 2000. – 640 с.
37. Конституции зарубежных государств / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. – М.: Изд. группа: ИНФРА·М – НОРМА, 1997. – 586 с.
38. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В. В. Маклаков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство БЕК, 2001. – 567 с.

39. Корякин, И. П. Иммуни́тет в уголовном судопроизводстве (генезис и гносеология): Учебное пособие / И. П. Корякин. – Алматы: Данекер, 2004. – 68 с.
40. Левин, Д. Б. Дипломатический иммунитет / Д. Б. Левин. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 415 с.
41. Лившиц, Р. З. Опосредование. Правовая система социализма / Р. З. Лившиц. – М.: Просвещение, 1986. – 478 с.
42. Лукашук, И. И. Международное право. Особенная часть / И. И. Лукашук. – М.: БЕК, 1997. – 410 с.
43. Международные акты о правах человека. Сборник документов / М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 784 с.
44. Международное право в документах: Учебное пособие / Сост. Н. Т. Блатова. – М.: Юридическая литература, 1982. – 856 с.
45. Миронов, О. О. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / О. О. Миронов. – М.: Изд-во Республика, 1999. – 80 с.
46. Моджорян, Л. А. Правовое положение дипломатических представительств и их персонала / Советский ежегодник международного права. – М.: Наука, 1976. – С. 156-167.
47. Мордовец, А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / А. С. Мордовец. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 1996. – 340 с.
48. Москалькова, Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования) / Т. Н. Москалькова. – М.: Спарк, 1996. – 125 с.
49. Мурадян, Э. М. Истина как проблема судебного права / Э. М. Мурадян. – М.: «Былина», 2002. – 287 с.
50. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под общ. ред. В. М. Лебедева; научн. ред. В. П. Божьев. – М.: Спарк, 1997. – 788 с.

51. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под общ. ред. В. М. Лебедева; научн. ред. В. П. Божьев. – М.: Спарк, 2002. – 991 с.
52. Нерсисянц, В. С. Право – математика свободы / В. С. Нерсисянц. – М.: Изд. Группа ИНФРА-М, 1996. – 736 с.
53. Павлов, Н. Е. Долг свидетеля / Н. Е. Павлов. – М.: Изд-во Сов. Россия, 1989. – 144 с.
54. Палеев, М. С. Закон о статусе судей в Российской Федерации. Комментарий / М. С. Палеев, С. А. Пашин, В. М. Савицкий. – М.: Наука, 1994. – 141 с.
55. Петрухин, И. Л. Личная жизнь: пределы вмешательства / И. Л. Петрухин. – М.: Юрид. лит., 1989. – 189 с.
56. Петрухин, И. Л. Личные тайны (Человек и власть) / И. Л. Петрухин. – М.: Институт государства и права РАН, 1998. – 392 с.
57. Петрухин, И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение / И. Л. Петрухин. – М.: Наука, 1985. – 239 с.
58. Рахунов, Р. Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе / Р. Д. Рахунов. – М.: Госюриздат, 1955. – 164 с.
59. Ржевский, В. А. Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности / В. А. Ржевский, Н. М. Чепурнова. – М.: Наука, 1998. – 185 с.
60. Романовский, Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни / Г. Б. Романовский. – М.: МЗ-Пресс, 2001. – 312 с.
61. Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. – Т.8. Судебная реформа / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 495 с.
62. Скопинский, А. В. Свидетели по уголовным делам. Пособие для практиков / А. В. Скопинский. – М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1911. – 194 с.
63. Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство / В. Случевский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. – 444 с.

64. Смирнов, А. В. Уголовный процесс: Учебник для вузов / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский / Под общ. ред. А. В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2004. – 697 с.
65. Смолькова, И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И. В. Смолькова. – М.: «Луч», 1999. – 336 с.
66. Смолькова, И. В. Тайна и уголовно-процессуальный закон / И. В. Смолькова. – М.: «Луч», 1997. – 100 с.
67. Современное международное право. Сборник документов / Сост. В. К. Собакин. – М.: Международные отношения, 1964. – 666 с.
68. Средневековое городское право XII-XIII веков. Сборник текстов / Под ред. С. М. Стама. – Саратов, 1989. – 564 с.
69. Стецовский, Ю. И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность / Ю. И. Стецовский. – М.: Дело, 2000. – 720 с.
70. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2-х т. – Т.1 / М. С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
71. Уголовный процесс России: Учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; науч. ред. В. Т. Томин. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – 821 с.
72. Уголовное судопроизводство России: Учебник для вузов / Под ред. Н. И. Газетдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 496 с.
73. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / Под ред. В. М. Савицкого. – М.: Ин-т гос. и права АН СССР, 1990. – 317 с.
74. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. – Т.1 / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. – 552 с.
75. Фридмен, Л. Введение в американское право / Л. Фридмен. – М.: Наука, 1992. – 127 с.
76. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. З. М. Черниловского. – М.: Можайск. полиграф. комб., 1998. – 412 с.

77. Чичерин, Б. Н. Избранные труды / Б. Н. Чичерин. – СПб.: Наука, 1998. – 656 с.

78. Якупов, Р. Х. Правоприменение в уголовном процессе / Р. Х. Якупов. – М.: МВШМ МВД России, 1993. – 195 с.

III. Научные статьи, тезисы докладов

1. Агаев, Ф. Институт депутатской неприкосновенности / Ф. Агаев // Уголовное право. – 1998. – № 2. – С. 54-55.

2. Алёшина, И. Уголовное дело в отношении судьи должно возбуждаться на общих основаниях / И. Алёшина // Российская юстиция. – 1999. – № 1. – С. 46-47.

3. Алёшина, И. Кандидат на должность судьи / И. Алёшина // Законность. – 2001. – № 12. – С. 40-42.

4. Андреев, В. Конституционный статус Счётной палаты Российской Федерации / В. Андреев // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 16-17.

5. Андреев, В. Полномочия Счётной палаты Российской Федерации / В. Андреев // Российская юстиция. – 1999. – № 11. – С. 15-16.

6. Багаутдинов, Ф. Н. Регламентация в УПК РФ участия в следственных и иных действиях сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность / Ф. Н. Багаутдинов // Российский следователь. – 2003. – № 3. – С. 12-13.

7. Бастрыкин, А. Особенности допроса иностранных граждан на предварительном следствии / А. Бастрыкин, О. Александрова // Законность. – 2004. – № 3. – С. 30-32.

8. Баталов, Э. Кого манит Дума? / Э. Баталов // Российская Федерация. – 1995. – № 21. – С. 17-22.

9. Бойков, А. Д. Законность и целесообразность в уголовном судопроизводстве / А. Д. Бойков // Государство и право. – 1998. – № 4. – С. 14-16.

10. Бойцова, В. В. Н. Д. Погосян. Счётная палата Российской Федерации / В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова // Государство и право. – 1999. – № 1. – С. 122-123.

11. Бойцова, В. В. Польский омбудсман: успешный эксперимент / В. В. Бойцова // Конституционное и муниципальное право. – 2001. – № 2. – С. 45-48.
12. Бойцова, Л. В. Настоящее и будущее российского омбудсмана / Л. В. Бойцова, В. В. Бойцова // Юридический мир. – 2003. – № 3. – С. 18-26.
13. Брагин, А. Прокурор в уголовном процессе / А. Брагин, П. Чеурин // Законность. – 2004. – № 4. – С. 26-28.
14. Брусницын, Л. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК / Л. Брусницын // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 48-50.
15. Бутылин, В. Н. В. Д. Горобец. Парламент Российской Федерации / В. Н. Бутылин // Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 123-124.
16. Вельш, И. В. История развития института свидетельского иммунитета в России / И. В. Вельш // История государства и права. – 2000. – № 1. – С. 28-32.
17. Вельш, И. В. Свидетельский иммунитет в отношении иностранных граждан (по проекту УПК) / И. В. Вельш // Юрист. – 2000. – № 2. – С. 29.
18. Власть, демократия, привилегии // Материалы «круглого стола». – Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 46-67.
19. Галузо, В. Н. Депутатский иммунитет: уголовно-процессуальные проблемы правового регулирования / В. Н. Галузо // Сборник материалов региональной научно-практической конференции. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999. – С. 123-125.
20. Горелик, А. С. Уголовная ответственность за противодействие осуществлению правосудия / А. С. Горелик // Юридический мир. – 1998. – № 9-10 (сент.-окт.) – С. 65-72.
21. Гришина, Е. Показания свидетеля и суд присяжных / Е. Гришина // Российская юстиция. – 1994. – № 11. – С. 5.
22. Даев, В. Г. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности / В. Г. Даев // Известия вузов: Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 48-52.

23. Даев, В. Г. Материально-правовые и процессуальные проблемы свидетельского иммунитета в уголовном судопроизводстве / В. Г. Даев // Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступностью. Сб. науч. тр. – Калининград: Калининград. ун-т, 1995. – С. 76-80.
24. Дмитриев, Ю. А. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции / Ю. А. Дмитриев // Государство и право. – 1999. – № 6. – С. 38-43.
25. Дюрягин, И. Я. Об усилении процессуальной защищенности в уголовном судопроизводстве / И. Я. Дюрягин // Укрепление законности и борьба с преступностью в условиях формирования правового государства. – М.: АН СССР, 1990. – С. 149-152.
26. Егорова, М. С. Доступ граждан к правовой информации как условие развития правосознания и формирования правовой культуры / М. С. Егорова // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 108-109.
27. Ефремов, А. М. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в ОРД ОВД – одна из составляющих повышения эффективности борьбы с преступностью / А. М. Ефремов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. материалов науч.-практ. конф. – Красноярск, 1999. – С. 164-168.
28. Ефремов, А. Ф. О правовой неприкосновенности / А. Ф. Ефремов // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». – Тольятти, 1999. – Вып. 6. – С. 31-33.
29. Журавлев, М. К вопросу о правовом иммунитете членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ / М. Журавлев // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 88-93.
30. Информационное письмо о неправомерных действиях адвокатов в судебных заседаниях, неявка адвокатов в судебные заседания без уважительных причин в 2003 г. // Адвокатская палата. – 2004. – № 9. – С. 3-6.
31. Исанов, С. Н. О некоторых нормах законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре / С. Н. Исанов // Адвокат. – 2004. – № 11. – С. 10-16.

32. Карнеева, Л. М. Проблемы свидетельского иммунитета / Л. М. Карнеева, И. Кертэс // Советское государство и право. – 1989. – № 6. – С. 57-64.
33. Кибальник, А. Г. Иммунитет как основание освобождения от уголовной ответственности / А. Г. Кибальник // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 6-8.
34. Кибальник, А. Г. О соответствии уголовного законодательства международному стандарту по правам человека / А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 42-48.
35. Кипнис, Н. Законодательное регулирование свидетельского иммунитета / Н. Кипнис // Российская юстиция. – 1994. – № 3. – С. 47-48.
36. Ковлер, А. И. Европейское право прав человека и Конституция России / А. И. Ковлер // Журнал российского права. – 2004. – № 1. – С. 149-150.
37. Комарова, В. В. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации / В. В. Комарова // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 21-31.
38. Конев, В. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе / В. Конев, Н. Громов, В. Николайченко // Российская юстиция. – 1997. – № 9. – С. 48-50.
39. Корнуков, В. М. Правовые аспекты системности и связи основных уголовно-процессуальных актов предварительного расследования / В. М. Корнуков, В. А. Лазарев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2001. – № 1. – С. 142-145.
40. Корольков, И. Неподсудные в мантии / И. Корольков // Известия. – 1995. – 10 марта.
41. Корольков, И. Хамство в мантии / И. Корольков // Известия. – 1995. – 8 июля.
42. Крыша на крышу // Известия. – 1999. – 21 октября.
43. Лукашук, И. Иммунитеты в отношении уголовной юрисдикции / И. Лукашук // Российская юстиция. – 1998. – № 4. – С. 23-25.
44. Lupinская, П. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе / П. Lupinская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 5-8.

45. Лопатин, В. Н. Свидетельский иммунитет / В. Н. Лопатин, А. В. Федоров // Государство и право. – 2004. – № 6. – С. 49-57.
46. Малько, А. В. Льготы в праве: понятие и виды / А. В. Малько // Проблемы теории права. – 1997. – № 4. – С. 8-12.
47. Мартынчик, Е. Г. Суд и адвокатура: возникновение, развитие, взаимоотношения (уголовно-процессуальный аспект) / Е. Г. Мартынчик // Российский судья. – 2002. – № 1. – С. 13-16.
48. Мелик-Дадаева, И. А. Институт омбудсмана (история, основные функции и особенности деятельности) в скандинавских странах / И. А. Мелик-Дадаева // Научная информация о состоянии преступности и борьбе с ней в капиталистических странах. – 1986. – № 94. – С. 94-100.
49. Наумов, А. Иммунитет в уголовном праве / А. Наумов // Уголовное право. – 1998. – № 2. – С. 23-28.
50. Николаев, А. Дипломатические привилегии и иммунитеты / А. Николаев // Международная жизнь. – 1983. – № 8. – С. 152-155.
51. Николук, В. Применение статьи 51 Конституции РФ в уголовном судопроизводстве / В. Николук, В. Кальницкий // Законность. – 1997. – № 8. – С. 14-18.
52. Обеднин, В. К. О некоторых аспектах юридического иммунитета / В. К. Обеднин // Подходы к решению проблем законодательства и правоприменения: Сб. науч. трудов, Красноярск. – 2002. – С. 90-93.
53. Павловска-Данева, А. Омбудсмен как особый вид контроля над органами управления / А. Павловска-Данева // Вестн. Моск. ун-та. – сер. 11. ПРАВО. – 2001. – № 3. – С. 105-111.
54. Петуховский, А. Свидетельский иммунитет: проблемы развития процессуального института / А. Петуховский // Российская юстиция. – 2003. – № 9. – С. 49-50.
55. Покушение на независимость суда: современная хроника // Российская юстиция. – 2000. – № 2. – С. 2-4.

56. Поленина, С. В. Закон как средство реализации задач формирования правового государства / С. В. Поленина // Теория права: новые идеи. – Вып. 3. – М., 1993. – С. 16-18.
57. Радутная, Н. В. О независимости судей / Н. В. Радутная // Соц. законность. – 1989. – № 11. – С. 8-11.
58. Радченко, В. И. Судебная реформа в России / В. И. Радченко // Журнал российского права. – 1999. – № 1. – С. 56-59.
59. Рудинский, Ф. Служба подлинного гуманизма (о проблемах деятельности российского омбудсмана) / Ф. Рудинский // Конституционное и муниципальное право. – 1999. – № 2. – С. 22-28.
60. Руднев, Вл. Иммуниеты в уголовном судопроизводстве / Вл. Руднев // Российская юстиция. – 1996. – № 8. – С. 28-29.
61. С гранатами на судей // Комсомольская правда. – 1999. – 2 ноября.
62. Саушкин, С. А. Правовое обеспечение свидетельского иммунитета: современное состояние и вопросы развития / С. А. Саушкин, Е. П. Гришина // Адвокатская практика. – 2002. – № 5. – С. 28-30.
63. Северин, Ю. Д. Независимость правосудия – проблема времени / Ю. Д. Северин // Советское государство и право. – 1991. – № 9. – С. 45-47.
64. Сивкова, В. СУДержанки / В. Сивкова // Аргументы и факты. – 2000. – 11 марта.
65. Сидорова, Н. В. К вопросу о показаниях свидетеля в уголовно-процессуальном и гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации / Н. В. Сидорова // Уголовная юстиция: состояние и пути развития: Регионал. науч.-практ. конф. – Тюмень: Изд.-полиграф. центр «Экспресс», 2003. – С. 96-99.
66. Смирнов, Д. Пределы свидетельского иммунитета / Д. Смирнов // Законность. – 1998. – № 2. – С. 32-34.
67. Смолькова, И. В. Адвокатская тайна / И. В. Смолькова // Адвокат. – 2001. – № 5. – С. 3-10.

68. Смолькова, И. Свидетельский иммунитет судей. К вопросу о тайне совещательной комнаты / И. Смолькова // Российская юстиция. – 1998. – № 5. – С. 4-5.
69. Стасенков, Г. Судья должен быть зависим только от закона / Г. Стасенков // Российская газета. – 1999. – 4 сентября.
70. Степашин, С. Лимит на революции исчерпан / С. Степашин // Российская газета. – 1999. – 13 ноября.
71. Темираев, О. Процессуальная самостоятельность следователя / О. Темираев // Законность. – 2000. – № 4. – С. 28-29.
72. Терёхин, В. А. Самостоятельность судебной власти и независимость судей как гарантия прав граждан / В. А. Терёхин // Государство и право. – 2001. – № 8. – С. 42-50.
73. Толстихина, А. Сколько стоят судьи / А. Толстихина // Сегодня. – 1999. – 25 августа.
74. Трубочкина, В. В. Процессуальное положение следователя / В. В. Трубочкина // Вестн. Моск. ун-та. – сер. 11, ПРАВО. – 1997. – № 4. – С. 88-94.
75. Трунов, И. Л. Адвокатское защитительное слово / И. Л. Трунов // Российский судья. – 2002. – № 8. – С. 27-29.
76. Тулаев, А. Н. Особенности парламентского контроля за деятельностью правительства в странах западной Европы / А. Н. Тулаев // Журнал российского права. – 2004. – № 1. – С. 158-163.
77. Турбота, Н. Суд идёт! Вопрос – куда? / Н. Турбота // Труд. – 2000. – 2 сентября.
78. Фатьянов, А. А. Проблемы формирования института служебной тайны в отечественном праве / А. А. Фатьянов // Государство и право. – 1999. – № 4. – С. 14-22.
79. Феофанов, Ю. Где нет суда – будет самосуд / Ю. Феофанов // Известия. – 1995. – 12 апреля.
80. Хабарова, Е. А. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц и прекращение уголовного дела / Е. А. Ха-

барова // Уголовная юстиция: состояние и пути развития: Региональная науч.-практ. конф. – Тюмень: Изд-во полиграф. центр «Экспресс», 2003. – С. 99-102.

81. Чиркин, В. Е. Федеральное Собрание – Парламент России / В. Е. Чиркин, С. А. Авакьян // Государство и право. – 2000. – № 8. – С. 113-114.

82. Чиркин, В. Е. Новые подходы к теории современного государства и федерализма / В. Е. Чиркин // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 66-72.

83. Чувилев, А. А. Проблемы свидетельского иммунитета в свете задач реформы советского уголовного судопроизводства / А. А. Чувилев // Укрепление общественного порядка и законности в правовом государстве. Межвуз. сб. науч. тр. – М.: Изд-во МВШМ МВД СССР, 1990. – С. 148-155.

84. Чувилёв, А. Проблемы реализации конституционного принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве / А. Чувилёв, Ф. Агаев // Уголовное право. – 1999. – № 2. – С. 71-73.

85. Шавров, А. В. Надзор и дисциплинарная ответственность в судебном ведомстве пореформенной России (1864-1917 гг.) / А. В. Шавров // Советское государство и право. – 1985. – № 12. – С. 98-107.

86. Шиканов, В. И. Заметки на полях текста нового Уголовно-процессуального кодекса / В. И. Шиканов // Сибирские криминалистические чтения. – Иркутск, 2002. – № 14. – С. 1-6.

87. Шишкова, А. Институт омбудсмана: утраченные иллюзии / А. Шишкова // Адвокат. – 1999. – № 12. – С. 17-20.

88. Элькин, П. С. Адвокатская этика / П. С. Элькин // Советская юстиция. – 1940. – № 4. – С. 17-20.

IV. Диссертации, авторефераты

1. Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф. А. Агаев. – М., 1997. – 25 с.

2. Агаев, Ф. А. Иммунитеты в Российском уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф. А. Агаев. – М., 1997. – 200 с.

3. Вельш, И. В. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И. В. Вельш. – М., 2000. – 209 с.
4. Карибов, К. Ф. Процессуальное положение свидетеля в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К. Ф. Карибов. – М., 2001. – 28 с.
5. Марчанукова, Д. А. Иммунитетные права феодалов в Англии в период правления Эдуарда I: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. А. Марчанукова. – Ставрополь, 2001. – 27 с.
6. Руднев, В. И. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. И. Руднев. – М., 1997. – 22 с.
7. Чачина, Г. Г. Нравственные и правовые основы свидетельского иммунитета в уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г. Г. Чачина. – Ижевск, 1999. – 162 с.

V. Словари и энциклопедии

1. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – М.: Изд-во ИНФРА ·М, 1997. – 790 с.
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4 / В. Даль. – М.: Русский язык, 1982. – 683 с.
3. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1986. – 843 с.
4. Конституция Российской Федерации. Энциклопедический словарь / Руководитель авторского коллектива С. М. Шахрай. – М.: Научн. изд-во Больш. российск. энциклопедии, 1995. – 560 с.
5. Краткая российская энциклопедия: в 3 т. – Т. 2 / Сост. В. М. Карев. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 1135 с.
6. Неволин, К. А. Энциклопедия законовещения. – Т. 1 / К. А. Неволин. – СПб.: Равена, 1997. – 501 с.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов // Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.

8. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 790 с.
9. Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – 752 с.
10. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров / Под ред. М. Ю. Тихомирова. – М.: Юринформцентр. – 1998. – 526 с.
11. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Т. 2 / П. Я. Черных. – М.: Русский язык, 1994. – 559 с.
12. Энциклопедический юридический словарь / Под общ. ред. В. Е. Крутских. – 2-е изд. – М.: ИНФРА – М, 1998. – 368 с.
13. Юридический словарь. – Т. 1 / 2-е изд. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – 782 с.

VI. Судебная практика

1. О проверке конституционных положений частей 1 и 2 статей 18, 19 и части 2 статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994г. «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 9. – Ст. 828.
2. По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела: Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 17-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 51. – Ст. 6364.
3. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г.

№ 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 27. – Ст. 2882.

4. По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 21. – Ст. 2060.

5. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // Российская газета. – 2004. – 7 июля.

6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 апреля 1994 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1995. – № 2. – С. 7-8.

7. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 1. – С. 3-6.

VII. Литература на иностранных языках

1. Miser, L. Liberalism / L. Miser. – Boston, 1997. – 134 p.

2. United States Code, 1988 Edition. – W., 1989. – 672 p.

3. Cases on Constitutional Law. Political Roles of The Supreme Court. – Homewood (111.), 1973. – 15-20 p.

4. The World Book Encyclopedia / Holbert N. Corrol. – Field Enerprise as Educational Corporation. N. Y., 1972. – 980 p.

5. Demokratia. Ru: Аналитика: Обзор законов: Выпуск 56 // [www.demokratia.ru / analyst / reviewlaws / 2003 / 56 / page02part04.php](http://www.demokratia.ru/analyst/reviewlaws/2003/56/page02part04.php)

6. Wilams G One Man's freedom. – N. Y., 1962. – 240 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ВИДЫ ИММУНИТЕТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	7
1. 1. Соотношение понятий «льгота», «привилегия», «иммунитет»	7
1. 2. Понятие, возникновение и развитие правового института иммунитета в уголовном судопроизводстве	23
1. 3. Классификация иммунитетов в уголовном судопроизводстве	37
ГЛАВА 2. ВИДЫ ИММУНИТЕТОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	45
2. 1. Иммунитет главы государства	49
2. 2. Иммунитет представителей законодательной ветви власти	65
2. 3. Иммунитет должностных лиц судебной ветви власти	89
2. 4. Иммунитет должностных лиц контролирующих и правоохранительных органов	103
2. 5. Иммунитет адвоката	124
ГЛАВА 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИММУНИТЕТЫ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ, РЕГУЛИРУЕМЫЕ НОРМАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА... ..	133
3. 1. Общие положения	133
3. 2. Иммунитет сотрудников дипломатических представительств	136
3. 3. Иммунитет сотрудников консульских учреждений	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	181
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	Ошибка! Закладка не определена.

Научное издание

Лукошкина Светлана Валерьевна

**ИММУНИТЕТЫ В РОССИЙСКОМ
УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Издаётся в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 16.05.11. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 13,3. Тираж 100 экз. Заказ

Издательство Байкальского государственного
университета экономики и права.
664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.
Отпечатано в ИПО БГУЭП.